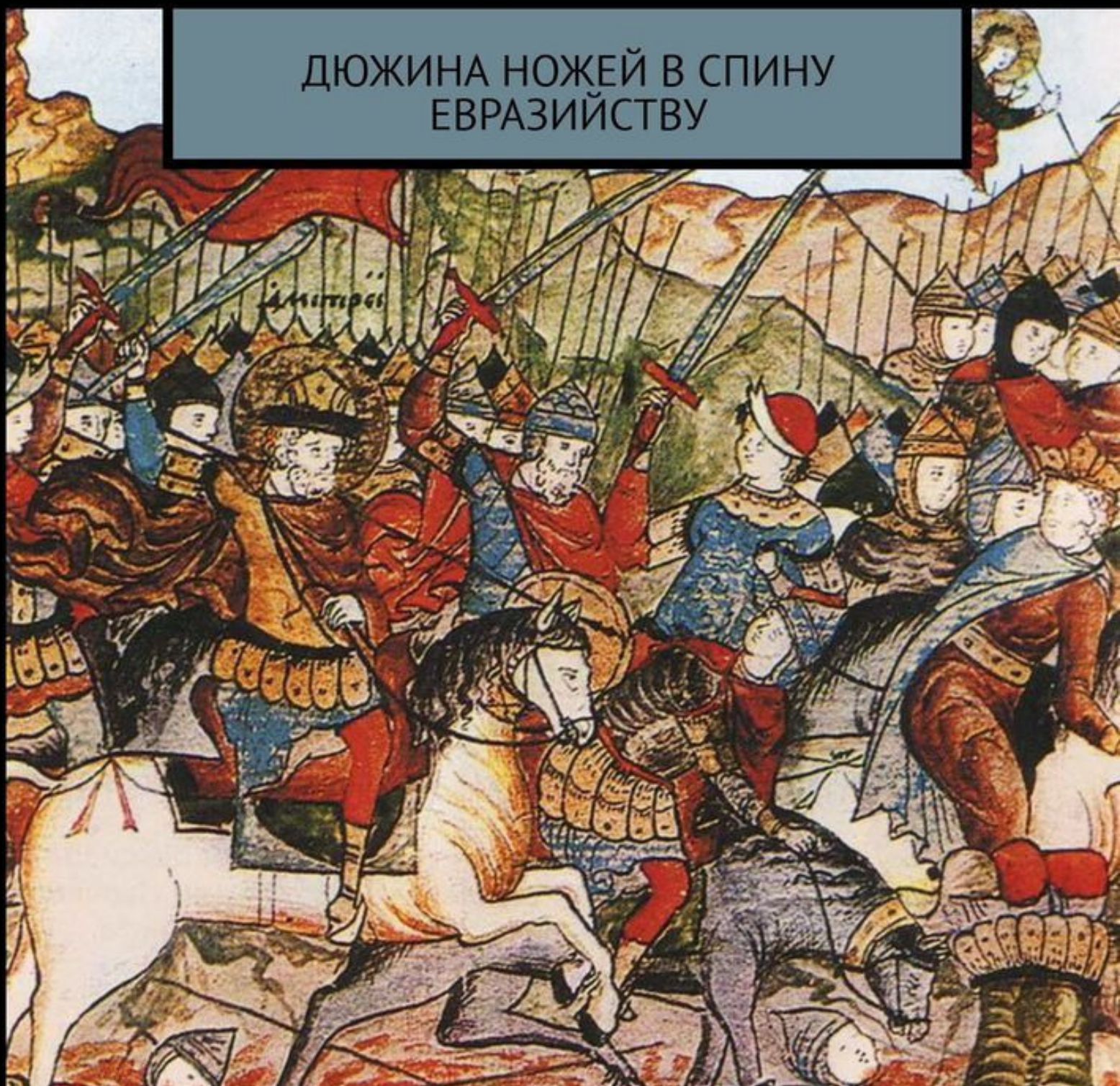


18+

СЕРГЕЙ ПЕТРОВ

МОСКВА ПРОТИВ ОРДЫ

ДЮЖИНА НОЖЕЙ В СПИНУ
ЕВРАЗИЙСТВУ



Сергей Петров

**Москва против Орды. Дюжина
ножей в спину евразийству**

«Издательские решения»

Петров С.

Москва против Орды. Дюжина ножей в спину евразийству /
С. Петров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858660-6

«О еже искоренити и угасити все богохульное агарянское нечестие и царство их скоро разрушити и правоверным предати, молимся Тебе, Всесильный Господи», — такой молитвой встречали новолетие русские люди средневековой поры. Совместимо ли подобное непримиримо враждебное настроение с «русско-ордынским симбиозом», о котором говорят евразийцы? Каково в целом было отношение средневековой Руси к своим южным и восточным соседям? Новый ответ на эти и другие вопросы даёт предлагаемая читателю книга. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-858660-6

© Петров С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Москва против Орды	7
Даниил Александрович (1263—1303)	7
Юрий Данилович (1303—1325)	19
Иван I Данилович Калита (1325—1340)	29
Семён Иванович Гордый (1340—1353)	39
Иван II Иванович Красный (1353—1359)	45
Дмитрий Иванович (1359—1389)	47
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Москва против Орды Дюжина ножей в спину евразийству

Сергей Петров

© Сергей Петров, 2024

ISBN 978-5-4485-8660-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Основная тема предлагаемой читателю книги – взаимоотношения между правителями Московского княжества и ханами Золотой Орды. Данная тема находилась в числе самых важных для русской исторической науки с самого её возникновения. В дореволюционной и советской историографии безраздельно господствовало мнение о том, что московские князья боролись против Орды за создание единого суверенного русского государства и в этой борьбе одержали заслуженную победу. В постсоветское время этот консенсус оказался сильно расшатанным, если не совсем разрушенным, усилиями евразийства, зародившегося в 1920-х гг. в русской эмигрантской среде и получившего своё окончательное оформление в трудах Л. Н. Гумилёва 1960-70-х гг. Согласно евразийской точке зрения, Русь находилась с Ордой в состоянии не противоборства, а добровольного симбиоза, спасшего её от западной католическо-крестованской агрессии. Евразийцы утверждают, что московские князья были преемниками ордынских ханов, а Россия является наследницей Монгольской империи.

Исследования по средневековой русской истории, выходящие в России в настоящее время, зачастую в той или иной степени несут следы влияния евразийской идеологии, которая также пользуется поддержкой официальных лиц вплоть до руководителей государства, апеллирующих к ней время от времени в своих официальных выступлениях. Кроме того, евразийские аргументы пользуются большой популярностью у националистических идеологов ряда народностей постсоветского пространства (украинцев, белорусов, татар и др. тюрков), которые используют их для утверждения своих собственных версий прошлого в духе фольк-хистори.

Хотя традиционный для русской исторической науки взгляд на взаимоотношения московских князей с Ордой переживает очевидный кризис, при ближайшем рассмотрении оказывается, что кризис этот имеет не столько научные, сколько политические и пропагандистские причины. Если отбросить откровенные вымыслы, обильно представленные в евразийском дискурсе, сторонники взгляда на коллаборационистский характер ордынской политики Москвы (не важно – в обличительном или апологетическом духе) используют для его обоснования методы, никакого отношения к исторической науке не имеющие. Определённые факты из деятельности московских князей вырываются из контекста и раздуваются, при этом факты такого же характера из деятельности соперников московских князей полностью игнорируются.

Если же подходить к рассмотрению вопроса со строго научной точки зрения, непредвзято, в контексте и с широкой перспективой, то подтверждается в целом правильность традиционного для русской историографии взгляда: московские князья действительно боролись против Орды доступными им средствами за создание объединённого суверенного русского государства, и делали это более решительно и последовательно, чем их соперники. Обоснованию данной точки зрения на широком фактическом материале служит первая часть настоящей книги, рассматривающая отношения с ордынскими ханами московских князей от Даниила до Ивана III. Вторая часть книги представляет собой сборник статей, посвящённых отдельным сторонам взаимодействия русских с Ордой и её наследниками.

Москва против Орды

Даниил Александрович (1263—1303)

Младший из четырёх сыновей Александра Невского Даниил родился в 1261 г. Всего лишь два года спустя, в 1263 г., умер его отец. По всей видимости, Даниил получил Москву в удел по завещанию Александра. Воспитателем малолетнего князя стал его дядя, великий князь Ярослав Ярославич Тверской, а Москва на протяжении 7 лет управлялась тверскими тиунами. Известно нам это из послания, написанного в 1408 г. тверским князем Иваном Михайловичем московскому князю Василию Дмитриевичу: «По роду есми тебе дядя мой пращуръ, великий князь Ярославъ Ярославичъ, княжилъ на великомъ княжении на Володимирскомъ и на Новгородцкомъ; а князя Данила вскормилъ мой пращуръ Александровича, се (де) ли на Москве 7 летъ тивона моего пращура Ярослава»¹. Указание на семилетнее правление в Москве тверских тиунов в точности соответствует семи годам, которые Ярослав Ярославич Тверской занимал великокняжеский стол во Владимире (с 1264 г. до 1271 г.). О последующих событиях в жизни Москвы и её князя нам ничего не известно в течение десяти лет. На страницах летописи Даниил Александрович появляется только в 1282 г.

Наиболее существенным фактом в биографии основателя московской династии является то, что он был одним из членов антитатарской коалиции русских князей, созданной великим князем Дмитрием Александровичем Переяславским, а после смерти последнего возглавил её. Старший сын Александра Невского Дмитрий стал великим князем владимирским в 1277 г., унаследовав этот титул в соответствии с русским лествичным правом от своего младшего дяди Василия Ярославича Костромского. В 1281 г. умер хан Золотой Орды Менгу-Тимур и вместо него воцарился Туда-Менгу. Согласно установившемуся обычаю, в случае смерти хана русские князья должны были приехать в Орду для того, чтобы получить от его преемника подтверждение своих владений. Однако Дмитрий в Сарай не поехал. Этим воспользовался его младший брат Андрей Александрович Городецкий. Зимой 1281—1282 гг. он отправился в Орду и получил от Туда-Менгу ярлык на Великое княжество Владимирское.

К татарской рати, приведённой Андреем, присоединились войска его союзников Фёдора Ростиславича Ярославского, Константина Борисовича Ростовского и Михаила Ивановича Стародубского. 19 декабря 1281 г. они взяли Переяславль. Дмитрий Александрович бежал и попытался укрепиться в Копорье, но, столкнувшись с сопротивлением новгородцев, перебрался в Псков к своему зятю и союзнику Довмонту. Андрей отпустил татар в Орду и в феврале 1282 г. приехал в Новгород, где был посажен на новгородский стол. Вскоре он уехал из Новгорода в столичный Владимир, а оттуда в свой удельный Городец. Этим тут же воспользовался Дмитрий Александрович, вернувшись в Переяславль и вновь вступив в великокняжеские права.

Однако здесь ему пришлось столкнуться с сопротивлением уже не Андрея, а новгородцев и их союзников. По сообщению новгородского летописца, в 1282 г. «идоша новгородци на Дмитриа к Переяславлю, и Святославъ со тферици, и Данило Олександрович с москвици; Дмитрии же изиде противу плъкомъ со всею силою своею и ста въ Дмитрове»². Но до кровопролития дело не дошло — стороны разошлись, заключив под Дмитровым мир. Для нас данное сообщение важно тем, что в нём впервые упоминается Даниил Александрович как самостоятельно действующий московский князь. Хотя в данном случае он выступил вместе со своим двоюродным братом Святославом Ярославичем Тверским в качестве противника своего стар-

¹ Тверская летопись. ПСРЛ. Т. 15. Стб. 474.

² Новгородская I летопись. ПСРЛ. Т. 3. С. 325.

шего брата Дмитрия Александровича Переяславского, это отнюдь не означает, что он был членом проордынской коалиции Андрея Александровича Городецкого. Во время похода Андрея на Русь в конце 1281 г. тверской и московский князья не были в числе его союзников, а в новгородском походе на Переяславль не принимали участия союзники Андрея. Из этого следует, что в конфликте с Дмитрием Переяславским тверичи и москвичи выступали как союзники новгородцев, а не Андрея Городецкого.

Согнанный старшим братом с великого княжения Андрей в том же году снова отправился в Орду и привёл новую татарскую рать. Дмитрий вновь был вынужден покинуть Великое княжество Владимирское. На этот раз, видя, что у него нет сил самостоятельно бороться с Андреем, имеющим военную поддержку Сарая, Дмитрий принял решение искать помощи за пределами Руси. Вместе со своей дружиной он отправился к могущественному татарскому темнику Ногаю, бывшему фактически независимым правителем западных улусов Золотой Орды и враждовавшему с сарайскими ханами. В 1283 г. Дмитрий вернулся от Ногай с татарской поддержкой и заставил Андрея отказаться от великокняжеского стола. Андрею даже пришлось принять участие в походе своего старшего брата на Новгород, который был принуждён признать Дмитрия Переяславского своим князем. Однако городецкий князь не смирился с поражением и в 1285 г. вновь привёл на Русь своих татарских союзников: «...князь Андреи привеле царевича, и много зла сътвори крестьяномъ. Дмитрии же, съчтався съ братьею, царевича прогна, а боляры Андреевы изнима»³.

Это сообщение примечательно тем, что в нём говорится о первом поражении, нанесённом русскими ордынцам в бою. Кем же была та не названная по имени «братья», совместно с которой Дмитрий Переяславский разгромил татар? – Ею могли быть только его младший брат Даниил Александрович Московский и его двоюродный брат Михаил Ярославич Тверской. Это подтверждается другим летописным сообщением, согласно которому в том же 1285 г. нападение литовцев на тверскую волость Олешню отразили совместно «тферици, москвичи, волочане, новоторжци, зубчане, рожевичи»⁴. Поскольку волочане и новоторжцы управлялись совместно Новгородом и великим князем владимирским, данное сообщение летописи свидетельствует, что к 1285 г. великий князь Дмитрий Александрович вступил в военный союз с Москвой и Тверью, направленный прежде всего против Андрея Городецкого и поддерживавших его татар.

Этому союзу Даниил Московский оставался верным до конца своих дней, в то время как Михаил Тверской проявил себя гораздо менее надёжным соратником. Уже в 1288 г. он выступил против великого князя Дмитрия. В этом конфликте Даниил Московский поддержал своего старшего брата и союзника: «Того же лета не въсхоте Михаилъ Тферскыи покоритися великому князю Дмитрию и начать наряжати полкы. Слышавше се великий князь и созва брат [ъ] ю свою Андреа Александровича и Данила и Дмитриа Борисович [и] и вся князи, яже суть подъ нимъ и поиде съ ними ко Тфери. И приидоша къ Кашину и обступиша градъ и стояша 9 днии и сътвориша страну ту пусту, а Къснятинь весь пожгоша. И отътоле въсхотеша ити къ Тфери, Михаилъ же въсхоте и рассмотрився стати противу выеха. Великий же князь сътвори миръ съ Михаиломъ и распусти брат [ъ] ю свою въ свояси, а самъ възвратися въ Переяславль»⁵.

Однако в 1293 г., когда Андрей в очередной раз навёл на Русь татарские отряды, переяславский, московский и тверской князья вновь оказались союзниками. Андрей с ордынской ратью Тудана (Дюдения), Фёдором Ростиславичем Ярославским и Дмитрием и Константином Борисовичами Ростовскими разорили Суздаль, Владимир и Юрьев, после чего направились к Переяславлю, но все его жители из города разбежались, а сам Дмитрий Александрович, как

³ Новгородская IV летопись. ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 246

⁴ Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483.

⁵ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15. Стб. 34.

и в 1281 г., бежал в Псков. От Переяславля Андрей с татарами направились в Москву, которую им удалось взять и разорить обманым путём: «...поидоша къ Москве, и Московскаго Данила обольстиша, и тако въехаша въ Москву, и сътвориша такоже, якоже и Суждалю и Володимерю, и прочимъ городом, и взяша Москву всю и волости, и села»⁶. Видимо, Даниил, понимая невозможность в одиночку противостоять войску Андрея, татар и их союзников, решил сдать город в обмен на обещание противников не разорять его, но был обманут.

Из Москвы Андрей собирался пойти на Тверь, князя которой Михаила Ярославича в это время в городе не было. Как показывают дальнейшие события, он отправился к Ногаю за помощью против Андрея Городецкого и союзных ему ордынских татар. Известие о возвращении Михаила в Тверь заставило Андрея отказаться от своего намерения: «Татарове же и князь Андреи слышаша приездъ князь Михайловъ, не поидоша ратью къ Тфери, но поступиша на Волокъ, и тамо тоже зло съдеяша, Волокъ взяша, а люди изъ лесовъ изведоша, и поидоша паки къ Переяславлю, и поидоша въ свояси, много зла сътворше христианомъ»⁷. Однако испугал его не столько сам тверской князь, сколько приведённая им от Ногаия подмога, от которой, впрочем, пострадала и сама Тверь: «Тое же зимы цесарь тотарскийи приде въ Тферь, имя ему Токтомерь, и много тягости людем оучинивъ поиде в своя си»⁸.

28 февраля 1294 г. Андрей был возведён на новгородский престол, однако уже в марте Дмитрий выехал из Пскова в Тверь. Андрей с отрядом новгородцев отправился в Торжок, чтобы перехватить брата, но сумел овладеть только его обозом, а сам Дмитрий благополучно добрался до Твери, где стояло татарское войско, приведённое Михаилом Ярославичем от Ногаия. Из Твери Дмитрий Александрович направил послов в Торжок для переговоров с братом. Ввиду превосходящих сил противника (войско Тудана ушло в Орду в феврале) Андрей вынужден был вновь вернуть Великое княжество Владимирское своему брату, однако за ним был оставлен Новгород. Дмитрий также получил обратно свой отчинный Переяславль, который уходивший из него Фёдор Ростиславич Ярославский в отместку сжёг. Дмитрий отправился из Твери в Переяславль, но по дороге заболел и умер близ Волока. Андрей Александрович Городецкий теперь уже по праву стал великим князем. Переяславское княжество досталось сыну Дмитрия Ивану. Однако антитатарский переяславско-московско-тверской союз при этом не прекратил своего существования, только главная роль в нём перешла от Переяславля к Москве. Со всей ясностью это показали события, развернувшиеся в 1296 г.

В этом году великий князь Андрей в очередной раз отправился в Волжскую Орду. Воспользовавшись его отсутствием, новгородцы выгнали великокняжеских наместников и пригласили к себе княжить Даниила Московского, который прислал им в качестве наместника своего сына Ивана (будущего Калиту). О событиях этих повествует запись в новгородской служебной минее XIII века: «В лето 6804 индикта 10 при владыце Клименте, при посаднице Андрѣе съгониша новгородци намѣстниковъ Андреевыхъ съ Городища, не хотяще князя Андрея. И послаша новгородци по князя Данильа на Мьскову, зовуще его на столъ в Новьгородъ на свою отциноу. И присла князь переже себе сына своего въ свое место именемъ Ивана»⁹.

То, что новгородцы, вступая в борьбу с Андреем Городецким, пригласили к себе на княжение Даниила Александровича, показывает, что именно он стоял во главе противников великого князя. Об этом свидетельствует и договор, заключённый Михаилом Ярославичем Тверским с новгородцами в том же 1296 г.: «То ти, отъче, поведаю: съ братомъ своимъ съ старейшимъ съ Даниломъ одинъ есмь и съ Иваномъ; а дети твои, посадникъ, и тысяцьский, и весь Новьгородъ на томъ целовали ко мне крестъ: аже будетъ тягота мне от Андрея, или от тата-

⁶ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 82.

⁷ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 83.

⁸ Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483.

⁹ Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 146.

рина, или от иного кого, вамъ потянути со мною, а не отступити вы ся мене ни въ которое же время»¹⁰. Из приведённого текста видно, что в союзе между Даниилом Московским, Михаилом Тверским и Иваном Переяславским «братом старейшим» был именно Даниил, а направлен этот союз был против Андрея Городецкого и татар.

В конце 1296 г. вернулся из Орды Андрей Александрович. О последовавших за этим событиях рассказывает Лаврентьевская летопись: «Приде Андреи князь ис татаръ и совокупи вои и хоте ити на Переяславль ратью, да от Переяславля к Москве и ко Тфери; слышав же князь Михаило Тферьскый и Данило Московскый князь, и совокупивъ вои и пришедше и стаستا близъ Юрьева на полчищи, Андреи в Володимери, и тако не даста поити Андрею на Переяславль; бяхеть Иван князь сынъ Дмитриевъ, идя в Ворду, приказаль Михаилу князю блюсти очины свое и Переяславля; и за мало бою не бысть промежи ими, и взяша миръ и придоша в своя си»¹¹.

Симеоновская летопись приводит дополнительные сведения об этих событиях: «Бысть рать татарская, приде Олекса Неврюи, и бысть съездъ всемъ княземъ русскимъ въ Володимери и стаща супротив себя, со единой стороны князь великий Андреи, князь Феодоръ Черный Ярославский Ростиславичъ, князь Костянтинъ Ростовский со единого, а съ другую сторону противу стаща князь Данило Александровичъ Московский, брат его князь Михаило Ярославичъ Тферский, да съ ними Переяславци съ единого. И за малымъ упасль Богъ кровопролитья, мало бою не было; и поделившися княжениемъ и разъехашася въ свояси»¹².

Из сообщения Лаврентьевской летописи вытекает, что Иван Дмитриевич Переяславский во время возвращения Андрея из Сарая находился в орде Ногая, куда он отправился за военной помощью. Однако помощь на этот раз получена не была. По всей видимости, Ногай в это время уже готовился к решающему столкновению с ханом Тохтой и не мог предоставить войско своим русским союзником. Андрей требовал возвращения ему Новгорода и передачи Переяславля, но вынужден был ограничиться только Новгородом, как об этом сообщают Софийская I и Новгородская IV летописи (ошибочно под 6806 г. вместо 6804 г.): «Великий кн (я) зъ Андреи Александрович поеха в Переяславль, великий же кн (я) зъ Данило Александрович Московскы и братъ его кн (я) зъ Михаило не ступишася ему Переяславля, онъ же еха въ Новъгородъ»¹³. Оставшись без поддержки Ногая и столкнувшись с превосходящими силами Андрея, Даниил вынужден был отказаться от Новгорода, но Переяславское княжество осталось за Иваном Дмитриевичем. Таким образом, стороны вернулись к положению, существовавшему на начало 1296 г.

В 699 г. хиджры (28.09.1299—15.09.1300) Ногай пал в бою с войском хана Тохты, двоевластие в Орде закончилось. Члены переяславско-московско-тверской коалиции лишились внешней поддержки, положение же Андрея наоборот укрепилось. В 1300 г. состоялся съезд русских князей в Дмитрове: «Того же лета оучиниша снемъ оу Дмитрова Андреи князь великий, Михаило князь Тферьскый, Данило князь Московскый, Иоан князь Дмитриевич ис Переяславля. И взяша миръ межю собою, а Михаило с Ываном не докончаль межю собою»¹⁴. Чем была вызвана ссора Михаила Тверского с Иваном Переяславским, неизвестно, зато известно, что вследствие ее Михаил перешёл на сторону великого князя Андрея Александровича. Именно с 1300 г. в тверском летописании, сохранившемся в составе Лаврентьевского свода, Андрей начинает именоваться великим князем. Кроме того, в следующем 1301 г.

¹⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. №4. С. 14.

¹¹ Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 484.

¹² Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 83.

¹³ Софийская I летопись. ПСРЛ. Т. 6, выпуск 1. Стб. 36.

¹⁴ Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485—486.

Михаил выступил на помощь Андрею, ходившему вместе с новгородцами походом против шведов на Неву.

Однако, лишившись влиятельного союзника, Даниил Московский отнюдь не отказался от активной политики. Осенью 1300 г. он вмешался в междоусобицу, которая разгорелась в соседнем с Москвой Рязанском княжестве. В 1298 г. умер рязанский князь Ярослав Романович, и на престол вступил его младший брат Константин. Сыновья покойного Ярослава Михаил и Иван начали борьбу со своим дядей, пригласив на помощь Даниила Московского: «Того же лета [1300] в осени Данило князь московьский приходилъ на Рязань ратью и билися у Переяславля, и Данило одолелъ, много и татаръ избито бысть, и князя рязанского Костянтина некакою хитростью ялъ и приведе на Москву»¹⁵. То, что на стороне Константина сражался татарский отряд, свидетельствует о его поддержке со стороны хана Тохты. Тем не менее, Даниил не побоялся вступить с ним в бой и победить. Событие это для XIII столетия было беспрецедентным: в 1285 г. Дмитрий, Даниил и Михаил нанесли поражение татарскому отряду, приведённому Андреем, но тогда за ними была поддержка Ногая. Даниил же в 1300 г. действовал полностью на собственный страх и риск. Следствием победы стало возведение на рязанский престол Михаила Ярославича, который в оплату за поддержку уступил московскому князю Коломну.

15 мая 1302 г. умер Иван Дмитриевич Переяславский. Поскольку он не оставил детей, его княжество стало выморочным и должно было перейти под власть великого князя. Андрей Александрович посадил в Переяславле наместников, а сам осенью отправился в Орду за подтверждением своих прав на него. Однако после отъезда Андрея Переяславль был занят Даниилом Московским: «Того же лета на зиму Данило князь Олександровичъ седе в Переяславли»¹⁶, «И седе Данило княжити на Переяславли, а наместници князя великаго Андреевы збежали»¹⁷. Свои действия московский князь обосновывал завещанием Ивана Дмитриевича, который «благослови въ свое место Данила Московскаго въ Переяславли княжити; того бо любляше паче иныхъ»¹⁸.

Тем не менее, овладение переяславским столом было со стороны Даниила открытым вызовом великому князю, а значит и стоявшей за ним Орде. Подобное решение московского князя, утратившего всех своих союзников, было чрезвычайно смелым. Однако назревавшее вооружённое столкновение не состоялось ввиду смерти Даниила, скончавшегося 5 марта 1303 г. «на Москве, в своей очине, в черныцех и в скиме»¹⁹. Спустя год с небольшим умер и великий князь Андрей Александрович. На стол Великого княжества Владимирского вступил Михаил Ярославич Тверской, бывший последние четыре года союзником городецкого князя. Вражду с ним унаследовал от отца Юрий Данилович Московский.

Теперь разберём подробнее вопрос о двух княжеских партиях, под знаком борьбы которых прошло на Руси последнее двадцатилетие XIII века. Есть ли у нас основания называть одну из них протатарской, а другую антитатарской, ведь Дмитрий Александрович и его союзники пользовались поддержкой войск Ногая? – Да, такие основания у нас определённо есть. Вспомним, что в первую из этих партий входили Городец, Ярославль и Ростов, а во вторую – Переяславль, Москва и Тверь. Наиболее чётко это противостояние представлено в летописном сообщении о событиях 1296 г.: «Бысть съездъ всемъ княземъ русскимъ въ Володимери и сташа супротив себя, со единой стороны князь великий Андреи, князь Феодоръ Черный Ярославский Ростиславичъ, князь Костянтинь Ростовский со единого, а съ другую сторону противу сташа

¹⁵ Там же. Стб. 486.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 85.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486.

князь Данило Александрович Московский, брат его князь Михаило Ярославич Тферский, да съ ними Переяславци съ единого»²⁰.

Андрей Александрович Городецкий во всех своих действиях опирался на татарскую поддержку. Он неоднократно ездил в Орду, причём в 1295 г. даже в сопровождении своей жены. Пять раз (в 1281, 1282, 1285, 1293 и 1296 г.) Андрей наводил на Русь татарские полчища, которые разоряли русскую землю и убивали и уводили в рабство русских людей. Так, в 1281 г. «Татарове же разсыпашася по земли, Муромъ пусть сътвориша, около Володимеря, около Юрьева, около Суздаля, около Переяславля все пусто сътвориша и пограбиша люди, мужи и жены, и дети, и младенцы, имение то все пограбиша и поведоша въ полонъ... Татарове же испустошиша и города, и волости, и села, и погосты, и монастыри, и церкви пограбиша, иконы и кресты честныя, и сосуды священныя служебныя, и пелены, и книги, и всяко узорочие пограбиша, и у всехъ церквей двери высекоша, и мнишьскому чину поругашася погании... Около Ростова и около Тфери пусто сътвориша и до Торжку, множество безчислено христианъ полониша, по селомъ скотъ и кони и жита пограбиша, высекающе двери у хоромовъ; и бяше великъ страхъ и трепеть на христианскомъ роде, черници и попады осквернены, и много душъ отъ мраза изомроша, а иныхъ оружиемъ изсекоша. Князь Андрей съ своимъ Семеномъ Тонильевымъ съ коромолникомъ, добываяся княжения великаго, сътвори се зло и отпусти поганыхъ Татаръ въ орду, а много зла учини въ земли Суздальской... Въ Рождество же Христово пения не было по всемъ церквамъ, но въ пенья место плачь и рыдание... Прииде бо плачь великъ и вопль многъ, кождо бо плакахуся жены и дети, а друзии отца и матери, а друзии братьи и сестрь, а друзии племени, роду и друговъ»²¹.

Отказ Дмитрия Александровича Переяславского в 1281 г. ехать в Орду чтобы почтить нового хана Туда-Менгу уже является достаточным свидетельством его отношения к татарам. Только после того, как его в 1282 г. вторично свергли приведённые Андреем ордынцы, Дмитрий вынужден был обратиться за поддержкой к Ногаю, понимая, что собственными силами с братом и поддерживающим его сарайским ханом ему не справиться.

Еще более чётко протатарская ориентация прослеживается в деятельности союзников Андрея Александровича. Фёдор Ростиславич Чёрный, будучи по рождению смоленским князем, приобрёл права на Ярославль, когда в 1260 г. женился на Марии, дочери ярославского князя Василия Всеволодовича, не имевшего сыновей. Однако фактически княжеством управляла мать Марии Ксения – сначала от имени дочери, а потом от имени внука Михаила Фёдоровича. Сам же Фёдор долгое время жил в Орде, о чём подробно рассказывает его Житие. Хан Менгу-Тимур приблизил его к себе и осыпал милостями: «Царь держаше его у себе во мнозей чести и въ любви велице... Царь же всегда повеле ему предстояти у себе и чашу отъ руку его приимаше и три лета держаше его у себе»²².

Фёдор также пользовался расположением ханши, по настоянию которой женился на ханской дочери: «И браку бывшую, яко же христианский законъ обдержъство имать, самъ же царь паки сугубо даруя ему грады многи, яко тридесять и шесть; въ нихъ же тогда именовашася: Черниговъ, Болгары, Кумане, Корсунъ, Туру, Казань, Арескъ, Гормиръ, Баламаты. Къ симъ же вваде ему на послужение князей и боляръ Русьскихъ, еще же и полъграда вваде своего, идеже царствова, злата же и женьчюга и каменья многоценнаго и сребра множество и вся, елико довлеетъ царской чести»²³. Однако попытка Фёдора вокняжиться в Ярославле окончилась неудачей из-за сопротивления жителей города несмотря на то, что князя сопровождал ханский посол с войском: «посол же поиде на Русь отъ царя къ граду Ярославлю, и прииде к граду

²⁰ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 83.

²¹ Там же. С. 78.

²² Степенная книга. ПСРЛ. Т. 21, 1-я половина. С. 310, 308.

²³ Там же. С. 309.

с силою, и хотяше внити во градъ. Они же посла царева не послушаша и его (т. е. Фёдора Ростиславича) не прияша на стол его»²⁴.

Зимой 1277—1278 г. Фёдор вместе с Андреем Александровичем Городецким и ростовскими князьями принял участие в походе хана Менгу-Тимура на Кавказ: «Князь же Ростовский Глебъ Василковичъ съ братаничемъ своимъ съ княземъ Костянтиномъ, князь Феодоръ Ростиславичъ, князь Андреи Александровичъ и инии князи мнози съ бояры и слугами поехаша на воину съ царемъ Менгутемеромъ, и поможе Богъ княземъ Русскимъ, взяша славный градъ Яьскый Дедаковъ, зиме месяца Февраля въ 8, на память святого пророка Захарии, и полонъ и корысть велику взяша, а супротивныхъ безъ числа оружиемъ избиша, а градъ ихъ огнемъ пожгоша. Царь же почтивъ добре князеи Русскихъ и похваливъ велми и одаривъ, отпусти въ свояси съ мною честию, каждо въ свою отчину»²⁵. В 1278 г. состоялся или должен был состояться ещё один поход, подробности которого нам неизвестны: «Того же лета князь Глебъ Василковичъ посла сына своего Михаила въ Татары на воину съ сватомъ своимъ Феодоромъ Ростиславичемъ месяца Октября въ 11, на память святого апостола Филиппа диакона»²⁶.

В 1281 г., когда Андрей Александрович в первый раз выступил против своего старшего брата, Фёдор вместе с татарами совершил набег на отчину Дмитрия Александровича Переяславль. С 1281 по 1293 г. Фёдор не упоминается в русских летописях; видимо, всё это время он провёл в Орде. Только во время Дюденовой рати ему, наконец, удалось при помощи татар утвердиться на ярославском столе: «В лето 1293... Того же лета седе на княжение на Ярославли князь Феодоръ»²⁷. Согласно Житию, Фёдор пришёл «изъ Орды отъ царя къ граду Ярославлю с силою великою воинства своего и гражане же вдашася за него». Вместе с ним пришли «многы силы Русские земли, князи и боляре, множество людей душъ христианских, и царева двора прииде с нимъ множество татар, и кои быша были ему обиды отъ гражанъ и онъ же царевымъ повелениемъ мсти обиду свою, а татаръ отпусти в свою землю в Орду съ честию великою къ царю»²⁸.

Тесные отношения связывали Фёдора Ростиславича с ростовскими князьями. Согласно Житию Фёдора, он получил Ярославль с согласия («совещаниемъ») Бориса и Глеба Ростовских. Фёдор Ростиславич приходился сватом Глебу Васильковичу, который в 1278 г. «посла сына своего в Орду съ сватомъ Федоромъ Ростиславичемъ»²⁹. Как и Фёдор Ярославский, ростовские князья были связаны с Ордой семейными узами: в 1257 г. Глеб Василькович по возвращении из Монголии «оженися в Ворде»³⁰, его племянник Константин Борисович в 1302 г. «оженися въ Орде у Кутлукорткы», а его внук Фёдор Михайлович в том же году взял себе в жёны в Орде дочь некоего «Вельбласмышы Михайловича»³¹.

Ростовские князья постоянно ездили в Орду и подолгу там оставались: Борис Василькович ездил в Орду в 1256 и 1257 г., в 1257 г. из Монголии вернулся Глеб Василькович, в 1258 г. Борис Василькович вновь ездил в Орду, после чего сопровождал татарских численников в Новгород, в 1268 г. Глеб Василькович вернулся «ис Татар», в 1271 г. он снова был в Орде, в 1277 г. ездили в Орду Борис Василькович «с княгинею и с детми» и Глеб Василькович с сыном Михаилом, причём в Орде Борис заболел и умер, в 1278 г. Глеб Василькович

²⁴ Великий Миней Четъи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 14—24. СПб, 1869. Стб. 1265.

²⁵ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 75.

²⁶ Там же.

²⁷ Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 527.

²⁸ Великий Миней Четъи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 14—24. СПб, 1869. Стб. 1265.

²⁹ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 75.

³⁰ Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474.

³¹ Академическая летопись. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 528.

послал в Орду своего сына Михаила, в 1289 г. Константин и Дмитрий Борисовичи Ростовские ходили в Орду «и с женами своими», в 1293 г. в Орду отправились Константин и Дмитрий Борисовичи и Михаил Глебович Ростовские, Михаил там же и умер, а в 1307 г. в Орде умер Константин Борисович Ростовский.

Татарские связи Ростовского княжества отразились и на его топонимике: «При изучении географической номенклатуры центральных губерний России исследователю бросается в глаза один примечательный факт. В то время как в других губерниях Центральной России мы встречаем только по одному, по два или, самое большое, по три селения с названиями Баскач или Баскаки, или Баскаково, в пределах Ярославской губернии, занимавшей как раз (большую часть, по-видимому, не всю) территорию Ростовского княжества, мы встречаем десять селений с названием Баскаково, Баскачево, Баскач. Если мы нанесем на карту указанные селения, то увидим, что два из них лежат недалеко от самого Ростова (в б. Ростовском у.), а остальные составляют цепь, которая проходит через территорию Ростовского княжества... Это явление совершенно невозможно объяснить случайностью. Перед нами, надо думать, следы усиленной концентрации баскаческих отрядов в районе Ростовского княжества»³².

Особое внимание Орды к Ростовскому княжеству вполне объяснимо. После разгрома войском Батые великокняжеской столицы Владимира, которая так никогда и не смогла полностью восстановиться, главным городом Суздальской земли стал Ростов. Фактически к нему вернулся его столичный статус, которым он обладал до возвышения княжеского Суздаля, а потом Владимира. Ещё несколько десятилетий после татарского завоевания Ростов продолжал сохранять свои древние вечевые порядки. Именно в нём в 1262 г. началось восстание против татарских откупщиков: «Въ лето 6770 (1262). Избави Богъ от лютаго томленья бесурьменьскаго люди Ростовския земля: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганых, изволиша вещь, и выгнаша из городовъ, из Ростова, изъ Володимеря, ис Суждаля, изъ Ярославля»³³.

Правители Орды стремились удержать Ростовское княжество под своей властью, используя политику кнута и пряника – с одной стороны, размещая на его землях усиленные отряды баскаков, с другой, приближая к себе и осыпая почестями его князей. Последние оправдывали свою коллаборационистскую политику заботой о народе, как явствует из летописного панегирика князю Глебу Васильковичу, скончавшемуся в 1278 г.: «Сесь от уности своея, по нахождении поганыхъ Татаръ и по пленении отъ нихъ Русскыя земля, нача служити имъ и многи христианы, обидимыя отъ нихъ, избави и печалныя утешая, брашно свое и питье нещадно подавая, и многу милостню нищимъ, убогимъ, сиротамъ, вдовицамъ, маломощнымъ подавааше»³⁴.

Однако понимания протатарская политика ростовских князей у жителей Ростовского княжества не находила. Даже автор Жития Михаила и Фёдора Черниговских, написанного в Ростове между 1271 и 1277 г. приближённым Бориса и Глеба Васильковичей, обращался к святым с просьбой: «Ты же Михаиле помолися за внука своя Бориса и Глеба с Феодоромъ благочестивымъ мирно державу царствия ихъ управити на многа лета и от нужда сея поганыхъ избавита»³⁵. Простые же жители Ростова выражали своё отношение к своим князьям и их татарским покровителям гораздо более решительно. Так, в 1289 г. «князь Дмитрий Борисовичъ седе въ Ростове; умножи же ся тогда Татаръ въ Ростове, и гражане створше вече и изгнаша ихъ,

³² Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006. С. 260—261.

³³ Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.

³⁴ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 76.

³⁵ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1915. С. 50.

а имение ихъ разграбиша»³⁶. В 1320 г. «преставися князь Юрьи Александровичъ Ростовскы. Быша в Ростове злии Татарове, люди же Ростовскыя събравшеся изгониша ихъ»³⁷.

Мы видим, что народ как в Ярославле, так и в Ростове выступает совершенно определённо против протатарской политики союзников князя Андрея Александровича. Полной противоположностью этому выглядит отношение простых русских людей к князьям антитатарской коалиции во главе с Дмитрием Переяславским, а потом Даниилом Московским. Так, в 1293 г., во время Дюденовой рати, когда татары собрались идти от Москвы на Тверь, «тогда велика бысть печаль Тферичемъ, понеже князя ихъ Михаила не бяше въ земли ихъ, но въ орде, и Тферичи целоваша крестъ, бояре къ чернымъ людемъ, такоже и черныя люди къ бояромъ, что стати съ единого, битися съ Татары»³⁸.

Полную поддержку оказывала Даниилу Александровичу городская община Переяславля. Когда в 1297 г. во время Неврюевой рати состоялся съезд князей противоборствующих партий, чуть было не закончившийся войной, «сташа супротиву себе, со единой стороны князь великий Андрей, князь Феодоръ Черный Ярославский Ростиславичъ, князь Костянтинъ Ростовскыи со единого, а съ другую сторону противу сташа князь Данило Александровичъ Московскыи, братъ его князь Михайло Ярославичъ Тферскыи, да с ними Переяславци съ единого»³⁹. В 1304 г. после смерти Даниила Московского переяславцы даже не отпустили Юрия Даниловича на похороны отца, опасаясь захвата своего города Андреем Александровичем: «А по животе княже Данилове Переславци яшася за сына его за князя Юрья и не пустиша его на погребение отне»⁴⁰.

В 1306 г., когда Михаил Ярославич Тверской и Юрий Данилович Московский были в Орде, а тверские войска попытались захватить Переяславль, в котором находился Иван Данилович (будущий Калита), переяславцы вновь оказали полную поддержку Москве: «Въ лето 6814 (1306) бысть убьение Акинфово, Тферскаго боярина, князю Михайлу Тферскому, такоже и князю Юрию Московскому въ орде сущимъ. Князь же Иванъ Даниловичъ съ Москвы приехалъ въ Переяславль и селъ въ немъ. Тогда бысть ему бои съ Акинфомъ Тферскимъ, съ княземъ же с Иваномъ съ единого Переяславская рать, къ тому же приспела и Московская рать и бишася зело крепко, и поможе Богъ князю Ивану и уби Акинфа у Переяславля, и зятя его Давыда, и множество Тферичъ, и погнашася за ними и юстигающе много Тферичъ побиша» (Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 86).

Антитатарская политика Москвы находила поддержку также и в других городах Суздальской земли. Особенно ярко это проявилось сразу же после смерти Даниила Александровича, во время борьбы за великокняжеский стол между Михаилом Ярославичем Тверским и Юрием Даниловичем Московским (напомним, что в 1300 г. Михаил изменил антитатарскому союзу с Даниилом, перебежав на сторону Андрея Александровича). Деятельное участие в этой борьбе приняло городское население: «Въ лето 6812 (1304) ... И сопростася два князя о великомъ княжении: князь велики Михайло Ярославичъ Тверскыи и князь велики Юрьи Даниловичъ Московскыи, и поидоша во Орду ко царю въ споре и въ брани велице, и бысть замятня въ Суздальстей земле во всехъ градахъ»⁴¹.

В Костроме протверские бояре захватили брата Юрия Московского Бориса и отправили его в Тверь, что вызвало возмущение горожан, созвавших по этому поводу вече: «Въ лето 6813 (1305) месяца Июля въ 27 преставися князь великий Андрей Александровичъ и положень

³⁶ Воскресенская летопись. ПСРЛ. Т. 7. С. 179.

³⁷ Московский свод. ПСРЛ. Т. 25. С. 166.

³⁸ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 82—83.

³⁹ Там же. С. 83.

⁴⁰ Там же. С. 85—86.

⁴¹ Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. 10. С. 175.

бысть на Городце въ церкви святого Михаила. Того же лета князь Михайло Тферский въ орду пошель, а по убиении Акинфове вышель изъ орды на княжение великое... Тогда князь Юрь съ своею братьею въ орду пошель, а князя Бориса, брата своего, послалъ на Кострому, ине его изнимавъ да повели на Тферъ. Того же лета бысть вече на Костроме на бояръ, на Давыда Явидовича, да на Жребца и на иныхъ; тогда же и Зерня убили Александра»⁴².

В Нижнем Новгороде в том же году жертвами народного гнева стали бояре покойного великого князя Андрея Александровича; выступление было подавлено его сыном: «Того же лета въ Нижнемъ Новеграде избиша черныя люди бояръ княже Андреевыхъ Александровича. Того же лета князь Михайло Андреевичъ прииде изъ Орды въ Нижней Новъгородъ, и изби всехъ вечниковъ, иже избиша бояръ»⁴³.

Из восточных областей Суздальской земли, которые находились под управлением князей протатарской коалиции или в соседстве с их владениями, происходил отток населения на запад, в Тверское и Московское княжества. Летопись прямо говорит об этом под 1293 г. в связи с Дюденевой ратью: «баше бо ся умножило людеи и прибеглыхъ въ Тфери и из ыныхъ княженей и волостей передъ ратью»⁴⁴. Однако переселялись не только простолюдины, и не только из восточных областей. Нам известно о приходе в Москву во времена Даниила Александровича двух знатных мужей с юго-запада, из Черниговской и Киевской земель.

Первым из них был Фёдор Бяконт, отец будущего митрополита Алексея, о котором летопись сообщает: «Сеи убо иже въ святых отецъ нашъ Алексеи митрополитъ бе родомъ от славных и нарочитых бояръ Черниговскихъ. Преселшу же ся отцю его именемъ Феодору и с женою своею Мариєю и съ всемъ домомъ своимъ въ славный и преименитый град Москву, ту же и родиша сего освященнаго отрока»⁴⁵. Наиболее вероятное время рождения Алексея – 1300 г., т.е. переезд его отца из Чернигова в Москву должен был состояться незадолго до этого. Во второй половине XIII в. Чернигов находился под управлением брянских князей Романа Михайловича и Олега Романовича, а в 1290-е гг. перешёл под власть смоленских князей. Брянские князья были сторонниками Ногая, а смоленские – Тохты, поэтому переход Чернигова под их власть необходимо рассматривать в контексте наступления сарайского хана на сферу влияния Ногая в русских землях. Переход этот состоялся между 1294 и 1297 г., и именно он должен был стать причиной отъезда знатного черниговского боярина Фёдора Бяконта в Москву, к главе антиордынской партии князю Даниилу Александровичу.

Другим знатным переселенцем с юго-запада был киевский боярин Нестер Рябец. Согласно рассказу о начале рода Квашниных, в Москву с ним прибыли «княжата и дети боярские и двора его до тысячи и до семисотъ»⁴⁶. Его исход из Киева есть все основания связывать с событиями 1299 г., когда «митрополитъ Максимъ, не терпя Татарского насилья, оставя митрополию и збежа ис Киева, и весь Киевъ розбежался, а митрополитъ иде ко Брянску, и оттоле иде в Суздальскую землю и со всем своимъ житьемъ»⁴⁷.

Разгром Киева был определён вызван ордынскими междоусобицами. Вхотивший первоначально в сферу влияния Ногая, в 1299 г. он стал жертвой похода войск Тохты и перешёл под его власть. Тохта пожаловал ярлык на Киев галицкому князю Юрию Львовичу, который первоначально был вассалом Ногая, но переметнулся на сторону сарайского хана во время разгоревшейся между ними войны. Вследствие этого так же, как черниговский боярин Фёдор Бяконт, киевский боярин Нестер Рябец отъехал в Москву к Даниилу Александровичу как главе

⁴² Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 86.

⁴³ Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. 10. С. 176.

⁴⁴ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 83.

⁴⁵ Владимирский летописец. ПСРЛ. Т. 25. С. 194.

⁴⁶ Новгородская IV летопись. ПСРЛ. Т. 4, 1-я часть. С. 478.

⁴⁷ Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485.

антиордынской партии. Таким образом, последовательная политика Москвы по противостоянию татарам делала её местом притяжения для выходцев из других русских княжеств, что, в свою очередь, усиливало как экономические, так и военные ресурсы московских князей.

Однако принесли ли антиордынские усилия переяславско-московско-тверской коалиции какую-либо практическую пользу Руси? – Несомненно да. Эта польза заключалась в отмене баскачества на землях, входивших в сферу её влияния. Татарские баскаки появились в Суздальской земле после переписи её населения, проведённой Ордой в 1257 г., и целью их было наблюдение за сбором дани: «Ханские ярлыки не оставляют сомнения в том, что баскаки имели ближайшее отношение к сбору налогов. Нет указаний, однако, чтобы в их постоянную обязанность входил сбор налогов. Ярлыки перечисляют чиновников, ведавших сбором ордынских податей: данщиков, поплужников, таможников... Вернее предположить, таким образом, что обязанность баскаков заключалась не столько в сборе дани, сколько в поддержке сборщиков, особенно когда требовалось вмешательство военной силы»⁴⁸. Во главе баскаческой организации Суздальской земли стоял «великий баскак», резиденция которого находилась во Владимире. Русские летописи упоминают о нём дважды – в связи с событиями 1269 и 1273 г. После этого упоминания о великих и любых иных баскаках во владимирских землях со страниц летописей исчезают.

По мнению А. Н. Насонова, принятому также другими исследователями вопроса, баскачество в Суздальской земле было упразднено в годы правления великого князя Дмитрия Александровича Переяславского: «В эпоху двоевластия в Орде, в конце XIII в., произошли, по-видимому, некоторые изменения в организации эксплуатации русского Северо-востока, отразившиеся на организации ордынского владычества в последующее время. При Менгу-Тимуре (ум. в 1280—1282 г.) на Русь посылались „данщики“, как видно из ярлыка Менгу-Тимура. Тексты же „ярлыков“, критически разработанные М. Д. Приселковым, относящиеся к середине и ко второй половине XIV в., говорят, как и ярлык XIII в., о „писцах“, но не говорят более о „данщиках“. „Данщики“, очевидно, из Орды в этот период уже не присылались. И действительно: уже в первой трети XIV в. великий князь владимирский (Михаил Тверской) сам собирал дань, как явствует из Рогожской летописи под 1318 г. и из биографии (жития) Михаила Тверского (см.: Вел. Чети и Минеи). Зная отношение к Волжской Орде великого князя Дмитрия Александровича Переяславского, приходим к предположению, что в его княжение „данщиков“ уже не впускали и великий князь стал сам собирать ордынскую дань, причем отвозил ее не в Волжскую Орду, а к Ногаю. Когда великим князем владимирским (в начале XIV в., после смерти Ногая) стал Михаил Тверской, то он пошел как бы на соглашение с Волжскою Ордой и стал платить Тохте дань, т.е. теперь дань шла в Волжскую Орду, но собирал ее сам великий князь Михаил, следуя примеру своего союзника и единомышленника – великого князя Дмитрия Александровича Переяславского... В Ростовском княжестве, признававшем не Ногаю, а Волжскую Орду, баскаки еще в нач. XIV в. сидели. По крайней мере под 1305 г. Ростовский владычный свод сообщает о смерти „баскака Кутлубуга“»⁴⁹. Итак, благодаря борьбе с Ордой князей переяславско-московско-тверской коалиции в конце XIII в. Русь, избавившись от баскаков, сделала второй важный шаг на пути к освобождению от татарской зависимости (первым была отмена откупов дани вследствие народного восстания 1262 г.).

Подведём итоги. Князь Даниил Александрович Московский был, безусловно, выдающимся деятелем русской истории. Определяющим фактором истории Руси периода его правления стало существование двух княжеских объединений, одно из которых представляло татарские интересы в Суздальской земле, а другое им противостояло. Предательская политика

⁴⁸ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006. С. 230.

⁴⁹ Там же. С. 276.

Андрея Городецкого и союзных ему ярославского и ростовских князей не смогла восторжествовать благодаря мужественному сопротивлению князей Переяславля, Москвы и Твери. Участники антиордынской коалиции в 1285 г. нанесли первое в истории Руси поражение татарским войскам и смогли добиться отмены баскачества на землях Великого княжества Владимирского. Даниил Московский проявил себя как наиболее последовательный сторонник великого князя Дмитрия Александровича и его дела, в отличие от Михаила Тверского, который в 1288 г. выступил против переяславского князя, а в 1300 г. перебежал на сторону Андрея Городецкого. Даниил Александрович возглавил противников Орды после смерти великого князя Дмитрия в 1294 г. и продолжал проводить антитатарскую политику, даже оставшись в одиночестве после измены Михаила Тверского и смерти Ивана Переяславского.

Победа над татарским отрядом, помогавшим Константину Рязанскому в 1300 г., и занятие Переяславля в 1302 г. вопреки великокняжеским правам Андрея Городецкого, за которым стоял ордынский хан, свидетельствуют о немалом мужестве и решительности Даниила Александровича. Своими успехами Даниил и союзные ему князья были во многом обязаны поддержке простого русского люда не только Московского, но и других княжеств Суздальской земли. При Данииле Александровиче Москва превратилась в центр деятельного сопротивления Орде, куда стали стекаться бояре и дружинники из других земель Руси. Получив в двухлетнем возрасте Москву как крохотное княжество, не имевшее никакого политического веса, Даниил к концу жизни стал одним из самых могущественных русских князей, не побоявшимся открыто бросить вызов великому князю Андрею и стоявшей за его спиной Орде. Даниил Александрович заложил основы возвышения Москвы, которым она была обязана последовательной антитатарской политике своего первого князя. Пережив при наследниках Даниила ряд трансформаций, эта политика в конечном счёте завершилась освобождением Руси от ордынской зависимости под главенством Москвы.

Юрий Данилович (1303—1325)

Даниил Александрович умер 5 марта 1303 г., на московский престол вступил его сын Юрий Данилович. Осенью того же года из Орды вернулся великий князь Андрей Александрович, после чего в Переяславле состоялся княжеский съезд по вопросу о его дальнейшей судьбе. По итогам съезда Переяславль был оставлен за Юрием, но, по всей видимости, с условием, что после смерти Андрея он должен был перейти к новому великому князю.

27 июля 1304 г. умер великий князь Андрей Александрович. Старшим в роду и законным наследником Великого княжества Владимирского оказался Михаил Тверской. Юрий Данилович Московский был младше своего двоюродного дяди Михаила Ярославича и своего двоюродного брата Михаила (сына Андрея Александровича Городецкого), также и по отчинному праву он не мог стать великим князем, потому что его отец никогда не правил во Владимире. Тем не менее Юрий бросил вызов Михаилу Тверскому. Когда в том же году Михаил отправился в Орду за ярлыком, вслед за ним двинулся и московский князь.

Борьба, развернувшаяся между князьями Твери и Москвы, перекинулась и на другие города: «Въ лето 6812 (1304) ... И сопростася два князя о великомъ княжении: князь велики Михайло Ярославичъ Тверський и князь велики Юрьи Даниловичъ Московський, и поидоша во Орду ко царю въ споре и въ брани велице, и бысть замятня въ Суздальстей земле во всехъ градахъ»⁵⁰. Народ в этой борьбе занял сторону московского князя. В Костроме, входившей в состав Великого княжества Владимирского, собравшиеся на вече люди выступили против бояр, выдавших тверичам брата Юрия Московского Бориса: «Тогды князь Юрьи съ своею братьею въ орду пошелъ, а князя Бориса, брата своего, послалъ на Кострому, ине его изнимавъ да повели на Тферь. Того же лета бысть вече на Костроме на боярь, на Давыда Явидовича, да на Жребца и на иныхъ; тогды же и Зерня убили Александра»⁵¹.

Захватить Переяславль тверичам не удалось из-за сопротивления жителей города, которых поддержала московская рать во главе с Иваном Даниловичем: «Бысть убьение Акинфово, Тферскаго боярина, князю Михаилу Тферскому, такоже и князю Юрию Московскому въ орде сущимъ. Князь же Иванъ Даниловичъ съ Москвы приехалъ въ Переяславль и селъ въ немъ. Тогда бысть ему бои съ Акинфомъ Тферскимъ, съ княземъ же с Иваномъ съ единого Переяславская рать, къ тому же приспела и Московская рать и бишася зело крепко, и поможе Богъ князю Ивану и уби Акинфа у Переяславля, и зятя его Давыда, и множество Тферичъ, и погнашася за ними и юстигающе много Тферичъ побиша»⁵².

Попытка тверских наместников сесть в Великом Новгороде чуть было не закончилась войной, однако в конечном счёте стороны заключили перемирие до возвращения Михаила и Юрия из Орды: «А в Новъгород вослаша тферичи наместники Михайловы силою, и не прияха ихъ, но идоша новгородци в Торжекъ блюсть Торжку, и совкупиша всю землю противу, и съсылающе послы, розъехашася, докончавше до приезда князии»⁵³.

Хан Тохта дал ярлык на Великое княжество Владимирское Михаилу Тверскому. Осенью 1305 г. Михаил вернулся из Орды на Русь. Дальнейшее развитие событий подробно рассмотрено А. А. Горским: «Хан Тохта решил вопрос о великом княжении в пользу Михаила. Осенью 1305 г. тверской князь вернулся на Русь и еще в том же году ходил походом „къ Москве на князя на Юрья и на его братью“; результатом этого похода стало, очевидно, признание московским князем прав Михаила на Переяславль. Под 6815 г. в Симеоновской летописи (и судя

⁵⁰ Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. 10. С. 175.

⁵¹ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 86.

⁵² Там же.

⁵³ Новгородская I летопись. ПСРЛ. Т. 3. С. 92.

по выписке начала статьи Н. М. Карамзиным – в Троицкой) читается: „князь Юрьи выеха на Москву съ Рязани, а на осень бысть Таирова рать. Тое же осени князь Александр и Борисъ (младшие братья Юрия Даниловича. – А.Г.) отъехали въ Тферъ съ Москвы. Тое же зимы князь Юрьи князя Костянтина убиль Рязанского. Тое же зимы въ Филипово говенье преставися пресвященныи архиепископъ Максимъ, митрополить всеа Руси, месяца декабря въ 6, на память святого отца Николы“. В отношении „Таировой рати“ исследователи обычно отмечают, что направление ее и цели неясны; лишь Дж. Феннелл предположил, что „Таирова рать“ была связана с визитом Юрия в Рязань и имела целью усилить его позиции на переговорах о присоединении к Московскому княжеству Коломны. Это предположение подразумевает поддержку Ордой Москвы; однако ни в последующие, ни в предшествующие годы факты такой поддержки неизвестны: наоборот, известно, что в 1305 г. Тохта поддержал противника Юрия Михаила Тверского. Сразу после „Таировой рати“, „тое же осени“, отъехали в Тверь братья московского князя – факт беспрецедентный, могущий свидетельствовать только о крайней непрочности положения Юрия (и непонятный, если допустить его поддержку ханом); зимой того же года Юрий убил рязанского князя, в 1300 г. тесно сотрудничавшего с Ордой. Скорее всего „Таирова рать“ имела как раз антимосковскую направленность. Статью Симеоновской летописи 6815 г. принято датировать по ультрамартовскому стилю, т.е. 1306/07 г. Но последнее ее сообщение – о смерти митрополита Максима – говорит о событии, имевшем место в декабре 1305 г. Поэтому правомерно поставить вопрос – не относятся ли предшествующие события к 1305 г.? В первом из известий, помещенных под 6815 г., обращает на себя внимание, что ничего не сказано о самом походе или поездке Юрия в Рязань, а упоминается только его возвращение. Этой неувязки не будет, если признать, что речь идет о возвращении Юрия через Рязань из Орды (про отъезд в которую говорилось выше, под 6813 г.). Но Юрий возвращался из Орды не в 1306, а в 1305 г., так как Михаил тогда ходил на Москву „на князя на Юрья“. В этом случае следует предположить, что события, распределенные между статьями 6814 (возвращение Михаила с ярлыком на великое княжение и его поход к Москве) и 6815 гг., являют собой перечень происшедшего в конце 1305 – начале 1306 г. (перечень, возможно, сложившийся в результате компиляции сведений двух источников – московского и тверского). „Таирова рать“ тогда – это действия приданного возвращающемуся с ярлыком Михаилу татарского отряда во главе с ханским послом. Скорее всего, Юрий, уехав из Орды ни с чем, задумал сопротивляться стремлению Михаила овладеть Переяславлем и постарался заручиться поддержкой рязанских князей – Ярославичей (которым в 1300 г. помог его отец). Ответом Михаила стал поход на Москву вместе с татарским послом, в результате которого Юрию пришлось поступиться Переяславлем»⁵⁴.

Итак, мы видим, что Юрий Данилович и не думал признавать права Михаила Ярославича на Переяславль, полученные им по ханскому ярлыку. Только поход тверского князя на Москву с татарским войском вынудил Юрия отказаться от Переяславля. То, что поход этот именуется в летописи «Таировой ратью», свидетельствует о его больших масштабах: «ратями» обычно назывались крупные нашествия ордынцев на Русь («Дюденева рать», «Неврюева рать» и пр.). Однако поражение в борьбе за Переяславль отнюдь не вынудило Юрия Даниловича отказаться от попыток оспорить великокняжеские права Михаила Тверского. В 1307 г. между ними разгорелась война за Великий Новгород. О ней упоминает известная запись в псковском Апостоле 1307 г., содержащая цитату из Слова о полку Игореве: «Сего же лета бысть бои на Руськой земли, Михаилъ съ Юрьемъ о княжене Новгородское. При сихъ князехъ сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша въ князехъ которы, и вечи скоротишася человекомъ»⁵⁵.

⁵⁴ Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 44–45.

⁵⁵ ГИМ, Синод., №722, л. 180.

Михаил смог окончательно сесть на новгородском столе только 14 июля 1308 г.⁵⁶ Сразу же после этого тверской князь во второй раз отправился походом на Москву, видимо, надеясь окончательно добить своего противника, однако бой, разгоревшийся у стен Кремля 25 августа 1308 г., не принёс ему успеха: «Того же лета князь великий Михаило Ярославич Тферский ходилъ въ другие къ Москве ратью, всею силою, и бысть бои у Москвы, на память святого апостола Тита, и града не взяша, и не успевше ничто же възвратишася»⁵⁷.

В 1309 г. Юрий Данилович попытался посадить своего ставленника на брянский престол. Брянск, бывший тогда столицей Черниговского княжества, после ухода князя Олега Романовича из рода черниговских Ольговичей в монастырь в 1290-х гг. перешёл под власть смоленских князей, признававших верховную власть великих князей владимирских – сначала Андрея Александровича Городецкого, а потом Михаила Ярославича Тверского. В 1303 г., после смерти Даниила Александровича, смоленские князья попытались вернуть себе Можайск, захваченный у них Москвой, по всей видимости, в 1291 г. Однако Юрий Данилович с братьями вновь занял Можайск и отвёз в плен в Москву князя Святослава Глебовича, младшего брата смоленского князя Александра. К 1309 г. на брянском престоле оказался сын Александра Василий, что нарушало наследственные права его дяди Святослава Глебовича. Этим решил воспользоваться Юрий Данилович, чтобы поставить Брянское княжество в зависимость от Москвы.

В 1309 г. Святослав (по всей видимости, с московской помощью) отнял Брянск у своего племянника: «Князь Святославъ Глебовичъ выгна братанича своего князя Василиа изъ Брянска, и самъ сяде на княжении въ Брянске. Того же лета князь Василей Брянский иде во Орду ко царю жаловатися на дядю своего, на князя Святослава Глебовича»⁵⁸. В следующем году Василий пришёл из Орды с татарской ратью и вернул себе Брянск: «Въ лето 6818 (1310) ... прииде князь Василей ратью Татарскою къ Дбрянску на князя на Святослава... И тако князь Святославъ ратью великою въ силе тяжче за полдни изыде противу рати Татарския, и поткнуша межи себе копы, и съступишася обои, и бысть сеча зла. Брянци же выдали князя Святослава, коромолници суще, стяги своя повергоша, а сами побегоша. Князь же Святославъ токмо съ своимъ дворомъ бився, последи убьень бысть на полку, месяца Апреля въ 2 день»⁵⁹. Мы видим, что в борьбе за Брянск Орда поддержала противника Москвы. Есть основания предполагать поддержку Василия Александровича и со стороны Твери (Михаил Ярославич находился в Орде одновременно с Василием).

Вскоре Юрий Данилович вновь покусился на великокняжеские права, захватив Городецко-Нижегородское княжество, которое осталось выморочным после смерти в 1310 г. сына Андрея Александровича Михаила. Сам Михаил Ярославич в это время находился в Орде, куда он поехал, по всей видимости, за ярлыком на Нижний Новгород, поэтому в 1311 г. поход против Юрия Московского возглавил 13-летний сын тверского князя Дмитрий. Однако, дойдя до Владимира, Дмитрий Михайлович вынужден был вернуться назад из-за противодействия митрополита Петра: «Князь Дмитрей Михайлович Тферский, събравъ воя многи, и хоте ити ратью къ Новугороду на князя на Юрья, и не благослови его Петръ митрополить. Князь же стоявъ Володимери 3 недели и рать распусти, и възвратишася кожно въ свояси»⁶⁰.

В 1312 г. Михаил Ярославич вернулся на Русь, однако в августе того же года умер хан Тохта, поэтому в следующем году, после восшествия на престол нового хана Узбека, Михаилу пришлось вновь отправиться в Орду за подтверждением своих великокняжеских полномочий. Примечательно, что Юрий к новому хану не поехал. В Орде Михаил задержался надолго, чем

⁵⁶ Новгородская I летопись. ПСРЛ. Т. 3. С. 92.

⁵⁷ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 87.

⁵⁸ Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. 10. С. 177.

⁵⁹ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 87.

⁶⁰ Там же.

решил воспользоваться московский князь, возобновив борьбу за Новгород Великий. В 1314 г. Юрий послал в Новгород князя Фёдора Ржевского (сына покойного Святослава Брянского), который схватил наместников Михаила. Новгородцы во главе с Фёдором двинулись к Волге, навстречу им выступил из Твери Дмитрий Михайлович. Противники простояли друг против друга до наступления заморозков, после чего был заключён мир, по которому Новгород перешёл к Юрию: «Посемь dokonчаша съ Дмитриемъ миръ, и оттоле послаша по князя Юрья на Москву, на всеи воли новгородской; а сами възвратишася в Новъгород. Тои же зимы, пред великимъ заговениемъ, приеха князь Юрьи в Новъгород на столъ съ братомъ Афанасьемъ; и ради быша новгородци своему хотению»⁶¹.

Обеспокоенный новым покушением Юрия Даниловича на великокняжеские права, хан Узбек вызвал его к себе. Вместе с московским князем, оставившим наместником в Новгороде своего брата Афанасия, в Орду отправились и представители новгородского боярства, чтобы поддержать его в борьбе за новгородский и владимирский столы: «Въ лето 6823 (1315) поиде въ орду изъ Новагорода изъ Великаго князь Юрьи съ Новгородци, а князя Афанасия оставилъ въ Новогороде»⁶². Однако, как и Тохта, Узбек признал великим князем Михаила Ярославича.

Осенью 1315 г. тверской князь вернулся на Русь в сопровождении татарского отряда. Новгородцы во главе с Афанасием Даниловичем выступили ему навстречу. 10 февраля 1316 г. под Торжком состоялось сражение, победу в котором одержало татарско-тверское войско: «Того же лета поиде князь Михаило изъ Орды в Русь, ведши с собою Татары, оканьнаго Таи-темеря. Услышавше же новгородци съ княземъ Афанасьемъ, изидоша к Торжку и пребыша ту съ 6 недель, весть переимающе. Тогда же поиде князь Михаило со всею Низовскою землею и с Татары к Торжку; новгородци же съ княземъ Афанасьемъ и с новоторжци изидоша противу на поле. Бысть же то попущениемъ божиемъ: съступившема бо ся полкома обема, бысть сеча зла, и створися немало зла, избиша много добрыхъ муж и боярь новгородскихъ: ту убиша Андрея Климовича, Юрья Мишинича, Михаила Павшинича, Силвана, Тимофея Андреянова сына тысяцкого, Онанью Мелуева, Офонаса Романовича и купецъ добрыхъ много, а иныхъ новгородцевъ и новоторжцевъ богъ весть; а инии останокъ вбегоша в город и затворишася в городе с княземъ Афанасьемъ»⁶³.

Подступив к Торжку, Михаил потребовал в обмен на заключение мира выдать ему Афанасия Даниловича и Фёдора Ржевского, но получил отказ. Тогда Михаил потребовал выдать одного Фёдора, на что новгородцы согласились. Стороны целовали крест в знак примирения, однако сразу же после этого тверской князь обманом захватил Афанасия Даниловича и новгородских бояр и отправил их в Тверь заложниками, а оставшихся в Торжке новгородцев разоружил и стал вымогать с них выкуп: «И по миру князь Михаило призва к собе князя Афанася и бояры новгородские, и изыма ихъ, и посла на Тферъ в тали, а останокъ людий в городе нача продаяти, колико кого станеть, а снасть отъима у всехъ»⁶⁴.

Новгородцам пришлось принять к себе наместников тверского князя, однако в том же году они вновь были изгнаны. Михаил снова отправился в поход против Новгорода, но на этот раз потерпел неудачу: «Выидоша наместници Михаиловы из Новагорода, и поиде князь Михаило к Новугороду со всею Низовскою землею; а новгородци учиниша острогъ около города по обе стороне, и соидеся вся волость новгородская: плъсковичи, ладожане, рушане, Корела, Ижера, Вожане. Князь же Михаило, не дошедъ города, ста въ Устьянехъ; и тако мира не возма, поиде проче, не успевъ ничтоже»⁶⁵. Попытка новгородцев в следующем году выкупить своих

⁶¹ Новгородская I летопись. ПСРЛ. Т. 3. С. 94.

⁶² Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 87.

⁶³ Новгородская I летопись. ПСРЛ. Т. 3. С. 94.

⁶⁴ Там же. С. 95.

⁶⁵ Там же.

бояр из тверского плена окончилась ничем: «Послаша новгородци владыку Давыда къ князю Михаилу с молбою, просяще на окупъ братьи своеи, кто у князя в талехъ; и не послуша его князь»⁶⁶.

Тем временем положение резко изменилось. В 1317 г. хан Узбек отдал ярлык на Великое княжество Владимирское Юрию Даниловичу Московскому. Что послужило этому причиной? – Возможно, стремление Орды не допустить чрезмерного усиления тверского князя. Однако определённую роль в решении Узбека, несомненно, сыграли и материальные соображения. Об этом прямо говорит Житие Михаила Тверского: «И бывшую ему (т. е. Юрию Даниловичу) в Орде, не хотя роду человеку добра, всепагубный врагъ дьяволъ вложи въ сердце княземъ татарскимъ, свадиша братию, ркуще великому князю Юрию Даниловичю: „Оже ты даси выходъ болшии князя Михаила тферьскаго, мы тебе великое княжение дадимъ“. И тако превратиша сердце его искати великого княжения, обычаи бо поганных и до сех местъ, вмещуше вражду межу братьи, князеи русских, и собе болшая дары взимааху»⁶⁷. Видимо, финансовую поддержку оказали Юрию новгородские послы, находившиеся с ним в Сарае.

В Орде Юрий женился на сестре хана Узбека Кончаке, принявшей православие под именем Агафьи. О личной инициативе московского князя здесь не может быть речи. Узбек был ревностным мусульманином, огнём и мечом насаждавшим в Орде ислам. Согласиться с переходом в христианство собственной сестры, которая к тому времени уже наверняка была мусульманкой, его могла заставить только очень большая необходимость. Как и в случае с Ярославским и Ростовскими князьями, о которых мы говорили ранее, это была необходимость брачными узами крепче привязать русских князей к Орде и сделать их проводниками татарской политики на Руси. Однако в отношении московского князя этот расчёт полностью провалился.

В конце 1317 г. Юрий Данилович вернулся на Русь в сопровождении татарского посла Кавгадыя. Возле Костромы он встретился с Михаилом Ярославичем, который после переговоров признал переход великого княжения к Юрию и уехал в Тверь: «Прииде князь Юрьи ис Татаръ и приведе посла силна именемъ Кавгадыя и сrete ихъ князь великий Михаилъ оу Костромы, а с нимъ вси князи Суждальстии и стояша о Волгу длъго время и съслався съ Кавгадыемъ съступиися великаго княжения Михаилъ князь Юрию князю и поиде въ свою отчину въ Тферь»⁶⁸. Тем не менее Юрий с Кавгадыем вторглись в пределы Тверского княжества и стали его разорять: «Юрии князь съ Татары и съ всею силою Суждалскою почаша воевати Тферскую волость, села пожгоша и жито, а люди въ пленъ поведоша»⁶⁹. Видимо, причиной этому послужило желание Юрия Даниловича отомстить за подобные же действия тверского князя, который после возвращения из Орды в 1305 г. вторгся с татарской ратью на земли Московского княжества.

На помощь себе Юрий призвал новгородцев, однако те, не сумев договориться с ним о встрече и потерпев поражение от тверского князя, заключили мир с Михаилом и ушли обратно в Новгород: «Въ тоже время приидоша Новгородци въ Торжекъ на великого же князя Михаила въ помощь Юрию князю и стояша 6 недель въ Торжку, съсылающеся съ Юриемъ княземъ, сърекаа срокъ, како поити Юрию князю отъ Волока, а Новгородцемъ отъ Торжку. И выидоша Новгородци ис Торжку, почаша воевати по рубежу, а великий князь Михаилъ, не дождавъ срока ихъ, поиде противу имъ и бысть поторжъца не мала, оубиша Новгородцевъ

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Софийская I летопись старшего извода. ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. С. 376—377.

⁶⁸ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 36—37.

⁶⁹ Там же. Стб. 37.

200 и почаша слатися къ великому князю съ челобитиемъ и въземше миръ поидоша въ Новъгородъ»⁷⁰.

Михаил Ярославич пытался остановить разорение своих владений путём переговоров, однако они ни к чему не привели. Тверской князь вынужден был оказать вооружённое сопротивление. 22 декабря 1317 г. у села Бортенева состоялась битва, в которой войска Юрия были полностью разгромлены, его жена и брат Борис попали в плен, а сам он бежал в Новгород. Нет никаких оснований считать эту победу тверского князя победой над татарами. Участие татар в Бортеневской битве не упоминается ни в одном источнике. Новгородская летопись сообщает: «Князю же Юрию пришедшу с полкы близъ Тфери за 40 верстъ, и ту выиде на нь князь Михайло со Тфери, и съступишася, и бысть сеча зла, много паде головъ о князи Юрьи; а брата его Бориса и княгину Юрьеву яша и приведоша во Тферь, тамо ю и смерти предаша»⁷¹. Согласно Симеоновской летописи, тверичи «побиша Московскую рать»⁷². Наиболее подробно эти события описаны тверским летописцем: «И поиде Кавгадый къ Волзе, и Юрый князь, и вси князи Суздалстии, и стаха на переизде у Волги. Великий же князь Михайло съвокупися, и мужи Тверичи и Кашинци поидоша противу Юрию, а Юрий опльчися противу; и ступишася обои, и бысть сеча велика, и пособи Богъ великому князю Михаилу Ярославичу, и много ихъ избиша; а князи мно (ги) руками поимаша и приведоша въ Тверь, и княгину Юрию Кончака, а Юрий князь бежа въ Новгородъ Великий въ мале дружины, а Кавгадый повеле дружине своей стяги поверещи, а самъ поиде не люба а въ стани»⁷³.

То, что Кавгадый приказал своим воинам свернуть стяги и спокойно отправился в стан, в то время как войско Юрия находилось в беспорядочном бегстве, свидетельствует о неучастии татар в битве. О том же говорят и дальнейшие действия Михаила Тверского, который принял все меры для того, чтобы показать, что его вражда с Юрием Московским на татар не распространяется: «Наутриа же великий князь видеся съ Кавгадыемъ взять миръ, и поять его въ Тверь съ своею дружиною; почтивъ его и отпусти»⁷⁴. Кроме того, он сразу же направил в Орду своего сына – очевидно, чтобы оправдаться за свои действия перед Узбеком и обвинить в происшедшем Юрия: «Той же зыми великий князь Михайло посла сына своего Константина въ (О) рду»⁷⁵. Однако роковую роль в судьбе Михаила Ярославича сыграла смерть в тверском плену сестры хана Кончаки-Агафьи, которую молва приписала отравлению.

Бежав из-под Бортенева в Новгород, Юрий собрал новое войско из новгородцев и псковичей и в сопровождении новгородского епископа Давыда вновь выступил против Михаила, но на этот раз противники заключили мир на том условии, что оба отправятся в Орду и передадут свой спор на рассмотрение хана: «[Юрий] прибежа в Новъгородъ, и позва новгородцевъ съ собою, и идоша с нимъ весь Новъгородъ и Пльсковъ, поимше владыку Давыда съ собою; и пришедше на Волгу, и докончаша с Михайломъ княземъ миръ, како ити въ Орду обема, а брата Юрьева и княгину пустити. И придоша новгородци вси в Новъгород, весне суци; а князь Юрьи иде на Москву и оттоле въ Орду»⁷⁶. Михаил Ярославич отправил в Москву для мирных переговоров своего посла, но тот был убит Юрием Даниловичем: «Посла великий князь Михайло Олексу Марковича на Москву посолствомъ о любви, и уби его Юрий князь»⁷⁷.

В 1318 г. московский и тверской князья приехали в Орду. Вместе с Юрием прибыли союзные ему новгородцы, чтобы поддержать его в споре с тверским князем: «Великий же кн (я)

⁷⁰ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 37.

⁷¹ Новгородская I летопись. ПСРЛ. Т. 3. С. 95.

⁷² Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 88.

⁷³ Тверская летопись. ПСРЛ. Т. 15. Стб. 409—410.

⁷⁴ Там же. Стб. 410.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Новгородская I летопись. ПСРЛ. Т. 3. С. 95.

⁷⁷ Тверская летопись. ПСРЛ. Т. 15. С. 410.

зь Юрьи Данилович паки соимся с Кавгадыемъ, и поидоста наперед в Орду, поимши с собою все кн (я) зи низовьские и бояре съ городовъ и от Новагорода по повелению окааннаго Кагадыя, и написаша многа лжасвидетельства на бл (а) ж (ен) наго великаго кн (я) зя Михаила»⁷⁸. Михаил был обвинён в невыплате дани, сопротивлении ордынскому послу и убийстве ханской дочери и по приказу Узбека казнён 22 ноября 1318 г. Хотя Юрий Данилович и поддерживал обвинения против тверского князя, считать его главным виновником казни Михаила Ярославича нет оснований. Даже Повесть о Михаиле Тверском, написанная по следам событий духовником Михаила игуменом Александром, который сопровождал своего князя в Орду и был свидетелем суда над ним и его казни, возлагает основную вину на Кавгадыя, хотя и изображает при этом Юрия в исключительно неприглядном виде. Юрий Данилович вернулся из Орды на Русь в 1319 г. В следующем году умер его брат Борис, княживший в Нижнем Новгороде. Видимо, именно в этой связи в 1320 г. в Орду отправился Иван Данилович, чтобы закрепить Нижегородское княжество за московскими князьями.

Весной 1321 г. в Кашин в сопровождении татарского отряда с целью взыскания какой-то задолженности явился из Орды еврей-кредитор: «В лето 6829 на весне приездилъ въ Кашинъ Гаянчаръ Татаринъ съ Жидовиномъ длъжникомъ, много тягости оучинили Кашину»⁷⁹; «Въ лето 6829. На весне приездилъ въ Кашинъ Гачна Татаринъ съ Жидовиномъ длъжникомъ, много тягости учинилъ Кашину»⁸⁰. Осенью того же года возникла новая ссора между Москвой и Тверью. Тверские князья отказались отдавать Юрию Даниловичу годовую дань в 2000 рублей серебром, которую он как великий князь владимирский должен был переслать в Орду. Юрий отправился на Тверь походом и принудил сыновей Михаила Ярославича внести дань и отказаться от попыток оспаривать у него великокняжеский титул: «Ходи князь Юрьи ратью на Дмитрия Михайловича Тферьского и приде в Переяславль с полкы. И ту присла князь Дмитрии владыку тферьского, и докончаша миръ на дву тысячу серебра, а княжения великого Дмитрию не подымати»⁸¹. Однако зимой 1321—1322 гг. Юрий Данилович вместо того чтобы передать собранную дань ордынскому послу уехал с ней в Новгород: «Тое же зимы князь Юрии, поймавъ сребро оу Михайловичевъ выходное по докончанию, не шель противу царева посла нъ ступилъ съ сребромъ в Новгородъ Великий»⁸². Это было открытым вызовом татарской власти.

Поступком Юрия тут же воспользовался Дмитрий Михайлович Тверской. Уже в марте 1322 г. он поехал в Орду. Хан Узбек направил к Юрию своего посла Ахмыла, вместе с которым вынужден был пойти младший брат московского князя Иван, оказавшийся в Орде на положении заложника: «Того же лета прииде князь Дмитрии Михайлович [ь] въ Орду, а на Роусь выиде посоль силенъ отъ царя Ахмуль по Юриа князя, а съ нимъ князь Иоанъ Данилович [ь], по Низовскимъ градомъ много зло христианомъ сътвориша»⁸³. Юрий Данилович отправился из Новгорода на встречу с послом, но по дороге на него напал брат Дмитрия Тверского Александр. Тверичи захватили обоз великого князя, сам же Юрий бежал в Псков, а оттуда направился в Новгород. Ахмыл вернулся в Орду, так и не встретившись с московским князем, после чего осенью 1322 г. Узбек отдал великое княжение Дмитрию Михайловичу Тверскому. Зимой 1322—1323 гг. Дмитрий пришёл на Русь с ханским послом Севенчбугой и сел на владимирском столе.

Юрий Данилович в это время оставался в Новгороде. 12 августа 1323 г. он заключил со шведскими послами Ореховецкий мирный договор, определивший границу между владе-

⁷⁸ Софийская I летопись старшего извода. ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 381.

⁷⁹ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15. Стб. 41.

⁸⁰ Тверская летопись. ПСРЛ. Т. 15. Стб. 414.

⁸¹ Новгородская I летопись. ПСРЛ. Т. 3. С. 96.

⁸² Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15. Стб. 41.

⁸³ Там же. Стб. 42.

ниями Швеции и Новгорода. В тексте договора, составленном на русском, шведском и латинском языках, Юрий именует себя великим князем (по-шведски – *mykle konungher*, по-латински – *rex magnus*): «Се язъ князь великий Юрги с посадником Алфоромеиемъ и с тысяцкимъ Авраамомъ, съ всемъ Новымъгородомъ докончали есмъ съ братомъ своимъ съ княземъ свеискымъ с Манушемъ Ориковицемъ»⁸⁴. Это означает, что он не подчинился решению хана Узбека о передаче Великого княжества Владимирского Дмитрию Михайловичу, которое ему, несомненно, было известно. Само нахождение Юрия Даниловича на новгородском столе было уже нарушением прав нового великого князя.

В 1324 г. Юрий по главе новгородского войска совершил поход на Устюг. Причиной его послужило то, что в предыдущем году устюжане напали на ходивших в Югру новгородцев и ограбили их. Устюг был взят и стороны «докончаша миръ по старой пошлине»⁸⁵. С Двины Юрий отправился по Каме в Орду, куда в 1325 г. прибыли Дмитрий и Александр Михайловичи Тверские. Пока Дмитрий находился у Узбека, его младший брат был отправлен на Русь для сбора дани: «приде изъ Орды князь Олександръ Михайловичъ, а татарове с ним должници, и много бысть тягости на Низовьской земли»⁸⁶. То, что Узбек отправил за данью тверского княжича, свидетельствует, что участь Юрия Московского была предрешена. Наказанием за неподчинение ханской воле (невыплату дани и непризнание перехода великого княжения к тверскому князю) должна была быть казнь. Однако Дмитрий Михайлович не дождался решения Узбека и 21 ноября 1325 г. убил Юрия «безъ цесарева слова»⁸⁷. Казнь Дмитрия за самовольство последовала лишь год спустя, 15 сентября 1326 г., т.е. единства мнений при ханском дворе по этому вопросу не было. Ярлык на великое княжение был передан младшему брату казнённого Дмитрия Александру Михайловичу.

Общую оценку отношений Юрия Даниловича Московского с Ордой даёт А. А. Горский: «Распространенный взгляд на Юрия Даниловича как пособника Орды критики явно не выдерживает: он является следствием оценки деятельности этого князя сквозь призму одного эпизода – гибели в Орде Михаила Тверского. Рассмотрение же всей политики Юрия в отношении Орды открывает совсем другую картину. В 1304—1305 гг. Юрий, как и Михаил Тверской, старался добиться милости хана и получить великое княжение, но потерпев поражение в соперничестве с Михаилом, повел себя отнюдь не как верный слуга Орды. В то время как в период великого княжения Михаила Ярославича Тверского последний не совершил ни одного действия, имевшего прямую или косвенную антиордынскую направленность, Юрий Данилович косвенно постоянно нарушал ханскую волю, ведя борьбу с Михаилом путем оспаривания части его великокняжеских прав: княжения в Новгороде Великом (до 1308 и 1314—1315 гг.) и выморочного Нижегородского княжества (1310—1311 гг.) Конфронтация с Михаилом повлекла за собой враждебность ханов: в данный период против московских князей были организованы две ордынские военных акции – в 1305 („Таирова рать“) и 1315—1316 гг. (поход Таитемера). Московский князь не пытался домогаться в Орде ярлыка на великое княжение: он не поехал туда при воцарении нового хана, а в 1315 г. отправился не по своей воле, а по требованию Узбека. В сложившейся ситуации, однако, Юрий предпринял все, чтобы заслужить ханскую милость. Но данных о поддержке Ордой Москвы до получения Юрием в 1317 г. ярлыка на великое княжение нет (исключая временное оставление за ним Переяславля в 1303 г.) ... Без наличия фактических данных предполагать поддержку Юрия Даниловича Ордой в период 1305—1317 гг. нет оснований. Факты же говорят о другом: Тохта и Узбек в это время неоднократно оказывали поддержку Михаилу Ярославичу (для 1305 и 1315—1316 гг. источники

⁸⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. №38. С. 67.

⁸⁵ Новгородская I летопись. ПСРЛ. Т. 3. С. 97.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

свидетельствуют об этом прямо, а в отношении эпизода с епископом Измаилом 1312 г. в пользу такой трактовки говорят косвенные данные). В 1317—1318 гг. Михаил Ярославич подчинился ханскому решению о передаче Юрию Даниловичу великого княжения, но оказал сопротивление (как и Юрий в 1305 и 1308 гг.) вторжению в свое собственное княжество. „Слишком“ решительная победа, одержанная им при этом, унижение, испытанное ордынским послом, и смерть в тверском плену ханской сестры решили судьбу Михаила. Вина Юрия состояла в том, что он поддерживал обвинение. Исходя из нравов княжеской среды того времени, вряд ли можно было ожидать от московского князя иного: Михаил был его злейшим врагом, изменившим союзу с его отцом в 1300 г., не раз наводившим на Юрия с братьями татарские войска, добивавшимся его свержения в 1308 г. ... Примечательно, что „Повесть о Михаиле Тверском“ осуждает Юрия не за пособничество „поганым“, а за то, что он, вопреки традиции, выступил против „старшего“ в роду князя, не имея законных, по старшинству, прав на великое княжение. Говоря об ордынской политике Михаила Ярославича, можно утверждать, что характеристика его как борца с игом ошибочна – тверской князь оказал сопротивление только однажды, когда попал в безвыходную ситуацию, в которой альтернативой была гибель; при этом он сделал все возможное, чтобы не обострять отношений с ханом. Действия Михаила в 1317 г. были не более „антиордынскими“, чем действия Даниила Александровича в 1300 г. (когда тот осмелился биться с татарами, не угрожавшими его владениям) и Афанасия Даниловича в 1316 г. Торжок является своего рода аналогом Бортенева: как и год спустя, великий князь владимирский с „сильным“ татарским послом идет на князя-соперника (отличие состояло в том, что ситуация для Москвы в 1316 г. была более драматичной в силу того, что главный московский князь, Юрий, находился в это время при ханском дворе на положении фактического заложника). Мученическая смерть Михаила и панегирическое изображение этого князя в сочинении, написанном его духовником, не должны заслонять того факта, что Михаил не только никогда не помышлял о ликвидации ордынской власти над Русью, но и в течение 12 лет своего великого княжения ни разу не противился ханской воле. Что касается Юрия Даниловича, то, став великим князем, он вскоре, в 1322—1323 гг., идет сначала на неуплату собранной дани, а затем на непризнание ханского решения о лишении его великокняжеских прав (Михаил Ярославич таких проступков против сюзерена не совершал) ... Элементы сопротивления воле Орды в деятельности Юрия Даниловича просматриваются в намного большей степени, чем в деятельности его современников – тверских князей»⁸⁸.

Юрий Данилович, несомненно, был жестоким и беспринципным авантюристом, который не брезговал никакими средствами для достижения своих целей. Заслуживает ли осуждения его стремление занять великокняжеский стол вопреки родовому старшинству, вопрос спорный. История домонгольской Руси полна примерами такого рода конфликтов. Достаточно вспомнить, что в обход родового старшинства великокняжеский престол занял Владимир Мономах. Но Юрия определенно можно и нужно осуждать за такие действия, как разорение Тверской земли вместе с татарами в 1317 г., убийство тверского посла и поддержка лживого обвинения Михаила Ярославича в Орде. Однако подобные действия в русской княжеской среде того времени были в порядке вещей. Используя татар в борьбе с Михаилом Ярославичем, Юрий всего лишь боролся со своим тверским противником его же средствами. Напомним, что в 1300 г. Михаил предал отца Юрия Даниила Александровича, перебежав на сторону Андрея Городецкого и татар. Тверской князь первым навёл татарские войска на Москву в 1305 г. («Таирова рать»), а в 1316 г. использовал татар для подчинения Новгорода своей власти. Не приходится сомневаться, что, если бы ему представилась возможность покончить с Юрием татарскими руками, он бы ею воспользовался.

⁸⁸ Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 56—59.

При этом Юрий, в отличие от тверских князей, неоднократно прямо или косвенно бросал вызов власти Орды. В 1305 г. он отказался отдавать Михаилу Ярославичу Переяславль вопреки его великокняжеским правам, подтверждённым ханским ярлыком. В 1309—1310 гг. разгорелась борьба за Брянск, закончившаяся прямым вооружённым столкновением между ставленником Москвы и ордынской ратью. В 1310—1311 гг. Юрий захватил выморочный Нижний Новгород, который должен был перейти под власть великого князя, и сумел оставить его за собой благодаря поддержке митрополита Петра. В 1312 г. он, в отличие от Михаила, не поехал в Орду почтить нового хана Узбека. В 1321 г. он бросил открытый вызов татарской власти, отправившись с собранной данью в Новгород, а не к ордынскому послу. Когда Узбек в 1322 г. отдал ярлык на великое княжение Дмитрию Тверскому, Юрий не подчинился этому решению. Фактически в 1322—1324 гг. он правил в Новгороде как независимый великий князь, не признающий власти Орды и не платящий ей дани.

В своей борьбе против Твери Юрий Данилович пользовался постоянной поддержкой Великого Новгорода. Возникновение московско-новгородского союза можно отнести к 1296 г., когда новгородцы изгнали наместников Андрея Александровича Городецкого и пригласили к себе княжить Даниила Александровича Московского. В 1304 г. новгородцы отказались принять к себе наместников Михаила Ярославича, унаследовавшего великокняжеский стол от Андрея. При поддержке Юрия им в течение нескольких лет удавалось успешно сопротивляться тверскому князю. Михаил смог сесть на новгородский стол только в 1308 г. Однако в 1314 г. его наместники были вновь изгнаны из Новгорода, а на новгородский стол был приглашён Юрий Данилович. Когда в следующем году московского князя вызвал к себе хан Узбек, вместе с ним в Орду отправились и новгородцы. Их поддержке (моральной и материальной) Юрий был, по крайней мере частично, обязан получением великокняжеского ярлыка. Когда в 1316 г. вернувшийся из Орды Михаил Ярославич при помощи татарского отряда попытался утвердиться в Новгороде, новгородцы оказали ему сопротивление, но были разбиты, а их знатные представители были обманом взяты в заложники. Однако в том же самом году они вновь изгнали из Новгорода наместников тверского князя. Новый поход Михаила Ярославича против мятежного города окончился неудачей. В 1317 г., когда из Орды с ярлыком на великое княжение вернулся уже Юрий Московский, новгородцы оказали ему полную поддержку. Новгородская рать выступила на помощь ему против Твери, однако после неудачного столкновения вернулась обратно. Когда разбитый у Бортенева Юрий бежал в Новгород, новгородцы вновь послали с ним своё войско против Михаила Ярославича. Новгородские послы сопровождали Юрия Даниловича в Орду и поддерживали обвинение против тверского князя, приведшее к его казни. Поддержка Новгорода дала Юрию возможность вопреки родовому старшинству и отчинному праву занять великокняжеский престол во Владимире, что в дальнейшем позволило московским князьям претендовать на великое княжение уже на законных основаниях, как на свою отчину.

Иван I Данилович Калита (1325—1340)

В 1326 г., после гибели Юрия Даниловича Московского, его младший брат Иван отправился в Орду – по-видимому, за подтверждением своих наследственных прав на Московское княжество. В том же году в Орде был казнён Дмитрий Михайлович Тверской, а ярлык на Владимир хан Узбек отдал его младшему брату Александру. Решение это вполне объяснимо – ни Дмитрий, ни его отец Михаил, будучи великими князьями, в отличие от Юрия Московского, ни разу не противились воле Орды, а сам Александр уже успел засвидетельствовать свою лояльность хану, собирая татарскую дань в Суздальской земле в 1325 г. Однако вскоре произошло событие, резко изменившее отношение Узбека к тверским князьям.

Этим событием стало восстание в Твери 15 августа 1327 г., во время которого горожане перебили татарский отряд во главе с двоюродным братом Узбека Чолханом (Щелканом-Шевкалом русских летописей). Чолхан был ханским послом, приехавшим на Русь вместе с Александром Михайловичем Тверским для утверждения его на владимирском столе или вслед за ним для взыскания платы за великокняжеский ярлык. Рассказ о тверском восстании присутствует в русском летописании в нескольких вариантах, некоторые из которых содержат поздние наслоения и необоснованные авторские домыслы. Так, выдумкой является версия Владимирского полихрона 1448 г., отразившаяся в Софийской I, Новгородской IV и Воскресенской летописях, согласно которой восстание было организовано самим князем Александром Михайловичем.

Тверская летопись определённо говорит о том, что оно стало стихийным выступлением простых тверичей, которые были более не в силах терпеть насилие татар. Попытки же их привлечь на свою сторону князя окончились безуспешно: «Безаконный же Шевкаль, разоритель христианский, поиде на Русь съ многими Татари, прииде на Тверь, и прогна князя великого съ двора его, а самъ ста на князя великого дворе съ мноюю гордостию; и въздвиже гонение велико надъ христианы, насилство (мъ), и граблением, и бие (ние) мъ и поруганиемъ. Народи же, гръдостию повсегда оскръбляеми отъ поганыхъ, жаловахуся многажды великому князю, дабы ихъ оборонилъ; онъ же, видя озлобление людей своихъ, не могый оборонити, тръпети имъ веляше; и сего не тръпяще Тверичи, и искаху подобна времени. И бысть въ 15 день месяца августа, въ полуутра, како торгъ снимается, некто диаконъ, Тверитинъ, прозвище ему Дюдко, поведе кобилицу младу и зело тучна поити на Волзе воды; Татарове же видевшие, отъяша ю. Диаконъ же сжаливси, и зело начать въпити, глаголя: „о мужи Тверьстии, не выдайте!“ И бысть между ими бой; Татарове же, надеющиеся на самовластие, начаша сечи, и абие стекошася чело-вечи, и смятошася людие, и удариша въ колоколы, и сташа вечиемъ, и поворотися весь градъ, и весь народъ томъ часе събрашася, и бысть въ нихъ замятня, и кликнуша Тверичи, и начаша избывати Татаръ, где кого застронивъ, дондеже и самого Шевкала убиша и всехъ порядку»⁸⁹.

Узнав о случившемся, Иван Данилович отправился в Орду. Зимой 1327—1328 гг. хан Узбек послал на Русь большое войско, которое разорило Тверскую землю: «И то слышавъ безаконный царь, на зиму посла рать на землю Рускую, а воевода Федорчюкъ, 5 темниковъ; и людей множество погубиша, а иныя въ пленъ поведоша, а Тверь и вся гради огнемъ пожгоша»⁹⁰; «На ту же зиму приде рать татарская множество много, и взяша Тферь и Кашинъ и Новоторжскую волость, и просто рещи всю землю Русскую положиша пусту, толко Новъгород ублюде богъ и святая Софья»⁹¹. Вместе с татарскими отрядами шёл Иван Данилович, однако говорить о том, что московское войско участвовало в разорении Тверской земли, нет оснований. Тверская и новгородская летописи вообще не упоминают о московском князе или его воинах. Мос-

⁸⁹ Тверская летопись. ПСРЛ. Т. 15. С. 415—416.

⁹⁰ Там же. Стб. 416.

⁹¹ Новгородская I летопись. ПСРЛ. Т. 3. С. 98.

ковская летопись говорит лишь о том, что Калита сопровождал татар по приказу хана: «Тое же осени князь Иванъ Даниловичъ Московский въ орду пошелъ. Тое же зимы и на Русь пришелъ изъ орды; и бысть тогда великая рать Татарская, Федорчюкъ, Туралыкъ, Сюга, 5 темниковъ воеводъ, а съ ними князь Иванъ Даниловичъ Московский, по повелению цареву...»⁹². По всей видимости, как и во время похода Ахмыла в 1322 г., Калита вынужден был сопровождать татар на положении заложника.

Год тверского восстания важен для нас ещё и тем, что именно в это время в Москве появляются первые собственные письменные памятники, которые позволяют нам узнать отношение московских правящих кругов ко многим вопросам жизни тогдашней Руси, в том числе и к татарам. В 1325 г. в Москву на постоянное жительство перебрался митрополит Киевский и всея Руси Петр. В 1326 г. по его совету Иван Данилович заложил в Кремле каменный Успенский собор, в котором и был похоронен скончавшийся в декабре того же года митрополит. Первыми памятниками московской словесности стали житие митрополита Петра, написанное сразу же после его смерти, а также княжеская летопись, начавшаяся тогда же вестись при митрополичьем Успенском соборе.

Хотя житие и не касается непосредственно отношений Руси с Ордой, косвенно оно всё-таки затрагивает интересующий нас вопрос, описывая деятельность Петра после поставления его в митрополиты: «И пришедъ [митрополит Петр] во свою митрополию, и нача учити заблудшаа крестьяны, ослабевшаа нужда ради поганыхъ иноверецъ, протолкуя Евангельскаа писания и апостольскаа, якоже великий Василей, Иоанъ Златоустый, Григорей, та ученья излагаа и къ семоу свое смирение являя, и темъ утверждая истинную веру во крестьянехъ, преходя Волынскую землю и Киевскую, и Суздальскую землю, уча везде вся»⁹³. Татарская власть над Русью для автора жития – «нужа (т.е. насилие) поганыхъ иноверецъ». Автор был приближённым московского князя, и высказанное им мнение несомненно отражает точку зрения самого Калиты.

Ещё более определённо эта точка зрения выражена в описании татарского карательного похода против Твери, содержащемся в московской летописи: «[Татары] шедъ ратью, плениша Тферъ и Кашинъ и прочия города и волости, и села, и все княжение Тферское взяша и пусто сътвориша, и бысть тогда земли великая тягость и много томления, множества ради грехъ нашихъ, кровь христианская проливаема бываше отъ поганыхъ Татаръ, овыхъ въ полонъ поведоша, а другиа мечи изсекоша, а иныя стрелами истреляше и всякимъ оружиемъ погубиша и смерти предаша, а князь Александръ побежалъ съ Тфери въ Псковъ. Того же лета убиша князя Ивана Ярославича Рязанскаго. Великий же Спасъ милостивый человеколюбецъ Господь своею милостию заступилъ благовернаго князя нашего Ивана Даниловича и его ради Москву и всю его отчину отъ иноплеменникъ, отъ поганыхъ Татаръ»⁹⁴. Вспомним, что речь идёт о военных действиях против княжества, бывшего тогда злейшим врагом Москвы. Тем не менее, симпатии московской княжеской летописи здесь целиком на стороне страдающих тверичей, а отношение к татарам целиком враждебное, хотя они, как казалось бы, действуют в интересах московского князя. Однако его собственное положение и положение его княжества при этом оказывается чрезвычайно шатким, несмотря на внешнюю лояльность по отношению к татарам, – летописец приписывает спасение Москвы от татарского погрома только божьей милости.

Об отношении Ивана Калиты к Орде можно судить не только по памятникам московской письменности. Показательно строительство им в Кремле собора Архангела Михаила, ставшего усыпальницей московских князей, и прежде всего дата его освящения: «Дата закладки Архангельского собора неизвестна. Освящен он был 20 сентября 1333 г. Это единственный случай, когда, по сведениям летописи, новый каменный храм в московском Кремле освятил сам митро-

⁹² Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 90.

⁹³ Цит. по: Макарий. История русской церкви. СПб., 1866. Т. IV. С. 309—310.

⁹⁴ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 90.

полит Феогност. 20 сентября отмечалась память князя Михаила Черниговского, убитого в Орде в 1246 г. за отказ поклониться местным святыням. Имя этого князя символизировало готовность к самопожертвованию, непокорность Орде. Особой популярностью пользовался Михаил Черниговский в ростовской и брянско-черниговской землях, то есть как раз в тех районах, откуда шел основной поток переселенцев в московское княжество. Освящение Архангельского собора в день памяти Михаила Черниговского означало поминовение погибших от рук ордынцев и обещание отомстить за них. Этот образ прочно вошел в московский „пантеон“ и московское искусство. Михаил Черниговский и погибший вместе с ним боярин Федор представлены в росписи московского Благовещенского собора 1508 г., многие сюжеты которой восходят к росписи 1405 г. (Интересна композиционная деталь этой росписи: композиция „Чудо Георгия о змие“, символизировавшая победу над вековым врагом Руси – Золотой Ордой, зрительно как бы опирается на фигуры Михаила Черниговского и его боярина Федора. Это сочетание самостоятельных композиций создает своеобразный живописный диптих, выражающий мысль о подвиге и самопожертвовании как подлинной основе торжества Руси над врагом.)»⁹⁵.

Александр Михайлович не оказал сопротивления татарам, а ещё до прихода ордынской рати бежал из Твери. Сначала он попытался закрепиться в Новгороде, однако новгородцы, следуя своей традиционной вражде с тверскими князьями, отказались его принять. Тверских наместников в Новгороде сменили московские: «И присла князь Олександръ послы к новгородцемъ, хотя бечи в Новъгород, и не прияша его. Того же лета присла князь Иванъ Даниловичъ наместники своя в Новъгород...»⁹⁶. В отличие от Новгорода, Псков согласился дать убежище тверскому князю: «Великий же князь Александръ Михайловичъ, не тръпя безбожныхъ крамолы, оставль княжение Руское и вся отечества своа, и иде въ Псковъ съ княгынею и съ детми своими, и пребысть въ Пскове»⁹⁷.

В отношении великого княжения хан Узбек принял необычное решение, разделив его между Суздалем и Москвой. Владимир с великокняжеским титулом и Поволжье достались суздальскому князю, который также участвовал в походе на Тверь, а Великий Новгород и Кострома – московскому: «Озбьякъ поделилъ княжение имъ: князю Ивану Даниловичю Новъгородъ и Кострому, половина княжения; а Суждальскому князю Александру Васильевичю далъ Володимерь и Поволжье»⁹⁸. В этом очевидно проявилось желание Орды ослабить власть великих князей владимирских, чтобы не допустить с их стороны неповиновения, которое случилось в предыдущие годы.

Только в 1331 г., после смерти Александра Васильевича Суздальского, Ивану Калите удалось добиться в Орде передачи ему всего великого княжения и вдобавок к нему половины Ростова. Принять это решение, явно противоречащее интересам ордынской власти, татар побудили обильные дары московского князя. Для покрытия своих долгов Калита в 1332 г. потребовал от Новгорода выплаты закамского серебра, что привело к первому в истории московско-новгородских отношений конфликту: «Великий князь Иванъ приде изъ Орды и възверже гневъ на Новъгородъ, прося у нихъ серебра закамского, и в томъ взя Торжекъ и Бежичьский верхъ за новгородскую измену»⁹⁹. Отношения Калиты с Новгородом были восстановлены в 1334 г.

Видимо, именно с долговыми вопросами была связана поездка московского князя в Орду зимой 1332—1333 гг. Следующая поездка Ивана Даниловича к хану состоялась зимой 1336—

⁹⁵ Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV – XV веков. М., 1986. С. 62, 77.

⁹⁶ Новгородская I летопись. ПСРЛ. Т. 3. С. 98.

⁹⁷ Тверская летопись. ПСРЛ. Т. 15. С. 415—416.

⁹⁸ Археографический список Новгородской I летописи. ПСРЛ. Т. 3. С. 469.

⁹⁹ Новгородская I летопись. ПСРЛ. Т. 3. С. 98.

1337 г. Тогда он «прииде из Орды съ пожалованиемъ въ свою отчину»¹⁰⁰. По всей видимости, Калите удалось добиться присоединения к великому княжению выморочного Галицкого княжества, последний князь которого Фёдор умер в 1335 г.

В это время Ивану Даниловичу пришлось вновь столкнуться с Александром Михайловичем Тверским. Ещё в 1328 г. московские и новгородские послы ездили в Псков, чтобы передать бежавшему туда тверскому князю приказ хана Узбека явиться в Орду: «Ходи князь великий Иванъ Данилович и Костянтинъ Михайлович, а новгородци от себе послаша Федора Колесницу, въ Орду къ цесареви; и отпусти я цесарь, повелевъ искати князя Александра. И посла князь Иванъ свои послы, а новгородци от себе владыку Моисия и Аврама тысяцкого къ князю Олександру въ Пльсковъ, веляче ему, абы пошелъ въ Орду, и не послуша»¹⁰¹.

В следующем году Калита лично явился в Новгород вместе с другими низовскими князьями и возглавил поход на Псков, который вынудил псковичей изгнать от себя Александра Михайловича Тверского: «Приде в Новъгород на столь князь великий Иванъ Даниловичъ, внукъ Олександровъ, марта 26, на сборъ архангела Гаврила; бяху же с ним и тферьскыи князи Костянтинъ и Василии, и Олександръ Суждальскый, и иныхъ много русскихъ князии... Того же лета поиде князь Иванъ со всеми князи и с Новымъгородомъ къ Пльскову ратью; и уведавше пльсковичи, выпровадиша князя Олександра от себе, а къ князю Ивану и к новгородцемъ прислаша послы с поклономъ въ Опоку, и докончаша миръ»¹⁰². Александр бежал в Литву, но в 1331 г. вернулся и сел в Пскове в качестве вассала великого князя литовского Гедимина: «...плесковици изменили крестъное целование к Новуграду, посадили собе князя Александра из литовскыя руки»¹⁰³. С этого момента Литва становится постоянным фактором ордынской политики Москвы, поэтому необходимо вкратце разобрать её собственные отношения с татарами.

Самое раннее свидетельство о подобных отношениях датируется 1319 годом. В этом году состоялось сражение между войсками Литвы и Тевтонского ордена, в котором, согласно сообщению Мацея Стрыйковского, передовой отряд великого князя Гедимина составляли татары¹⁰⁴. Это свидетельствует о союзных отношениях между Литвой и Ордой, включавших оказание военной поддержки. Кроме того, татары уже тогда начали селиться на землях Великого княжества Литовского. Под 1324 г. анналист Францисканского ордена сообщает: «Наши братья, отправленные для обращения в христианскую веру литовских земель, нашли весь народ погружённый в язычестве, поклоняющийся огню, и между ними скифов, пришельцев из владений какого-то хана (Chani), и которые в своих молитвах употребляют азиатский язык»¹⁰⁵.

Перемену в дружественные литовско-татарские отношения внесли события 1323 г. В этом году погибли последние галицко-волинские князья Лев и Андрей Юрьевичи. В их землях образовался политический вакуум, которым не преминул воспользоваться великий князь Литвы Гедимин, чтобы подчинить их своей власти. В 1323 г. он захватил Волинскую землю (Галицкая земля ещё до этого была захвачена поляками и венграми), а в 1324 г. – Киевское княжество. Подобные действия не могли не вызвать реакции со стороны Орды, обладавшей верховной властью над Галицко-Волинским и Киевским княжествами. По сообщению Мацея Стрыйковского, в составе волинских и киевских полков во время войны с Литвою находились татарские отряды¹⁰⁶. Русское летописание также сообщает о войне между Ордой и Литвой

¹⁰⁰ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 47.

¹⁰¹ Новгородская I летопись. ПСРЛ. Т. 3. С. 98.

¹⁰² Там же. С. 98—99.

¹⁰³ Новгородская I летопись младшего извода. ПСРЛ. Т. 3. С. 344.

¹⁰⁴ Strykowski M. Kronika polska, litewska, zmodska i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. 1. С. 360—361.

¹⁰⁵ Lucae Wadingi Annales ordinis Minorum ab anno 1208 ad an. 1540. Lugduni 1672. Т. 1. С. 459.

¹⁰⁶ Strykowski M. Op. cit. S. 363, 365.

в 1324 г.: «царь Азбьяк посылал князей Литвы воевати; и много зла сотвориша Литве, и со многим полоном приидоша во Орду»¹⁰⁷.

Однако уже в ноябре того же года в Вильну прибыли послы хана Узбека, о которых мы знаем благодаря сообщению посланников папских легатов и архиепископа Риги, посетивших Гедимина одновременно с ними: «И на следующий день король [Гедимин] прислал [к нам] того же самого своего уполномоченного с некоторыми другими из [людей] своего совета, чтобы они поговорили с нами наедине, потому что сам король не мог говорить с нами лично, так как был занят с татарами»¹⁰⁸. Стороны заключили компромиссное соглашение, по которому завоеванные Гедимином Волынская и Киевская земли продолжали признавать верховную власть Орды, но должны были непосредственно управляться литовскими князьями при участии татар.

Некоторые подробности этого мы знаем благодаря сообщению русских летописей о том, как в 1331 г. новгородский епископ Василий, возвращавшийся из Владимира-Волынского, где он был возведён в сан митрополитом Феогностом, подвергся нападению киевского князя Фёдора и баскака: «Поиха Василии владыка от митрополита; яко прииха под Черниговъ, и ту научениемъ дияволимъ пригнася князь Федоръ Киевскыи со баскакомъ в пятидесят человекъ розбоемъ, и новгородци остерегошася и стаща доспеть противу себе, мало ся зло не учинило промежю ими; а князь въсприимъ срамъ и отыха, нь от бога казни не убежа: помроша коне у его. И оттоле поиха владыка на Брянскъ и прииха в Торжокъ, на память святого священномученика Акепсимы, и ради быша новоторжыци своему владыце; а в Новгороде печалне быша, занеже не бяше вести, нь сица весть промчесь, яко владыку Литва яле, а детеи его избиша»¹⁰⁹. Правивший в Киеве князь Фёдор был братом Гедимина. Наличие при нём татарского баскака указывает на литовско-татарское двоевластие, установленное в Киевском княжестве соглашением 1324 г.

Этим соглашением Литва и Орда также возобновили свой военный союз, направленный теперь против Польши и Венгрии, захвативших Галицкую землю. В 1325 г. папа Иоанн XXII в своих буллах в лагере противников польско-венгерских войск называл «схизматиков (т.е. русь), татар, язычников (т.е. литву) и другие неверующие народы»¹¹⁰. Война закончилась компромиссом, по которому с санкции хана Узбека правителем Галицко-Волынского княжества стал Болеслав-Юрий Тройденевич.

Отношения между Литвой и Ордой вновь испортились в начале 1330-х гг. По всей видимости, причиной этому стало стремление Гедимина вопреки договоренности с Узбеком установить свою власть над русскими княжествами, признававшими верховную власть Орды. В 1331 г. великий князь литовский посадил в Пскове «из своей руки» Александра Михайловича Тверского. В 1333 г. татары вместе с брянским князем Дмитрием Романовичем совершили поход на Смоленск, закончившийся заключением мира со смоленским князем Иваном Александровичем: «прииде ратью Дмитреи князь Брянскыи на Смоленскъ съ татары Калънтаи и Чирича съ многымы воеводами и взяша миръ с Ываном»¹¹¹. В договоре, заключённом с Ригой ок. 1340 г., Иван Александрович Смоленский именовал себя «младшим братом» Гедимина: «Се язъ князь великий смоленскыи Иванъ Олександровичъ оунукъ Глебовъ... докончалъ есмь по деда своего докончанью и по старымъ грамотам докончалъ есмь и по тому докончанью како то брат мои старейшии Кедимень докончалъ и его дети Глебъ и Алкерд»¹¹².

¹⁰⁷ Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. X. С. 189.

¹⁰⁸ Послания Гедимина. Вильнюс, 1966. №14. С. 136.

¹⁰⁹ Новгородская I летопись младшего извода. ПСРЛ. Т. 3. С. 344.

¹¹⁰ Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae. Romae, 1860. Т. I. P. 215, 216.

¹¹¹ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 47.

¹¹² Смоленские грамоты XIII – XIV веков. М., 1963. С. 69–70.

Очевидно, в 1333 г. смоленский князь уже признавал себя вассалом Гедимины, что и послужило причиной похода брянских войск и татар.

В подобной напряжённой обстановке литовско-татарской вражды сидевший в Пскове Александр Михайлович начал предпринимать попытки вернуться на княжение в родную Тверь. В 1335 г. он отправил из Пскова в Орду своего сына Фёдора. В том же году Иван Калита собирался идти на Псков ратью, но отказался от этого замысла после переговоров с новгородцами: «Того же лета князь великий Иванъ хоте ити на Плесковъ с новгородци и со всею Низовскою землею, и бысть ему по любви речъ с новгородци, и отложиша ездъ; а плесковицемъ миру не даша»¹¹³. В следующем году Александр Михайлович лично приехал в Тверь за своим сыном, вернувшимся из Орды. Исход переговоров, проведённых там Фёдором Александровичем, оказался положительным, судя по тому, что в 1337 г. тверской князь лично отправился в Орду и получил обратно от Узбека своё княжество: «Князь Александръ поиде во Орду из Опыскова и обишедши всю землю Роусскую прииде къ незаконному царю Озбяку и рече ему: господине царю, аще много зло сътворихъ ти, во се есмь предъ тобою, готовъ есмь на смерть. И отвеща ему царь, аще тако еси сотворилъ, то имаши животъ полоучити, многы бо послы слахъ, не приведоша тя. И приять пожалование отъ царя, въсприимъ отчину свою... На ту же зиму прииде князь великий Александръ изъ Орды во Тферь, а съ нимъ послы силны Киндякъ и Авдуль, беяше въ годину осеннюю и много сътворишеться тягости христианомъ»¹¹⁴.

При этом, как сообщает московская летопись, договориться с Калитой ему не удалось: «Князь Александръ Михайловичъ Тферьский поиде въ орду, а не укончавъ съ княземъ съ великимъ съ Ываномъ съ Даниловичемъ»¹¹⁵. В самой Твери имелось значительное количество сторонников московского князя: «А бояре мнози отъеха на Москву къ великому князю Ивану»¹¹⁶. Вероятно, Иван Данилович почувствовал опасность того, что Узбек станет использовать тверского князя как противовес чрезмерно усилившемуся великому князю владимирскому. Зимой 1338—1339 гг., видимо, чтобы заручиться поддержкой Узбека в противостоянии с Александром Михайловичем, Калита поехал в Орду со своими старшими сыновьями Семёном и Иваном, а младшего сына Андрея отправил в Новгород. Из Орды он вернулся «въ свою отчину, пожалованъ Богомъ и царемъ»¹¹⁷.

В 1339 г. Узбек вызвал в Орду Александра Тверского (его сын Фёдор ещё ранее отправился туда вместе с татарским послом Авдулом). Согласно рассказу тверской летописи, судьба их долгое время была неясна: «и пребысть единъ месяцъ въ Орде, много лъсти приять отъ незаконныхъ Татаръ, и инии глаголаху: княжение ти великое даетъ царь, а инии глаголаху: оубиту ти быти»¹¹⁸. Нет оснований считать, что слова о возможности передачи Александру Михайловичу великого княжения были лишь татарской «лестью». Весь период своего правления хан Узбек проводил сознательную политику, направленную на удержание Великого княжества Владимирского под своим контролем. Чрезмерное усиление Калиты, каким бы внешне послушным он ни был, не отвечало его интересам. В этом свете возможность передачи великокняжеского стола тверскому князю не выглядит невероятной. Это было понятно и московскому князю, который вслед Александру послал в Орду всех троих своих сыновей, видимо, чтобы показать в столь критической ситуации свою лояльность хану.

28 октября 1339 г. Александр Михайлович Тверской и его сын Фёдор были казнены в Орде. Зачастую казнь тверских князей приписывают интригам Ивана Калиты, однако

¹¹³ Новгородская I летопись младшего извода. ПСРЛ. Т. 3. С. 344.

¹¹⁴ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 48.

¹¹⁵ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 92.

¹¹⁶ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 49.

¹¹⁷ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 92.

¹¹⁸ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 49.

с подобной точкой зрения невозможно согласиться. Борьба между двумя русскими княжествами не могла послужить для татар основанием для уничтожения правителей одного из них. Тем более, что это существенно усиливало другое, что противоречило политике ослабления русской великокняжеской власти, проводившейся Узбеком. Александр Михайлович проявил свою полную лояльность хану — сначала отправил к нему своего сына, потом явился лично, вернулся в Тверь с татарскими послами, собрал дань, отправил с нею в Орду своего сына, а затем приехал сам. Причину казни тверских князей необходимо видеть в другом, а именно во вновь обострившейся вражде Орды с Литвой. В 1338 г. состоялся поход татарских войск на Литву: «Того же лета Татарове воеваше Литву»¹¹⁹. Именно литовские связи Александра Михайловича должны были сыграть роковую роль в его судьбе.

Это подтверждается и тем, что сразу же вслед за казнью тверских князей, зимой 1339—1340 гг., состоялся поход на Смоленск, который, как мы уже говорили выше, в это время признавал верховную власть Гедимины. Во главе похода стоял придворный Узбека Товлубий, руководивший казнью Александра Михайловича Тверского и его сына: «Тое же зимы выиде изъ орды посоль, именемъ Товлубии, егоже царь послалъ ратью къ городу къ Смоленську, а съ нимъ князь Иванъ Коротополь Рязанский»¹²⁰. По приказу хана Иван Калита отправил в поход своё войско вместе с рядом подчинённых ему князей: «Князь великий Иванъ Даниловичъ послалъ же свою рать съ Товлубьемъ къ Смоленску по цареву повелению, а отпустилъ князя Константина Суждальскаго, князя Константина Ростовскаго, князя Ивана Ярославича Юрьевскаго, князя Ивана Дрютскаго, Федора Фоминскаго, а съ ними воеводу Александра Ивановича, Феодора Акинфовича. И стоявши рать у Смоленска немного днеи, и отступивъ поиде прочь, а города не взяша; милостию же Божиею съблюдена бысть рать вся Русская и ничимъ же не врежена бысть»¹²¹.

Необходимо отметить, что в течение длительного времени Смоленск подчинялся власти великих князей владимирских. Ещё в 1239 г. Ярослав II выбил из Смоленска литовцев и посадил в нём своего ставленника: «Ярославъ иде Смолинську на Литву, и Литву победи, и князя ихъ ялъ, а Смольняны оурядивъ князя Всеволода посади на столе, а сам со множеством полона с великою честью отиде в своя си»¹²². В 1269 г. смоленский князь Глеб Ростиславович участвовал в походе на Новгород Ярослава III. В 1294 г. великий князь Андрей Александрович послал смоленского князя Романа Глебовича (видимо, бывшего его наместником в Новгороде) в поход на шведов. В 1311 г. смоленский князь Дмитрий Романович возглавлял новгородскую рать в походе на емь¹²³. Новгородским князем тогда был великий князь Михаил Ярославич, а Дмитрий, видимо, также был его наместником в Новгороде. Таким образом, признание Смоленском верховной власти Литвы стало прямым вызовом Ивану Калите, который был лично заинтересован в его возвращении в свою сферу влияния. Однако, судя по сообщению летописи о том, что русская рать стояла под Смоленском «немного днеи» и «ничимъ же не врежена бысть», особенно активных действий осаждающие не предпринимали. Вскоре после окончания смоленского похода, 31 марта 1340 г., Иван Данилович скончался «въ чернцехъ и въ скиме»¹²⁴.

Основное обвинение, которое обычно звучит в адрес Ивана Калиты, заключается в том, что он был послушным проводником татарской политики на Руси. Действительно, в отличие от своего отца и старшего брата он ни разу не выступил против Орды. Однако необходимо иметь в виду, что в период его правления положение резко отличалось от того, что существо-

¹¹⁹ Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. X. С. 208.

¹²⁰ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 92—93.

¹²¹ Там же. С. 93.

¹²² Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

¹²³ Новгородская I летопись младшего извода. ПСРЛ. Т. 3. С. 92—93.

¹²⁴ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 93.

вало при его предшественниках. В конце XIII в. Золотую Орду раздирали борьба между Ногаем и сарайскими ханами. Это давало антиордынской коалиции русских князей определённую возможность для манёвра. Некоторая неустойчивость политической ситуации сохранялась в Орде и в начале XIV в. Однако в годы правления хана Узбека, на период которого пришлось целиком и правление Ивана Даниловича, Золотая Орда достигла вершины своего могущества. Её военная мощь была несравнима с силами Московского княжества. Узбек проводил активную политику вмешательства во внутренние дела Руси, направленную на ослабление великокняжеской власти путём сталкивания тверских, московских и суздальских князей. Вспомним раздел Великого княжества Владимирского между суздальским и московским князьями в 1328 г. и возвращение тверского стола Александру Михайловичу в 1337 г. с возможностью передачи ему великого княжения.

В подобной ситуации попытки военного противодействия Орде были обречены на поражение. Таких попыток не предпринимал в годы правления Узбека никто из русских князей. Восстание в Твери в 1327 г. вспыхнуло вопреки княжеской воле, а, когда на город двинулись татарские отряды, тверской князь бежал, не оказав никакого сопротивления.

Однако внешняя лояльность Ивана Калиты по отношению к Орде отнюдь не означала признания Москвой естественности или неизбежности её власти. Выше мы уже цитировали два ранних памятника московской письменности, в которых татарское господство над Русью характеризуется крайне отрицательно. Ещё более показательна в этом отношении запись в Евангелии Антониева Сийского монастыря с похвалой Ивану Калите. Запись была сделана в 1339 г. по указанию самого московского князя, принявшего к тому времени монашеский постриг под именем Анании, и является своего рода завещанием, отражающим официальную идеологию правления Калиты. Ввиду чрезвычайной важности этого документа приведём его полностью:

«В лето 6847 индикта 12 миротворенаго и солнечного кроуга в 4-е лето висикосное, Жидовь сего и рук въ 1-е лето, епакта 18 лето, въ 5-и каландъ месяца марта, Жидовьскы нисана, написано бысть си еуангелие въ граде Москве на Двину къ Святеи Богородици повелениемъ рабомъ Божиимъ Ананиею черньцемъ. О семь бо князи великомъ Иване пророкъ Езекий глаголетъ: „В последнее время въ запустевший земли на западъ встанеть цесарь правду любяй, соудъ не по мзде судяй, ни в поношение поганымъ странамъ. При семь будетъ тишина велья в Роуской земли и въсияеть въ дни его правда“, яко же и бысть при его цесарстве. Хвалить Римская земля Петра и Павла, Асия Иоана Богословеца, Индийская Фому, Иераполь Филипа, Руская земле перевозванаго апостола Андрея, Гречьская земля цесаря Константина. Сему благородному князю великому Ивану створшему дела подобна в Руской земли правоверному цесарю Костянтину. О семь бо песнословыць глаголетъ: „Постави, Господи, законодавца над ними, да разоумеють языци, яко человеци суть“. То же рек: „Боже, судъ цесареви дай же правду сынови цесареву“. Сии бо князь великой Иоанн имевше правый суд паче меры. Поминая божественнае писания, исправльния святыхъ и преподобны (хъ) отец, по правиломъ монаканунымъ ревнуя правоверному цесарю Оустияну. В того время благочестию велию восиявши, многимъ святымъ церквамъ съзидаемымъ, оучению божественныхъ словесъ от оустъ его яко источникуу велию текущую, напаяющи благочестивыхъ святитель сердца и христолюбивыхъ въ его державе людии. Безбожнымъ ересамъ преставшимъ при его державе, многимъ книгамъ написанымъ его повелениемъ, ревнуя правоверному цесарю Гречьскому Мануилу. Любяй святительский санъ, постничьское житъе любя и оудержая правоверную святую вероу. Сирымъ в бедахъ помощникъ, вдовци от насильникъ изимая яко от оустъ лвовъ. Всей Роуской земли поминая велегласно державу его цесарства. Сий бо великий рабъ Божий Анания чернецъ, поминая его святительский санъ, горя духовною мыслию къ Богови, хотяй видети вышний Ерусалимъ, поминая душею первыхъ правоверныхъ цесарий, всехъ святыхъ и молитвою прародитель

своих. А писали многогрешнии дьяци Мелентий да Прокоша, благословите ихъ, а не клените»¹²⁵.

Прежде всего, обращает на себя внимание неоднократное косвенное именование Ивана Даниловича цесарем (т.е. царём), преемником греческих императоров Константина, Юстиниана и Мануила. Ввиду того, что царём на Руси тогда именовали также хана Золотой Орды, применение подобного титула к московскому князю и великому князю владимирскому означает фактически провозглашение его независимости от татарской власти и прямого преемства от императоров Второго Рима. Это свидетельствует о том, что идеологическая концепция Руси и конкретно Москвы как Третьего Рима начала складываться уже не позже эпохи Калиты. Однако он, по всей видимости, не был первым великим князем владимирским, именовавшим себя царём. Судя по сообщению Максима Плануды, уже Михаил Ярославич Тверской в своём послании греческому императору Андронику II Палеологу прямо именовал себя «царём Руси» (βασιλεὺς τῶν Ρως)¹²⁶.

Михаил также неоднократно прямо или косвенно именуется царём в современных ему памятниках тверской литературы. Так, в «Написании» монаха тверской лавры св. Богородицы Акиндина к тверскому князю (ок. 1311 г.) читаем: «Богомъ съхраненному и благочестивому и благочестия держателю великому князю Михаилу и честному самодержъцю рускаго настоялования», и далее: «царь еси, господине княже, въ своей земли»¹²⁷. Также и в Повести об убиении Михаила Ярославича в Орде, написанной его духовником игуменом Александром ок. 1319—1320 гг., говорится: «Яко же сей крепкий умомъ и терпеливый душею блаженный и христоробивый великий князь Михаилу Ярославичъ свое царство, уметы вменивъ, остави...»¹²⁸. В уста одного из людей, собравшихся вокруг тверского князя, приведенного в оковы на торг, игумен Александр вкладывает слова о его прежней царской власти: «Господине княже, видиши ли, селико множество народа стоять, видящи тя в таковой укоризне, а преже ты слышахом царствующаго въ своей земли»¹²⁹.

Кроме того, Михаил Ярославич первым из великих князей владимирских официально принял титул «великого князя всея Руси»: «В послании к Михаилу константинопольского патриарха Нифонта адресат титуловался „великим князем всея Руси“. К князю Северо-Восточной Руси такой титул прилагался впервые. М. А. Дьяконов полагал, что титул „великий князь всея Руси“ был принят самим Михаилом. Нифонт лишь признавал новый титул русского князя. Точка зрения М. А. Дьяконова может быть отчасти подкреплена указанием на то, что Михаил первый ввел титул „великий князь“ в договорных грамотах с Новгородом Великим. В договорах, заключенных с Новгородом отцом Михаила Ярославом, и в ранних грамотах самого Михаила сохранялся титул „князь“, хотя грамоты были составлены от имени великих князей Владимирских»¹³⁰. Таким образом, официально принимая на себя титул великого князя всея Руси и неофициально именуя себя царём, Калита следовал по стопам своего тверского предшественника.

Похвала Ивану Даниловичу называет в числе его основных достоинств правосудие, благочестие, благотворительность, а также то, что в годы его правления в «запустевшей Русской земле» установилась «тишина велия». О том же самом говорит и московская летопись: «седе князь великий Иванъ Даниловичъ на великомъ княжении всеа Руси, и бысть оттоле тишина велика на 40 летъ и престаша погании воевати Русскую землю и закалати христианъ, и отдох-

¹²⁵ Цит. по: Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1879. С. 145—148.

¹²⁶ Цит. по: Haupt H. Neue Beitræge zu den Fragmenten des Dio Cassius // Hermes. Zeitschrift fuer klassische Philologie. 1879. Bd. XIV. S. 445.

¹²⁷ Русская историческая библиотека. Т. VI, изд. 2. СПб, 1908. Стб. 154.

¹²⁸ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб, 1999. С. 68.

¹²⁹ Там же. С. 84.

¹³⁰ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 261.

нуша и починуша христиане отъ великиа истомы и многыа тягости, отъ насилия Татарскаго, и бысть оттоле тишина велика по всей земли»¹³¹. Действительно, четыре с половиной десятилетия между 1281 г., когда началась вражда между Дмитрием и Андреем Александровичами, и 1328 г., когда была разгромлена Тверь, оказались отмечены почти непрерывными междоусобными войнами русских князей, сопровождавшимися татарскими вторжениями. Напротив, в годы княжения Калиты на Руси не было крупных междоусобных войн и татарских вторжений, хотя за это и приходилось платить внешней лояльностью хану и тяжёлыми поборами в ордынскую казну. «Тишина велия» продлилась и в правление его сыновей и захватила первые годы правления его внука. 40 спокойных лет между Щелкановщиной в 1327—1328 гг. и первой Литовщиной в 1368 г. дали Руси возможность собраться с силами, благодаря чему при Дмитрии Ивановиче она смогла выстоять в ожесточённой борьбе на два фронта – с Ордой и Литвой.

¹³¹ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 90.

Семён Иванович Гордый (1340—1353)

В момент смерти Ивана Калиты его старший сын Семён находился в Нижнем Новгороде. 2 мая 1340 г. он вместе со своими братьями Иваном и Андреем отправился в Орду за подтверждением своих владельческих прав. Если верить сообщению Воскресенской летописи, претензии на великокняжеский титул выдвинули ещё трое русских князей: «И по немь (т. е. Иване Калите) спрошася князи Русстии о великомъ княжении: князь Костянтинъ Михайловичъ Тверьскый, князь Василей Давыдовичъ Ярославской и князь Костянтинъ Васильевичъ Суздальской, пойдоста о великомъ княжении во орду»¹³². Узбек дал ярлык на великое княжение Семёну Ивановичу, который 1 октября 1340 г. взошёл на владимирский стол. Однако его владения были существенно урезаны по сравнению с владениями Калиты – Нижегородское княжество было выделено из состава Великого княжества Владимирского и передано суздальскому князю Константину Васильевичу, брату Александра Васильевича, который владел Нижним Новгородом в 1328—1331 гг. как великий князь владимирский: «Того же лета седе въ Новегороде въ Нижнемъ на Городце на княжении на великомъ Костянтинъ Васильевич [ъ] Суждальскы»¹³³. Из этого можно заключить, что, несмотря на внешнюю лояльность московских князей, хан не доверял им и стремился не допустить их усиления.

Даже за урезанное великое княжение Семёну Ивановичу пришлось, по всей видимости, дорого заплатить. После возвращения из Орды он попытался собрать с новгородской Новоторжской волости чрезвычайную подать, но это вызвало возмущение новоторжцев, которые призвали к себе на помощь новгородцев: «В то же лето прииде князь Семеон из Орды и насла на Торжокъ дани брати, и почаша сильно деяти. Новоторжцы же прислаша с поклономъ в Новъгород; и послаша Матфея Валфромеевича, и Терентия Даниловича с братомъ, и Валфромея посадница сына Остафьева, и Федора Авраамова с полкы; и ехавши, изгониша Торжокъ безъ вести, и изимаша наместниковъ Михаила князя Давыдовиця, Ивана Рыбкина сына, и борцовъ, Бориса Сменова сына, и жены их и дети, и сковаша я»¹³⁴.

В это же время в Брянске вспыхнуло восстание против ставленника Москвы князя Глеба Святославича, по-видимому, также вызванное дополнительными поборами в пользу Семёна Ивановича: «Тое же зимы злые коромолници, спшедшея вечемъ, Брянци оубиша князя Глеба Святославича месяца дек [абря] въ 6 день, на память святого отца Николы»¹³⁵. По сообщению новгородской летописи, возмущившихся брянцев безуспешно пытался успокоить митрополит Феогност, явно действовавший в московских интересах: «Тои же зиме месяца декабрия въ 6 на Николинъ день убиша брянци князя Глеба Святъславица; и в то время и митрополит ту бяше, и не возможе уняти их, нъ вышедше изъ церкви святого Николы»¹³⁶.

Если в Брянске вмешательство митрополита закончилось ничем, то в Новгороде Семёну Ивановичу с его помощью удалось добиться признания себя князем и выплаты дополнительной дани: «Тои же зиме прииде князь Семеонъ с полкы в Торжокъ со всею землею Низовьскою; новгородци же почаша копити волость всю в город, а ко князю послаша владыку и Авраама тысяцкого съ иными бояры, и доконцаша миръ по старымъ грамотамъ, на всеи воли новгородчкои, и крестъ целоваша; а князю даша боръ по волости, а на новоторжцех 1000 рублевъ; бяше же ту и митрополит; и присла князь наместникъ в Новъгород»¹³⁷. Однако Брянск всё-таки вышел

¹³² Воскресенская летопись. ПСРЛ. Т. 7. С. 237.

¹³³ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 54.

¹³⁴ Новгородская I летопись младшего извода. ПСРЛ. Т. 3. С. 352—353.

¹³⁵ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 53.

¹³⁶ Новгородская I летопись младшего извода. ПСРЛ. Т. 3. С. 353.

¹³⁷ Там же.

из-под власти великого князя владимирского, вернувшись в зависимость от Смоленска, а тем самым и от Литвы. Таким образом, восхождение Семёна Ивановича на владимирский стол ознаменовалось потерей для великого княжения двух важных земель – Нижегородской и Брянской.

В конце 1341 г. умер хан Узбек, на ордынский престол вступил его сын Джанибек. В мае 1342 г. Семён Данилович отправился за подтверждением своих полномочий в Орду, куда уже до него выехали суздальский, тверской и ярославский князья. Джанибек оставил в силе решение своего отца о передаче Нижнего Новгорода суздальскому князю. Однако в следующем году Семён Данилович предпринял неудачную попытку вернуть Нижегородское княжество под свою власть: «Въ лето 6851 князь великий Семень Иванович [ъ] сперся съ княземъ Костянтиномъ Василиевичемъ Суждальскимъ о княжении Новагорода Нижняго и поидоша во Орду и яшася бояре Новгородскыи и Городецкыи за князя Семена Ивановича, да съ нимъ и въ Орду поидоша. И бысть имъ въ Орде судъ крепокъ и достася княжение Новгородское князю Костянтину и выдаша ему боярь, и приведени быша въ Новъгородъ въ хомолстехъ и имение ихъ взя, а самехъ повеле казнити по торгу вода»¹³⁸. Таким образом, Джанибек продолжил проводить политику своего отца по ослаблению власти великих князей владимирских.

Семён Данилович совершил ещё три поездки в Орду – в 1344, 1347—1348 и 1350 гг. Поездки 1344 и 1350 гг., по всей видимости, преследовали цель утверждения за Москвой рязанских владений на левом берегу Оки, которые были получены в обмен на московские владения на окском правом берегу (в духовной грамоте младшего брата Семёна Ивана Ивановича они упоминаются как «отъменьныя места Рязанская»). Целью поездки зимой 1347—1348 гг., видимо, было присоединение к Великому княжеству Владимирскому Юрьева Польского.

Существенную роль в ордынской политике Семёна Ивановича играла Литва. От своего отца он унаследовал враждебные отношения с литовскими князьями. Осенью 1341 г. Ольгерд, бывший тогда ещё только правителем Витебска, совершил поход на Можайск: «Тое же осени месяца ок [тября] въ 1 день, въ Покровъ святыя Богородица, пришедше Олгердъ съ литовскою ратию къ городу къ Можайску посадъ пожгли, а города не взяли»¹³⁹. Эта акция определённо явилась ответом на русско-татарский поход на Смоленск зимой 1339—1340 гг. Цель похода также была выбрана не случайно – Можайск изначально входил в состав Смоленского княжества, но был захвачен, по всей видимости, Даниилом Московским в 1291 г.

Вскоре после похода Ольгерда на Можайск в Литве произошла смена власти – в конце 1341 г. умер Гедимин, назначивший преемником своего сына Евнутия в обход старших сыновей Ольгерда и Кейстута. Между Гедиминовичами началась борьба за власть, которая на некоторое время отвлекла их от внешнеполитических вопросов. В 1345 г. Ольгерд и Кейстут свергли Евнутия, который бежал в Москву, в то время как его брат и союзник Наримонт бежал в Орду: «Того же лета створися в Литве замятня велика: изгони город Вилно Алгердъ с братом Кестутиемъ, и князь великий Евнутии перевержеся чресъ стену и бежа въ Смолнескъ, а Наримонтъ бежа в Орду къ цесарю. Прибежа князь Евнутии въ Смолнескъ, побывъ ту мало, и поиха к великому князю Семеону на Москву, и ту его крести князь Семеонъ въ имя Отца и Сына и святого Духа, и наречено бысть имя ему Иоанъ»¹⁴⁰.

Уже в 1346 г. Ольгерд совершил крупный поход на новгородские владения: «Того же лета прииха князь Литовскыи Олгердъ съ своею братьею съ князи и со всею Литовскою землею, и ста в Шелоне, на усть Пшаги реки, а позывая новгородцовъ: „хочю с вами видетися; лаялъ ми посадникъ ваш Остафеи Дворяницъ, назвал мя псомъ“. И взя Шелону и Лугу на щить, а с Пор-

¹³⁸ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 55.

¹³⁹ Там же. Стб. 53—54.

¹⁴⁰ Новгородская I летопись младшего извода. ПСРЛ. Т. 3. С. 358.

ховьского городка и съ Опоки взя окуп»¹⁴¹. Хотя сам Ольгерд назвал причиной своего похода оскорбление от новгородского посадника, его действия были определённо направлены против Семёна Ивановича Московского, который незадолго до этого посетил Новгород в качестве его князя: «Поиха владыка Василии на Москву къ князю и к митрополиту звать князя великаго в Новъгород, и тамо митрополит Фегнасть благослови архиепископа новгородчкого Василия и дасть ему ризы хрестыцаты. Тои же зимы прииха князь Семеонъ в Новъгород на столъ, на Федорове недели, на Зборъ, седе на столе своем, правнукъ храбраго князя Александра; побывъ 3 недели в Новегороде, и поеха на Низъ о цесареве орудьи»¹⁴². Пребывание в Москве Евнутия, которого как претендента на литовский престол Семён Гордый мог в любой момент использовать для борьбы с Ольгердом, должно было сильно беспокоить великого князя Литвы. Однако события, которые разворачивались в это время в юго-западной Руси, вскоре заставили Ольгерда решительно изменить свою позицию в отношении Москвы.

В 1340 г. Болеслав-Юрий Тройденевич за свою прозападную политику был отравлен галицко-волынскими боярами. После этого литовский князь Любарт захватил Волынь, а польский король Казимир III – Галицкую землю. Однако, как только Казимир со своим войском вернулся в Польшу, галицкая знать во главе с боярином Дмитрием Дядько и князем Даниилом Острожским обратилась за помощью к хану Узбеку, обвинив Казимира в невыплате Орде дани с захваченной им Галицкой земли. Узбек выделил сорокатысячное татарское войско, которое вместе с галицкими отрядами вторглось в Польшу. По просьбе польского короля римский папа Бенедикт XII призвал правителей Чехии, Венгрии и Германии к крестовому походу. Войска под началом Казимира III в июле 1340 г. заняли оборону на правом берегу Вислы. Татарско-галицкие отряды в течение месяца разоряли привисленский край, но после неудачной осады Люблина вынуждены были отступить. Тем не менее, польскому королю на время пришлось отказаться от своих претензий на Галицкое княжество. Там стал править Дмитрий Дядько в качестве вассала литовского князя Волыни Дмитрия-Любарта.

Однако вскоре борьба за галицко-волынские земли между Польшей и Литвой вспыхнула с новой силой. В 1343—1344 гг. Казимир III захватил Санок и Перемышль. Дмитрий Дядько в последний раз упоминается в качестве правителя Галицкой земли в документе 1344 г. Из письма, написанного в 1347 г. греческим императором Иоанном Кантакузином Дмитрию-Любарту Волынскому, ясно, что к тому времени Галич уже находился под контролем этого литовского князя. Смиряться с этим польский король не собирался. Ещё в 1343 г. он заключил мирный договор с Тевтонским орденом, который развязал крестоносцам руки для войны с Литвой. В 1348 г. они нанесли крупное поражение литовским войскам на реке Стреве.

Наученный предыдущим горьким опытом, Казимир III также принял меры для привлечения на свою сторону Орды. В 1349 г. он заключил военный союз против Литвы с ханом Джанибеком. Ценой союза стало признание Польшей верховной власти Орды над галицко-волынскими землями и обязательство продолжать выплату дани с них в ханскую казну. В своей булле от февраля 1357 г. папа Иннокентий VI упрекал Казимира III за то, что тот выплачивает татарскому хану ежегодную дань за земли, завоёванные у «русских схизматиков»: «Магистру и братьям [Тевтонского ордена] стало известно, что ты заключил договор и союз с врагами веры татарами..., обязавшись платить хану татар ежегодную дань за определённую часть земли русских схизматиков, которую ты завоевал ценой крови множества христиан...»¹⁴³.

Заручившись поддержкой крестоносцев и татар, польский король перешёл в решительное наступление против Литвы. В 1349 г. ему удалось захватить почти всю Галицко-волынскую землю за исключением Луцка: «Прииде король краковьский со многою силою, и взяша

¹⁴¹ Там же. С. 358—359.

¹⁴² Там же. С. 358.

¹⁴³ *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae. Romae, 1860. №776. P. 581.*

лестью землю Воыньскую и много зло крестианомъ створиша, а церкви святые претвориша на латыньское богумерзъское служение»¹⁴⁴. Потерпев крупные поражения от крестоносцев и поляков, Ольгерд решил наладить отношения с Ордой. В 1349 г. он направил к хану Джанибеку посольство во главе со своим братом Кориатом с просьбой о военной помощи: «Того же лета помысли Олгердъ, князь Литовский, послалъ въ орду къ царю Чанибеку брата своего Корольяда и просилъ рати у царя себе в помочь»¹⁴⁵.

Русские летописные своды второй половины XV в. утверждают, что Ольгерд просил у хана войска «на князя великого на Семена», но это явный домysel их составителей. В тот момент основным врагом Литвы была Польша, и именно помощь против неё рассчитывал получить литовский великий князь, помня о союзнических отношениях между Литвой и Ордой, существовавших до 1331 г. Однако затруднительным положением противника решил воспользоваться Семён Иванович. Вслед посольству Ольгерда он направил в Орду своё собственное посольство, которое напомнило хану о недавнем разорении литовцами Новгородской земли, обязанной данью ордынцам. В ответ на это Джанибек выдал литовских послов представителям московского князя: «И то слышавъ князь великий Семень, погадавъ съ своею братьею, съ княземъ с Ываномъ и съ Андреемъ, и съ бояры, и посла въ орду Федора Глебовичя, да Аминя, да Федора Шюбачеева къ царю жаловатися на Олгерда. И слышавъ царь жалобу князя великаго, оже Олгердъ съ своею братьею царевъ улусъ, а князя великаго отчину испустошилъ, и выдалъ царь Корольяда, Михаила, и Семена Свислочьскаго, и Аикша киличеемъ князя великаго, и его дружину Литву; и далъ посла своего Тотуя, и велелъ выдати Корольяда и его дружину Литву князю великому Семену»¹⁴⁶.

В подобной ситуации Ольгерду пришлось пойти на нормализацию отношений с Москвой. В следующем году он прислал к Семёну Ивановичу послов с дарами, прося отпустить Кориата и его спутников. Просьба была выполнена, и в том же году примирение между Москвой и Литвой было скреплено браками Ольгерда и Любарта с русскими князьями, родственниками московского князя: «Олгердъ, князь Литовский, прислалъ послы своя къ князю великому Семену Ивановичю за своего брата за Корольяда и за боярь, и за его дружину, за Литву съ многими дары, просяще мира и живота своеи братье, и много серебро отложилъ. Князь великий Семень приа любовь и миръ многоъ возьмъ, и отпусти Корьяда и его дружину Литву въ свояси. Того же лета прислалъ князь Люборть изъ Вельня своихъ боярь къ князю великому Семену бити челомъ о любви и испросити сестричну его за себе у князя Костянтина Ростовскаго, и князь великий приаль въ любовь его челобитье, пожаловаль и выдалъ свою сестричну въ Вельнь. Того же лета князь Литовский Олгердъ прислалъ свои послы бити челомъ князю великому Семену, просити за себе свести княжи Семеновы, княжны Ульяны, княжи дщери Александровы Михайловичя Тферского, и князь великий Семень Ивановичъ, доложя Феогноста митрополита, и выдалъ свою свестъ за Олгерда князя»¹⁴⁷.

Мир с Москвой позволил Ольгерду перейти в контрнаступление на поляков. Уже в 1350 г. литовцы отвоевали всю Воынь и Берестейскую землю, но большая часть Галицкой земли осталась под властью Польши. В 1351 г. поляки совершили поход на Берестейщину, а в 1352 г. — на Белз и Владимир, но в обоих случаях успеха не добились. Решающую роль в этой борьбе сыграл переход татар со стороны Польши на сторону Литвы. По сообщению Яна Длугоша, в 1352 г. большая татарская орда, приглашённая Ольгердом, напала на «подчинённое Польскому королевству Подолье»¹⁴⁸.

¹⁴⁴ Новгородская I летопись младшего извода. ПСРЛ. Т. 3. С. 358.

¹⁴⁵ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 96.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же. С. 96—97.

¹⁴⁸ Dlugosz J. Roczniki czyli kroniki slawnego Krolewstwa Polskiego. Warszawa, 1975. Т. 5, ks. 9. S. 337—338.

В том же году стороны заключили компромиссный мир, по которому Польша получила Галицкую землю и часть Подолья, а Литва – Волынь и Берестейщину: «Открытый переход Орды на сторону Ольгерда существенным образом изменил соотношение борющихся сил. Осознав бесперспективность продолжения борьбы при таком обороте дел, Казимир в 1352 г. пошел на компромисс с Ольгердом. В силу достигнутого соглашения Галицко-Волынская Русь была разделена между польским королем и литовским князем. Казимир получил земли Люблинскую и Галицкую, Ольгерд оказался обладателем Владимира, Луцка, Белза, Холма, Берестя. Нетрудно видеть, что в подготовке этого соглашения активную роль сыграла ордынская дипломатия, что условия компромисса были не только во многом подготовлены ордынской державой, но, возможно, и дипломатически санкционированы самим ханом Джанибеком в 1352 г.»¹⁴⁹. Подтверждением данной точки зрения служит сам текст договора, который содержит, в частности, следующее условие: «Аже поидуть та [та] рове на ляхы, тогды руси неволя пойти ис татары»¹⁵⁰. Польша и Литва признают русское население волынских земель, перешедших под литовский контроль, военнообязанным перед татарами, то есть верховная власть над юго-западной Русью остаётся у Орды.

Занятостью Ольгерда войной с Польшей и разгоревшейся между ним и его братом Кейстутом враждой решил воспользоваться московский князь. В 1352 г. он совершил крупный поход на Смоленское княжество: «Въ лето 6860 князь великий Семень Ивановичъ, събравъ воя многи, и поиде ратью къ Смоленску въ силе тяжце и велице, а съ нимъ братья его князь Иванъ, князь Андреи и вси князи съ ними, и дошедше Вышегорода на Поротве, ту усретоша его послове отъ князя Литовскаго, отъ Олгерда съ многими дары о миру. Князь же великий Семень, не оставя Олгердова слова, миръ взялъ, а послы отпустилъ съ миромъ, а самъ подвижеся еще къ Угре, хотя ити къ Смоленску, и ту приехаша къ нему послове Смоленския. Князь великий стоялъ на Угре недель 10, оттоле своя послы посла въ Смоленскъ, и миръ взяша, а самъ увернулься на утре и поиде къ Москве и рати розпусти, и разъехашася»¹⁵¹.

Этот поход стал кульминацией усилий Семёна Гордого по возвращению под власть Великого княжества Владимирского смоленско-брянских земель, перешедших под контроль Литвы. Уже в 1341 г., сразу же после похода Ольгерда на Можайск, его младший брат Иван Иванович «оженися у князя Дмитрея у Брянскаго»¹⁵². В 1345 г. сам Семён Иванович женился на дочери младшего члена смоленской династии Фёдора Святославича, княжившего в Вязьме и Дорогобуже: «князь великий Семень Ивановичъ женился въдругие у князя Феодора у Святославичя, пояль княгиню Еупраксию»¹⁵³. Видимо, положение союзника московского князя в Смоленской земле, верховный правитель которой признавал власть Литвы, было неустойчивым, и именно поэтому Семён Иванович перезвал тестя к себе на службу и дал ему во владение Волок. В 1348 г. смоленская рать участвовала на стороне Литвы в битве с крестоносцами на Стреве, закончившейся катастрофой для литовских войск.

Поход 1352 г. привёл к возвращению Смоленска и Брянска под власть великого князя владимирского. Летопись не говорит об этом прямо, но такой вывод можно сделать из сообщений о русско-литовских переговорах 1494 г. Тогда представители Ивана III предложили литовскому послу Петру Яновичу заключить мир, «как было при наших прадедах при великом князе Семене Ивановиче, и при великом князе Иване Ивановиче, и при его (т.е. литовского великого князя Александра) прадеде при великом князе Олгерде», «чтоб [литовский посол] кончал по великого князя Семенову докончяню и по великого князя Иванову». Однако представи-

¹⁴⁹ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 53.

¹⁵⁰ Пам'ятки української мови. Грамоти XIV ст. Київ, 1974. №14. С. 30.

¹⁵¹ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 97—98.

¹⁵² Там же. С. 94.

¹⁵³ Там же. С. 95.

тель великого князя Александра «отговаривал те dokonчания стариною да незгодою Ольгердовою с Кестутьем»¹⁵⁴. Дополнительные сведения об интересующих нас событиях содержит наказ Литовской рады послам, отправленным в Москву в 1503 г., в котором говорилось: «А будут ли мовити о записи..., которыми ж великий князь Олькгирд поступил и записал земли великому князю московскому, ино отказати, иже тот князь был нят и был прынужон на все дозволити, как то нятый и досветъчать, как ся им виделю, у которых он был у моцы»¹⁵⁵.

О том, какие именно земли Ольгерд «поступил и записал» Семёну Ивановичу, мы можем узнать опять-таки из материалов переговоров 1494 г. Когда литовские послы отказались заключать мир на условиях договорённости Ольгерда и Семёна, Иван III велел объявить им, что готов уступить Литве «изъс прадед своих dokonчаний» Смоленск и Брянск¹⁵⁶. Таким образом, поход Семёна Ивановича во главе крупной рати в 1352 г. вернул Смоленское великое княжество и находившееся у него в подчинении Брянское княжество под верховную власть великого князя владимирского, заставив Литву отказаться от претензий на них, хотя, как вскоре станет ясно, и ненадолго.

Правление Семёна Ивановича началось с двух крупных неудач – утрат Нижнего Новгорода, переданного Ордой суздальским князьям, и Брянска, перешедшего под контроль Литвы. Попытки вернуть Нижний Новгород закончились провалом ввиду противодействия хана, но в 1347—1348 гг. Семёну удалось включить в состав Великого княжества Владимирского Юрьев Польский. Отношения с Литвой колебались от прямого военного столкновения в 1341 г. до мира, скреплённого брачными союзами, в 1350 г., однако конец правления Семёна Ивановича ознаменовался крупной победой над Ольгердом, вынужденным признать возврат Смоленска и Брянска под верховную власть великого князя владимирского.

В отношении татар Семён Гордый следовал политике своего отца. При Джанибеке Орда продолжала переживать вершину своего могущества, что вынуждало великого князя проявлять к ней внешнюю лояльность. Так же поступали и все прочие русские князья. Единственным исключением стали события в Рязанском княжестве в 1342 г., когда князь Иван Коротопол оказал сопротивление Ярославу Пронскому, пришедшему из Орды от хана Джанибека: «Того же лета вышел на Русь отпущень царемъ изъ орды на Рязанское княжение князь Ярославъ Александровичъ Пронский, а съ нимъ посоль Киндякъ; и приидоша къ Переяславлю, и князь Иванъ Коротополь затворися въ городе и бился весь день изъ города, а на ночь побежалъ вонъ изъ города; и посоль Киндякъ вниде въ городъ, много же христианъ полонилъ, а иныхъ избилъ, а князь Ярославъ Александровичъ въсель въ Ростиславле»¹⁵⁷. Однако здесь перед нами скорее очередной эпизод ожесточённой вражды между двумя ветвями рязанской династии, чем сознательное выступление против Орды. В целом княжение Семёна Гордого стало продолжением «великой тишины в Русской земле», установленной его отцом.

¹⁵⁴ Сборник Русского исторического общества. СПб, 1882. Т. 35. С. 114, 115.

¹⁵⁵ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 1. №203. С. 349.

¹⁵⁶ Сборник Русского исторического общества. СПб, 1882. Т. 35. С. 116.

¹⁵⁷ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 94.

Иван II Иванович Красный (1353—1359)

11 марта 1353 г. в Москве умер митрополит всея Руси Феогност. На той же неделе умерли дети великого князя Семёна Ивановича Иван и Семён, а 26 апреля скончался и сам великий князь. Московский стол по праву старшинства перешёл к его брату Ивану Ивановичу, а вопрос о владимирском столе должен был быть решён ханом Джанибеком. Одновременно с московским князем претензии на великое княжение заявил Константин Васильевич Суздальско-Нижегородский, причём для поддержки его в Орду вместе с ним отправилась делегация Великого Новгорода: «Того же лета послаша новгородци свои посол Смена Судокова ко цесарю в Орду, прося великого княжения Костянтину князю Суздальскому»¹⁵⁸. Однако Джанибек принял решение в пользу Ивана Ивановича, который 25 марта 1354 г. возшёл на владимирский стол.

Пока московский князь ездил в Орду, Олег Иванович Рязанский захватил Лопасню: «Того же лета в Петрово говение месяца иуны въ 22 день взяша Рязанци Лопасну, князь Олегъ еще тогды молодъ былъ, младоумень, суровъ и сверепъ сии съ своими Рязанци съ потаковники ему сбродни, много зла христианомъ сътвориша, Лопасну взяша, а наместника изымаша Михаила Александровича и поведоша его на Рязань и биша его и многы пакости ему сътвориша и потомъ едва выкупили его»¹⁵⁹. Лопасня входила в число московских земель, обмененных Семёном Гордым на рязанские земли на левобережье Оки, но, видимо, по какой-то причине была удержана Москвой. Из того, что после своего возвращения Иван Иванович не предпринял попыток отбить Лопасню обратно, можно заключить, что за действиями рязанского князя стояла Орда.

При Иване Красном вновь обострились отношения между Великим княжеством Владимирским и Литвой. По всей видимости, некоторое время продолжали действовать условия мира, заключённого между Семёном Ивановичем и Ольгердом в 1352 г. Об этом свидетельствует цитировавшееся выше упоминание эпохи Ивана III о докончании с Ольгердом «великого князя Семена и великого князя Ивана»¹⁶⁰. Однако в 1356 г. Ольгерд начинает наступление на смоленские и брянские земли: «Того же лета Сижского сынъ Иванъ седе съ Литвою во Ржеве. Тое же осени воевалъ Олгердъ Брянскъ и Смоленскъ, смоленского сына Оувара полонилъ»¹⁶¹.

Поводом для войны, по всей видимости, послужил церковный конфликт. Митрополит Феогност ещё до своей смерти выдвинул в свои преемники Алексея, сына черниговского боярина Фёдора Бяконта, переселившегося в Москву, как мы говорили ранее, при Данииле Александровиче. Ольгерд не мог согласиться с тем чтобы митрополитом всея Руси, а значит и бывших русских земель, захваченный Литвой, стал выходец из московского боярства. В противоположность ему он выдвинул кандидатом в митрополиты чернеца Романа, родственника тверских князей. После длительных переговоров в Константинополе русская митрополия была разделена на две части – Роману достались Новогрудок, Полоцк, Туров и «Малая Русь» (Галицко-волынские земли), а Алексею – епископии «Великой Руси» с формальным центром в Киеве, включая Смоленск и Брянск. В 1356 г. Алексей вернулся из Константинополя и поставил в Смоленске нового епископа.

¹⁵⁸ Новгородская I летопись младшего извода. ПСРЛ. Т. 3. С. 367.

¹⁵⁹ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. С. 63.

¹⁶⁰ Сборник Русского исторического общества. СПб, 1882. Т. 35. С. 115.

¹⁶¹ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 65.

Нападение Ольгерда на смоленские и брянские земли привело к его открытой войне с Москвой. В 1358 г. «Волотьская рать да Можайская взяли Ржевоу, а Литвою выслали вонъ»¹⁶². Поскольку Можайск входил в состав Московского княжества, а Волок находился в совместном владении Великого княжества Владимирского и Новгорода, данное сообщение свидетельствует о том, что Иван Иванович послал свои рати на помощь смоленцам против Литвы. Война продолжилась в 1359 г.: «того же лета Смольняне воевали Белоую... А Олгердь воевалъ Смол [ь] нескъ, а Мстиславль взялъ, а Литвою свою въ немъ посадилъ, а на зиме пославъ сына своего Ондreja възять Ржевоу»¹⁶³. Однако, несмотря на эти успехи, при жизни Ивана Красного Ольгерду не удалось вернуть под контроль Литвы Смоленское и Брянское княжества.

Тем временем важные события происходили в Орде. В 1356 г. длительные попытки Джучидов подчинить своей власти Азербайджан завершились успехом. Джанибек разгромил его правителя Мелика Ашрефа из династии Чобанидов, захватившей власть в Азербайджане после распада государства персидских Ильханов в 1335 г., и посадил в Тебризе своего сына Бердибека. Однако в 1357 г. на обратном пути в Сарай хан Золотой Орды заболел. Вызванный его советниками Бердибек убил отца и нескольких своих братьев и сам взойшёл на престол. Русским князьям, включая Ивана Ивановича Московского, пришлось отправиться в Орду на поклон к новому хану: «Того же лета Бердебекъ царь въ Орде седе на царстве, а отца своего оубиль, а братью свою побиль... А князь великий Иванъ и вси князи Роусьскыи и князь Василии Михайловичъ [Тверской] поидоша въ Орду»¹⁶⁴.

Московский князь вернулся на Русь в начале 1358 г., но в том же году у него произошел серьёзный конфликт с татарами: «выиде посоль великъ из орды, царевъ сынъ, именемъ Маматхожа, на Рязанскую землю и много въ нихъ зла сътвори, и къ великому князю Ивану Ивановичю присылалъ о разъезде земля Рязаньския, князь же великий не впусти его въ свою отчину въ Русскую землю, и потомъ на боръзе отъ царя въ орду позванъ бысть Маматхожа, занеже къ царю въ крамолу вниде, и въ орде царева любовника убиль, и самъ побежалъ ко Орначю, и гонци постигоша его и яша, и тамо убьенъ бысть повелениемъ царевымъ»¹⁶⁵.

Как мы видим, пограничные московско-рязанские земли оставались предметом спора. Об этом свидетельствует и то, что в своей духовной грамоте, составленной перед смертью в 1359 г., Иван Красный оговаривает возможность отнятия Ордой у Москвы бывших рязанских владений: «А ци по грехомъ, имуть из Орды искати Коломны, или Лопастеньскихъ местъ, или отменьныхъ местъ Рязаньскихъ, а ци по грехомъ отоимется которое место, дети мои, княз (ь) Дмитрии, и княз (ь) Иванъ, и княз (ь) Володимеръ, в то место, и княгини поделятся безъпёнными месты»¹⁶⁶. Вероятно, в Орде в этот момент существовали две партии, поддерживавшие притязания московского и рязанского князей, и Маматхожа представлял рязанскую партию. Наиболее примечательно в приведенном летописном сообщении то, что Иван Иванович не впустил татар «въ свою отчину въ Русскую землю», т.е. для него Русь, а конкретнее земли Великого княжества Владимирского, являются наследственным владением, распоряжаться которыми Орда не имеет права. Эта программа, заявленная московским летописцем на исходе правления Ивана Красного, была воплощена в жизнь в правление его сына, полужившего конец ордынскому игу над Русью.

¹⁶² Там же. Стб. 67.

¹⁶³ Там же. Стб. 68.

¹⁶⁴ Там же. Стб. 66.

¹⁶⁵ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 100.

¹⁶⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.-Л., 1950. С. 18.

Дмитрий Иванович (1359—1389)

Иван Иванович Красный умер 13 ноября 1359 г. Его сыну Дмитрию, сменившему его на московском столе, в этот момент едва исполнилось 9 лет (он родился 12 октября 1350 г.). В том же году последовала смерть хана Бердибека, которая положила начало двадцатилетней междоусобице в Орде. Сменивший Бердибека Кульпа после пяти месяцев правления был убит Наврузом. Смерть великого князя владимирского и воцарение нового хана требовали приезда в Орду русских князей, поэтому к Наврузу «прииде князя великого сынъ Иван [а] Иванович [а] Дмитрей и вси князи Русьстии»¹⁶⁷. Ввиду юного возраста московского князя хан предпочёл передать ярлык на великое княжение Андрею Константиновичу Нижегородскому, который, однако, отказался от него в пользу своего младшего брата Дмитрия Суздальского: «виде царь князя Дмитрея Ивановича оуна соуща и млада возрастомъ и наsla на князя Андрея Костянтиновича, дая емоу княжение великое, 15 темь, онъ же не яся, но состоупися брату своему меньшему князю Дмитрею»¹⁶⁸. 22 июня 1360 г. Дмитрий Суздальский вступил на владимирский стол.

Помимо Владимира Москва потеряла Галицкое княжество, которое хан передал сыну последнего дмитровского князя Дмитрию Борисовичу, и Сретенскую половину Ростова, которая вернулась к ростовскому князю: «Того же лета приде изъ Орды князь Дмитрей Борисовичъ пожалованъ въ Галичъ, княз [я] Костянтина весь Ростовъ»¹⁶⁹.

Кроме того, вместе с великим княжением из-под контроля Москвы вышли Смоленск с Брянском. Сообщения о смоленско-литовской войне в летописях резко обрываются зимой 1359—1360 гг. По всей видимости, правивший тогда Смоленском князь Святослав Иванович, лишившись поддержки Москвы, был вынужден признать верховную власть Ольгерда. В 1357 г. в Брянске умер его младший брат Василий Иванович: «Того же лета князь Василии Смоленский приде изъ Орды сель на княженьи въ Дьбрянъске и мало пребывъ, тол [ь] ко осмь недель, преставися и бысть въ Брянъске лихостию лихихъ люди замаятъя велика и опустенье града и потомъ нача обладати Олгердъ Брянскомъ»¹⁷⁰. Из летописного сообщения не следует, что Ольгерд захватил Брянск сразу же после смерти князя Василия. Скорее всего, это произошло в 1360 г., когда умер Иван Красный и Москва потеряла великое княжение. Соборное деяние, составленное в Константинополе в июле 1361 г., упоминает о жалобе митрополита Алексея на то, что ставленник Ольгерда Роман овладел брянской епископией, т.е. к этому времени Брянское княжество уже находилось под литовской властью. Таким образом, за исключением бывших рязанских земель на левом берегу Оки, владения Москвы фактически вернулись к границам эпохи Даниила Александровича.

Весной 1360 г., ещё до вступления Дмитрия Суздальского на владимирский стол, хан Навруз был убит Хизром (Хидырем русских летописей). В 1361 г. к нему отправились русские князья – Дмитрий Московский, Дмитрий Суздальский, Андрей Нижегородский и Константин Ростовский. О каких-либо пожалованиях нового хана летописи ничего не говорят, т.е., по всей видимости, он просто подтвердил существовавшее положение вещей. Вскоре после отъезда московского князя из Орды в ней началась новая междоусобица – Хизр был убит и появилось сразу же несколько претендентов на ханский престол. Сильнейшими из них были Мурад, сумевший закрепиться в Сарае, и Абдаллах, за спиной которого стоял могущественный эмир Мамай: «Седе на царство Мурут. А Мамаи князь Ординьский и осилель съ другую сторону

¹⁶⁷ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 68.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же. Стб. 69.

¹⁷⁰ Там же. Стб. 65.

Волги, царь бе у него именем [ъ] Авдуля»¹⁷¹. В то время, как Мамай и Абдаллах закрепились в западных улусах Орды, её северные земли также вышли из-под контроля Сарая – в Булгаре стал править Булактемир, а в Мордве – Тагай: «Булактемерь, князь ординский, Болгары взять и все города по Волзе и улусы, и отня весь Волжеский путь, а инии князь ординский, Тагаи имя ему, иже отъ Бездежа, а тои Наручады, ту страну отнявъ, собе ту пребываше»¹⁷².

Очередная смена хана вновь потребовала решения вопроса о великом княжении. Москва не собиралась признавать переход владимирского стола к суздальскому князю «не по отчине, ни по дедине»¹⁷³, в связи с чем в 1362 г. «князь Димитрии Ивановичь Московский и князь Дмитреи Костянтиновичь Суждальский съперся о великом кнежении»¹⁷⁴. Стороны отправили своих послов в Сарай к Мураду, который отдал ярлык на Владимир московскому князю: «послаша киличеевъ своихъ въ орду къ царю Амурату, и вынесоша великое княжение князю Дмитрею Ивановичю Московскому по отчине и по дедине»¹⁷⁵. Дмитрий Константинович Суздальский первоначально не пожелал оставлять владимирский стол, но в конечном счёте был принуждён к этому под угрозой военной силы Москвы: «Князь же великий Дмитреи Ивановичь тоя же зимы съ своею братьею, съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ и съ княземъ Володимеромъ Андреевичемъ, събравъ воя многы по своей отчине, и поидоша къ городу къ Переяславлю, на князя Дмитрея Костянтиновича Суждальского. Онъ же беже къ Володимерю и оттоле въ Суждаль въ свою отчину, княживъ два лета»¹⁷⁶. В начале января 1363 г. двенадцатилетний московский князь въехал во Владимир и взойшёл на великокняжеский стол в Успенском соборе. Естественно, ввиду малолетства Дмитрия Ивановича победу над Суздалем необходимо приписать не ему лично, а тогдашнему московскому правительству, главную роль в котором играли митрополит Алексей и тысяцкий Василий Вельяминов.

Помимо ярлыка от Мурада руководители Москвы сочли целесообразным принять также и ярлык на великое княжение от хана Абдаллаха: «Князь Димитреи Ивановичь иде съ Москвы въ Володимерь съ братьею, и ту приде къ нему посоль изъ орды отъ царя Авдуля, изъ Мамаевы орды съ ярлыки на великое княжение, и князь великий, отпустивъ посла, иде въ Переяславль»¹⁷⁷. По всей видимости, именно это побудило Мурада изменить своё решение – в 1363 г. он вернул ярлык на Владимир Дмитрию Константиновичу Суздальскому. Воспользовавшись отсутствием Дмитрия Ивановича, суздальский князь занял великокняжескую столицу: «Того же лета князь Дмитреи Костянтинович [ъ] приеха въ градъ въ Володимерь и паки седе на великомъ княженьи въ другые, а съ нимъ князь Иванъ Белозерець, пришель бо бе изъ Муротовы Орды съ триыцатию Татариновъ, и тако пребысть въ Володимири неделю едину»¹⁷⁸. В ответ на это против него выступили московские войска, которые осадили его в Суздале и вынудили признать переход великого княжения к московскому князю: «Се же слышавъ князь великий Дмитреи Ивановичь прогна его паки съ великаго княжения съ Володимеря, съ своею отчины, въ его градъ въ Суждаль. Не токмо же се, но и тамо иде на него ратию къ Суждалю и стоявъ рать неколико дней около Суждала и взяша миръ межи собою»¹⁷⁹.

Обычно эти события излагаются как рядовой эпизод борьбы за владимирский стол, на самом же деле они имеют первостепенное значение для истории взаимоотношений между Русью и Ордой. Москва лишила великого княжения князя, получившего на него ярлык от хана-

¹⁷¹ Там же. Стб. 70.

¹⁷² Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 101.

¹⁷³ Там же. С. 100.

¹⁷⁴ Там же. С. 101.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же. С. 101—102.

¹⁷⁸ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 74.

¹⁷⁹ Там же.

Чингисиды, правившего в Сарае. Таким образом была претворена в жизнь идеология, бытование которой мы отмечаем в памятниках московской словесности предыдущих десятилетий, — Русь является «отчиной», наследственным владением русских князей, распоряжаться которым Орда не имеет никакого права. Одновременно с утверждением Дмитрия Ивановича во Владимире Москва вернула себе половину Ростова и Галицкое княжество — опять же вопреки ханскому «пожалованию»: «Тако же надъ Ростовскимъ княземъ. А Галичьскаго Дмитрея изъ Галича выгнали»¹⁸⁰. Это означало, что позиции Московского княжества, утраченные за три года до этого после смерти Ивана Красного, были в основном восстановлены.

Зимой 1364—1365 гг. хан Азиз, сменивший на сарайском престоле Мурада, вновь выдал великокняжеский ярлык Дмитрию Константиновичу Суздальскому: «Тое же зимы прииде изъ орды отъ царя Азиза князь Василей Дмитриевичъ Суждальский, а съ нимъ царевъ посоль, а имя Урусманды, и вынесе ярлыкъ на княжение на великое князю Дмитрию Костянтиновичю Суждальскому»¹⁸¹. Однако суздальский князь, понимая, что ярлык Азиза для Москвы значит не больше, чем ярлык Мурада, предпочёл отказаться от претензий на великокняжеский стол в обмен на военную поддержку московского князя против своего младшего брата Бориса. Борис Константинович был незадолго до этого посажен на нижегородский стол татарскими посланцами: «Тои же зимы прииде посоль изъ-рды отъ царя Баираиль-Хозя, а отъ царицы Осанъ, и посадиша на княжение в Новгороде Нижнемъ князя Бориса Костянтиновича»¹⁸². Московские войска оказали поддержку Дмитрию Константиновичу, вследствие чего Борис уступил Нижний Новгород старшему брату и удалился в свой удельный Городец: «И князь Дмитрей Московский далъ свою рать князю Дмитрею Костянтиновичю; и поиде на Новгородъ, и сrete его князь Борисъ и доби емоу челомъ, и Дмитрии далъ братоу своему Городецъ, а самъ седе на великомъ княжении в Новгороде, а воа распуститъ къ Москве»¹⁸³.

В 1365 г. рязанские князья разбили правившего в Наручади татарского эмира Тагая, который напал на их владения: «Тагаи, князь ординский, изъ Наручади прииде ратью Татарскою на Рязанскую землю и пожже градъ Переяславль. Князь же великий Олегъ Рязанский съ своею братьею съ Володимеромъ Проньскимъ и Титомъ Козельскимъ, събравъ силу свою, и иде въследъ его, и постиже его на месте, нарицаемемъ подъ Шишевскимъ лесомъ, на Воине, и бысть имъ бои, брань зело люта и сеча зла, и поможе Богъ великому князю Олгу, и братии его Проньскому и Козельскому, а Тагаи въ мале дружине одва убежалъ»¹⁸⁴. Это было первым поражением, нанесённым русскими чисто татарскому войску в открытом сражении (в 1285 г. татарский отряд, разбитый Дмитрием Переяславским, Даниилом Московским и Михаилом Тверским, сопровождал Андрея Городецкого, а в 1300 г. татары, разбитые Даниилом Московским, сражались на стороне рязанского князя).

В 1367 г. уже нижегородские князья отразили нападение на русские земли болгарского эмира Булактемира: «Того же лета князь ординский, именовъ Булатъ Темиръ, прииде ратью Татарскою и пограби уездъ даже и до Волги и до Сундовити и села княжи Борисовы. Князь же Дмитрей Костянтиновичъ съ Борисомъ и съ Дмитриемъ и съ своими детми, събравъ воя многи, и поидоша противу его на брань. Онъ же окаанныи не ста на брань, но бежа за реку за Пьяну, и тамо множество Татаръ останочныхъ избиша, а другии въ реце во Пьяне истопоша, и по зажитиемъ множество ихъ побьени быша, имъже несть числа. А Болактемиръ оттуду бежа въ орду, гонимъ гневомъ Божиимъ и тамо убьенъ бысть отъ Азиза царя»¹⁸⁵.

¹⁸⁰ Там же. Стб. 70.

¹⁸¹ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 103.

¹⁸² Новгородская IV летопись. ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 291—292.

¹⁸³ Там же. С. 292.

¹⁸⁴ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 104.

¹⁸⁵ Там же. С. 106.

Об отношениях Москвы с татарами между 1365 и 1368 гг. нам ничего не известно. Однако в 1368 г. давно назревавший между московским и тверским князьями конфликт вылился в открытое противостояние, в котором на стороне Твери выступили сначала Литва, а потом и Орда. Как мы уже говорили ранее, около 1360 г. Ольгерд, воспользовавшись ослаблением Москвы, сумел подчинить своей власти Смоленск и Брянск. Дальнейшее продвижение литовцев на юг и восток неизбежно должно было привести их в соприкосновение с татарами. В 1362 г. Ольгерд посадил в Киеве своего сына Владимира вместо брата Гедимины князя Фёдора, правившего там ещё с 1324 г.: «Олгердь... Киевъ под Федором князем взят и посади въ немъ Володымера, сына своего»¹⁸⁶. Тогда же Ольгерду удалось подчинить себе Чернигово-Северские земли, о чём можно заключить по краткому упоминанию русских летописей о захвате литовцами Коршева – города на крайнем юго-востоке Чернигово-Северщины: «Того же лета Литва взяли Коршевъ и сотворишас [я] мятежи и тягота людемъ по всеи земли»¹⁸⁷. Осенью того же года Ольгерд на Синих Водах разбил войска трёх татарских правителей и подчинил своей власти Подолье: «Олгердь победи трехъ царковъ татарскихъ и з ордами ихъ, си есть Котлубаха, Качзея, Дмитра; и оттоле от Подоля изыгна власть татарскую»¹⁸⁸. Западные улусы Орды, включая Киевщину, Чернигово-Северщину и Подолье, в это время входили в сферу влияния Мамае, однако ни о каких конфликтах между литовцами и татарами Мамаевой орды источники не упоминают. Объяснить это можно лишь заключением договора между Ольгердом и Мамаем о разделе сфер влияния в юго-западной Руси.

Свидетельства о подобном договоре имеются в более поздних документах Великого княжества Литовского, касающихся его отношений с татарами. Так, согласно наказу от 27 ноября 1500 г. великого князя Александра Казимировича Дмитрию Путятичу, направленному послом к крымскому хану Менгли-Гирею, посол должен был заявить хану, в частности, что «предкове твои, первыи цари, зъ давныхъ часовъ были съ предки господаря нашего, зъ великими князи Литовскими, почонъ отъ великого царя Тактамышша и отъ великого князя Олгирда, въ братстве и въ приязни и въ правде твердой»¹⁸⁹. В послании тому же Менгли-Гирею великого князя Сигизмунда Старого от 26 октября 1507 г. хан призывался «во всим братство, приятельство верное с нами заховати по тому, как и предкове наши, почон от царя Токтамышша и от великого князя Олгирда аж до отцов наших Казимира, короля, и Ачжи Кгирея, царя»¹⁹⁰. Наконец, в своем послании к Менгли-Гирею от 14 ноября 1512 г. Сигизмунд Старый упоминал «давние дела, как предъки наши с твоими предки, почонши от великого князя Олгирьда, и от Витовта, а з ваше стороны от Тактомышша царя, аж до отцов наших, Казимира короля и Ачжикгирия царя, в котором братстве и приязни они промежку себе были»¹⁹¹. Эти официальные документы со всей определённою свидетельствуют, что «братство и приязнь» между Литвой и Ордой были установлены именно в правление великого князя Ольгерда. Отсутствие в них упоминаний о Мамае (точнее, о его хане) легко объяснимо тем, что последний был врагом Тохтамышша, наследниками которого считали себя крымские Гиреи.

Разбитые Ольгердом татарские правители Подолья были врагами Мамае, и литовский поход против них был совершён в интересах ордынского эмира: «При сложившейся расстановке политических сил в западной части Ордынской державы Ольгерд и Мамай являлись естественными союзниками в борьбе против противостоявших им группировок Орду-мелика-шейха и Кильдибека, а также ордынской знати Днепровского Правобережья, которая

¹⁸⁶ Густынская летопись. ПСРЛ. Т. 40. С. 130.

¹⁸⁷ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 75.

¹⁸⁸ Густынская летопись. ПСРЛ. Т. 40. С. 130.

¹⁸⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб, 1846. №183. С. 210.

¹⁹⁰ Lietuvos Metrika. Knyga №8. Vilnius, 1995. №57. S. 95.

¹⁹¹ Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarow perekopskich (1469—1515). Akta i listy. Wydal i szkicem historycznym poprzedzil K. Pulaski. Krakow-Warszawa, 1881. №138. S. 408.

воспользовалась дестабилизацией центральной власти, чтобы образовать несколько самостоятельных владений, независимых от ханов, принимавших участие в борьбе за ордынскую столицу... Разгромом Кильдибека воспользовался не только Мамай, но и Ольгерд: их войска почти одновременно перешли в наступление. Захватив Азак, Мамай вместе с „царем“, „царичей“ и „всею Ордой“ откочевал к Волге, где вступил в схватку за Сарай с ханом Мюридом. Сосредоточенная в то время на северных рубежах владений Мамаева армия Ольгерда несомненно представляла серьезную опасность для мамаевой Орды. Тот факт, что не имеется никакой информации о военном столкновении между ними, как и отмеченное выше частичное совпадение политических целей правителя Литвы и Мамаева, подтверждают существование уже осенью 1362 г. определенной договоренности о их взаимодействии и сферах властвования»¹⁹²; «Как установлено, это [Синеvodское] сражение произошло осенью 1362 г. на притоке Южного Буга реке Синюхе, где пользовавшиеся наследственными правами на Подолье представители высшей ордынской знати потеряли свои владения... Имея в виду их политический вес, легче понять, почему первоначально темник Мамай с удовлетворением воспринял победу Ольгерда у Синих вод в 1362 г. Очень вероятно, что именно Хачибей, Кутлубуга и Дмитрий находились в числе тех, кто стоял на пути установления власти Мамаева во всем Улусе Джучи»¹⁹³.

Переход земель юго-западной Руси под непосредственное литовское управление был оформлен ярлыком, выданным, по всей видимости, осенью 1362 г. Ольгерду ханом Абдаллахом¹⁹⁴. Этот ярлык стал образцом для ярлыков, которые великие литовские князья получали от татарских ханов в течение последующих двух столетий (последний известный подобный ярлык был выдан Девлет-Гиреем Сигизмунду Августу в 1560 г.). Поскольку списки пожалованных «тем» в них примерно совпадают, перечень в ярлыке 1506 г. Менгли-Гирея Сигизмунду Старому в общем и целом должен давать представление о тех землях, которые Ольгерд получил в 1362 г. от Мамаева и Абдаллаха: «дали потомужь: Киевскую тму, со всеми входы и данми, и зь землями и зь водами; Володимерскую тму, со всеми входы и данми, и зь землями и зь водами; Великого Луцка тму, со всеми входы и данми, и зь землями и зь водами; Смоленскую тму, со всеми входы и зь данми, и зь землями и зь водами; Подолскую тму, со всеми входы и зь данми, и зь землями и зь водами; Каменецкую тму, со всеми входы и зь данми, и зь землями и зь водами; Браславскую тму, со всеми входы и зь данми, и зь землями и зь водами; Сокалскую тму, со всеми входы и данми, и зь землями и зь водами; Звинигородъ, зь выходы и зь данми, и зь землями и зь водами; Черкасы, зь выходы и данми, и зь землями и зь водами; Хачибіевъ Маякъ, зь водами и землями; ино почонши отъ Киева, и Днепромъ и до устья, и Снепорожъ и Глинескъ со всеми ихъ людьми, Жолважъ, Путивль зь землями и зь водами, Биринъ, Синечъ, Хотенъ, Лосичи, Хотмышль, со всеми ихъ землями и водами, и данми и выходы; Черниговскую тму, со всеми выходы и данми, и землями и водами; Рылескъ, зь выходы и данми, и зь землями и водами; Курскую тму, зь выходы и данми, и зь землями и водами; Сараева сына Егалтаеву тму, Милолюбъ, зь выходы и данми, и зь землями и водами; Мужечъ, Осколь, Стародубъ и Брянскъ, со всеми ихъ выходы и данми и зь землями и водами; Мченескъ и Люботескъ, Тулу городъ, со всеми ихъ выходы и данми, и зь землями и водами; Берестей, и Ратно, и Козелекъ, Пронскъ, Волконскъ, Испашъ, Донецъ, со всеми ихъ выходы и данми, и зь землями и водами; Ябу городокъ, Балыклы, Карасунъ, городокъ Дашовъ, городище Тушинъ, Немиръ, Мушачъ, Ходоровъ, со всеми ихъ выходы и зь данми, и зь землями и водами»¹⁹⁵.

¹⁹² *Шабунько Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987; http://www.krotov.info/lib_sec/25_sh/sha/buldo_01.htm.

¹⁹³ *Русев Н. Д.* Молдавия в «темные века»: Материалы к осмыслению культурно-исторических процессов; http://stratum.ant.md/05_99/articles/rusev/rusev00.htm.

¹⁹⁴ *Фелікс Шабунько.* Чи існував ярлик Мамаєва на українські землі? (до постановки проблеми); <http://www.history.org.ua/vidan/2005/Shal00/7.pdf>.

¹⁹⁵ Акты, относящиеся к истории Западной России. Том 2. 1506—1544. СПб, 1848. С. 4.

Приняв ярлык от хана Абдаллаха и стоявшего за его спиной Мамай, Ольгерд тем самым признал себя вассалом Орды. На землях юго-западной Руси, составлявших большую часть территории Великого княжества Литовского, Ольгерд и его преемники теперь правили как ордынские подданные. Помимо обязанности получать ярлыки, это подданство выражалось также в выпуске литовскими князьями монет с именами татарских ханов. Так, от 1360-1370-х гг. до нас дошли монеты с именами ставленников Мамай – ханов Абдаллаха и Мухаммада-Бюляка, выпущенные Владимиром Ольгердовичем Киевским и Дмитрием Ольгердовичем Северским¹⁹⁶.

Также Литва признала свою обязанность выплачивать Орде традиционную дань с русских земель, о чём, в частности, говорит ярлык, выданный Тохтамышем Ягайле в 1393 г.: «Што межи твоее земле суть кня [же] ния, волости давали выходъ Белои Орде, то намъ наше дайте» (в татарском варианте говорится несколько по-другому: «А далее с подданных нам волостей собрав выходы, вручи идущим послам для доставления в казну»)¹⁹⁷. Таким образом, ни о каком освобождении юго-западных русских земель от власти Орды в результате их включения в состав Великого княжества Литовского не может быть речи. В реальности население этих земель теперь было принуждено нести на себе двойной гнёт – как татарский, так и литовский. Существовавшие ранее (в 1319—1323 гг., 1324—1331 гг. и 1352—1356 гг.) временные союзы между Литвой и Ордой сменились постоянным союзом, направленным против Москвы, которая как раз в это время окончательно подняла знамя борьбы за возрождение суверенной русской государственности.

В своей борьбе против Дмитрия Ивановича Московского литовско-ордынская коалиция стремилась опереться на противников Москвы в северо-восточных русских землях, прежде всего на Тверь. Отношения с ней были установлены в 1365 г., когда на обратном пути из Литвы её посетил татарский посол: «Тое же зимы еда изъ Литвы Веснеилясь Коултубузинъ сынъ быть во Тфери»¹⁹⁸. Союзником литовцев и татар стал сын казнённого в Орде князя Александра Михайловича Михаил, который как раз в это время начал борьбу за тверской престол со своим дядей Василием Михайловичем Кашинским. Василий обратился за помощью к Москве. Его поддержал другой тверской князь – Еремей Константинович Клинский, не желавший уступать завещанный Михаилу Александровичу удел своего покойного брата Семёна. Василий и Еремей в 1367 г. захватили Тверь и при участии московской рати повоевали ряд волостей Тверского княжества. Михаил Александрович бежал в Литву, но вскоре вернулся с литовским войском и восстановил свою власть: «Того же лета въ осенине на завьтрее по Димитриеви дни князь великий Михаило Александрович [ь] приехалъ изъ Литвы въ Тферь съ своею братьею, княгиню Еремееву и Семена Ямоу иных боярь и слугъ дяди своего изнималъ да потомъ пошелъ быть съ Литовскою ратию къ Кашину»¹⁹⁹. Василий и Еремей вынуждены были капитулировать, Дмитрий Московский также заключил с Михаилом мир.

Однако в 1368 г. противостояние вновь вылилось в открытую войну. В начале года московские полки во главе с князем Владимиром Серпуховским отвоевали у Литвы Ржеву. Вслед за этим Михаил Александрович Тверской был приглашён в Москву на переговоры, которые закончились неудачей. Вопреки данным ранее обещаниям (грех клятвопреступления снял с Дмитрия Ивановича митрополит Алексей) тверской князь был посажен в заключение, но, когда в Москве узнали о прибытии ордынского посла, с Михаилом было заключено окончание и его отпустили в Тверь: «Въ то время прииде къ нимъ Чарыкъ изъ Орды, темъ избави его

¹⁹⁶ Хромов К. О монетной чеканке на территории Киевского княжества в 50-е годы XIV века («киевские» подражания монетам Джанибека); http://www.hordecoins.folgate.net/Rpubl_ZamkovaGora2005-conf.htm.

¹⁹⁷ Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392—1393 года. Издан князем М. А. Оболенским. Казань, 1850. С. 36.

¹⁹⁸ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 79.

¹⁹⁹ Там же. Стб. 84.

Богъ, князя Михаила, и не дождавъ Чарыка опять покончивъ съ нимъ да отпустили его въ Тферь»²⁰⁰. По всей видимости, посол был направлен Мамаем и Абдаллахом, которые незадолго до этого сумели на короткое время овладеть Сараем. В Москве знали о поддержке Михаила Ордой, поэтому решили не обострять отношения. Однако в том же году Дмитрий Иванович Московский послал на Михаила Александровича свою рать. Тверской князь бежал в Литву к Ольгерду, женатому на его сестре. Вслед за этим состоялся поход литовской рати на Москву, ставший началом четырёхлетней московско-литовской войны.

В 1366 г. после очередной вспышки борьбы за галицко-волинские земли Литва заключила с Польшей очередной мир, а в 1367 г. началась война между Ливонским орденом и Новгородом и Псковом. Это позволило Ольгерду собрать для похода на Москву основные силы Великого княжества Литовского, к которым присоединились тверские и смоленские рати: «Тогда же тое осени князь Литовский Олгердъ Гедимоновичъ, събравъ вой многы и подвижася въ силе тяжце, и поиде къ Москве ратью на князя великаго Дмитрея Ивановичя, а съ нимъ братья его Кестутии, сынъ Кестутьевъ Витовтъ, тогда бо еще младу сушу ему, и сынове Ольгердови, и вси князи Литовстии, и князь великий Михаило Тферьский, и Смоленская сила»²⁰¹. Войска Ольгерда с юго-запада вторглись в союзные Москве верховские княжества, в сражениях с ними погибли князья Семён Стародубский и Константин Оболенский.

Появление литовцев оказалось для Дмитрия Ивановича полной неожиданностью. Наспех собранный им из москвичей, коломенцев и дмитровцев сторожевой полк полёг в бою с ними на реке Тростне 21 ноября 1368 г. Узнав под пытками от пленных русских воинов, что Дмитрий находится в своей столице, а рати из других городов к нему собраться не успели, Ольгерд устремился к Москве. Дмитрий Иванович вместе со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским и митрополитом Алексеем заперся в каменном кремле, построенном всего лишь за год до этих событий. После безуспешной трёхдневной осады литовцы отступили, но опустошения, произведённые ими в Московском княжестве, вызвали у русских людей воспоминания о прошлых татарских разорениях: «Олгердъ же стоялъ около города три дни и три нощи, останокъ погородья все пожже, многи церкви и многи монастыри пожегль и отступи отъ града, а града кремля не взялъ и поиде прочь, възвратися въ свояси, волости повоева, и села и дворы огнемъ пожже, много христианъ посече, а иныхъ въ полонъ поведе, а имение ихъ пограбиша, а скоты ину ту съ собою отгнаша, и тако отъидоша, а много зла сътворивше христианомъ. Се же зло сътворися за наши грехы, а преже того толь велико зло Москве отъ Литвы не бывало въ Руси, аще отъ Татаръ бывало. Отъ Федорчуковы рати до Олгердовы леть 41»²⁰².

В ответ на поход Ольгерда Дмитрий Иванович предпринял действия против подчинявшихся ему земель. В 1369 г. московские полки воевали Смоленское княжество, а в 1370 г. — Брянское. Москве удалось удержать Ржев, захватить Мценск и Калугу и укрепить свои позиции в верховских княжествах (была захвачена в плен жена князя Ивана Новосильского, дочь Ольгерда). Летом 1370 г. Михаил Тверской направил своего епископа в Москву для подтверждения мира, однако Дмитрий отказался от прежней договорённости, что означало объявление войны. 23 августа тверской князь вновь отправился за помощью к Ольгерду, и в тот же самый день москвичи начали военные действия, которые 1 сентября возглавил сам Дмитрий Иванович. 7 сентября его войска взяли и сожгли Зубцов — отчинный город Михаила Александровича: «И стоя въ 6 дни взяли Зоубцевъ и городъ съжгли, по dokonчанию люди выпустили

²⁰⁰ Там же. Стб. 87.

²⁰¹ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 108.

²⁰² Там же. С. 109.

куды кому любо, а волости Тферския вси повоевали и села пожгли, а люди въ полонъ повели, а иныхъ побиша»²⁰³.

На этот раз Ольгерд не оказал никакой помощи своему тестю – по всей видимости, из-за занятости войной с крестоносцами. Тогда в конце октября 1370 г. тверской князь прямо из Литвы отправился в Орду к Мамаю: «Князь великий Михаил Александрович [ь], слышавъ таку изгибель своєю отчины, до Филипова заговения за две недели изъ Литвы поиде въ Орду»²⁰⁴. По всей видимости, эта поездка была напрямую согласована с Ольгердом, продолжавшим поддерживать союз с Ордой. Орденские хронисты сообщают, что в 1370 г. в битве на Рудаве на стороне литовцев принимало участие татарское войско²⁰⁵. По мнению польских историков, оно было предоставлено Ольгерду именно Мамаем²⁰⁶. Сам ордынский темник к тому времени значительно укрепил свою власть. В 1370 г. он с помощью суздальско-нижегородского войска посадил своего ставленника в Булгаре: «Того же лета князь Дмитрией Костянтиновичъ Суждальский събра воя многи, посла брата своего князя Бориса и сына своего князя Василиа, а съ нимъ посоль царевъ, именемъ Ачихожаи, посла я на Болгарского князя Осана. Осанъ же посла противу ихъ съ челобитием и съ многими дары. Они же дары вземше, а на княженьи посадиша Салтана, Бакова сына, и възвратишася на Русь»²⁰⁷. Использование Мамаем русского войска для своих целей после нескольких лет невмешательства в русские дела свидетельствует о его стремлении к укреплению ордынской власти на Руси.

В том же 1370-м году Абдаллаха на престоле Мамаевой Орды сменил Мухаммад-Бюляк. Смена хана означала необходимость обновления ярлыков. В отсутствие Михаила Александровича татарские послы привезли в Тверь ярлык для него на Тверское княжество: «А во Тферъ изъ Орды пришелъ татаринъ Капътагаи да Тюзякъ привезли ярлыкъ князю великому Михаилу на Тферское княжение»²⁰⁸. Однако Дмитрий Иванович Московский, будучи великим князем владимирским, не только не приехал к новому хану, но даже и не послал к нему своих послов. Этим решил воспользоваться тверской князь, который «прииде къ Мамаю, печалуя и жалуя, и тамо многы оукоры изнесе и многы вины изложи, паче же всего въсхотесе ему самому княжения великаго и многы дары раздавъ и многы посулы рассуливъ княземъ Ординскимъ и рядцямъ»²⁰⁹.

Хан выдал Михаилу Александровичу ярлык на великое княжение, однако его попытки добраться до Владимира в сопровождении ордынского посла натолкнулись на противодействие москвичей: «Испроси себе посель царевъ именемъ [Сарыхожа]. И вземъ ярлыкъ и вышель быть на княжение на великое, зовучися самъ князь великий. Они же не приаша его; не тъкмо же не приаша его, но и переимали его по заставамъ и многими пути ганялися за нимъ, ищуще его, и не стигоша его. И тако едва утече не въ мнозе дружине и прибежа паки въ Литву»²¹⁰. Если в 1363 г. Москва не признала права распоряжаться владимирским столом за противником Мамаю Мурадом, то в 1370 г. она не признала подобного права за ставленником Мамаю Мухаммадом-Бюляком. Приведенное летописное сообщение также примечательно тем, что впервые свидетельствует об организации охраны южной границы Руси от татар – прообразе позднейшей Засечной черты.

Михаил Александрович отправился в Тверь, а оттуда в Литву, чтобы вновь попросить помощи у Ольгерда. 26 ноября 1370 г. великий князь литовский начал свой второй поход

²⁰³ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 93.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ SCR. Т. II. S. 95.

²⁰⁶ Prochaska A. Krol Wladyslaw Jagiello. T. I. Krakow, 1908. S. 31.

²⁰⁷ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 109.

²⁰⁸ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 92—93.

²⁰⁹ Там же. Стб. 93.

²¹⁰ Там же.

на Москву: «Прииде въ друугые Олгердь Гедиминович [ь] князь Литовьскыи, събравъ воя многы, въ силе тяжце на великаго князя Дмитрея Ивановича, а съ нимъ братиа его и сынове его и прочии князи Литовстии, и князь великий Михаило Тферьскыи, и князь Смоленьскыи Святъславъ съ силою Смоленьскою»²¹¹. Теперь удар был направлен с северо-запада, но здесь литовцы столкнулись с упорным сопротивлением у Волока Ламского. После двухдневной безуспешной осады этого города Ольгерд направился к Москве, которой достиг 6 декабря. На этот раз осада продолжалась восемь дней, но вновь не принесла литовцам успеха. Узнав о том, что к югу от Москвы собрались войска Владимира Серпуховского и Владимира Пронского, Ольгерд вступил с Дмитрием Ивановичем в переговоры: «А князь Володимеръ Андреевичъ, събрався силою, стояше въ Перемышле, опльчився. Еще же и къ тому приспе князь Володимеръ Дмитреевич [ь] Проньскыи, а съ нимъ рать Рязаньская. И то слышавъ Олгердь и оубояся и начять мира просити»²¹². Ольгерд захотел заключить «вечный мир», но Дмитрий согласился только на перемирие до 29 июня 1371 г., после чего литовцы ушли, «идяше съ многымъ опасениемъ озираяся и бояся за собою погони»²¹³.

Не добившись успеха с помощью Ольгерда, Михаил Александрович той же зимой вновь отправился к Мамаю и получил от него новый ярлык на великое княжение. 10 апреля 1371 г. он прибыл в Тверь в сопровождении ордынского посла: «отъ Мамаева царя изъ Орды прииде въ Тферь князь великий Михаило Александровичъ съ ярлыкомъ на великое княжение, а съ нимъ посоль Сарыхожа»²¹⁴. Судя по словам Мамаю, переданным тверскому князю впоследствии («княжение есмы тебе дали великое и давали ти есмы рать и ты не поняль, рекль еси своею силою сести»²¹⁵), он отказался от предложенной ему татарской военной поддержки. Причиной этого, по всей видимости, стало его нежелание настроить против себя население великого княжества, которое не видело крупных татарских вторжений с зимы 1327—1328 гг. Тем временем Дмитрий Иванович привёл бояр и простых людей владимирских городов к крестоцелованию «не датися князю великому Михаилу, а въ землю его на княжение на великое не пустити»²¹⁶. Сам московский князь со своим двоюродным братом Владимиром Серпуховским встал с полками в Переяславле, чтобы не позволить Михаилу Александровичу проехать из Твери во Владимир. На требование татарского посла явиться во Владимир к ярлыку Дмитрий ответил: «Къ ярлыку не еду, а въ землю на княжение на великое не пуцаю, а тебе послу путь чистъ»²¹⁷. Сарыхожа оставил великокняжеский ярлык в Твери, а сам отправился в Москву, где был щедро одарен и отпущен в Орду. В то же самое время Михаил Александрович отправил в Орду своего сына Ивана.

Таким образом, Дмитрий Московский уже дважды выступил против решения ордынского хана и стоявшего за его спиной Мамаю. Было очевидно, что подобные действия в конечном счёте неизбежно вызовут военный конфликт с татарами, а это в условиях продолжавшегося противостояния с Литвой означало бы войну на два фронта. Чтобы избежать этого и нейтрализовать одного из противников, Дмитрий Иванович 15 июня 1371 г. лично направился в Орду. Ценой богатых даров ему удалось добиться возврата себе великокняжеского ярлыка: «Приида въ Орду, князь великий Дмитрией Московьскыи многы дары и великы посулы подавалъ Мамаю и царицамъ и княземъ, чтобы княжения не отъняли, они же... отпустили князя Дмитриа съ любовию, опять давъ ему княжение великое»²¹⁸. За временный вывод Орды

²¹¹ Там же. Стб. 94.

²¹² Там же.

²¹³ Там же. Стб. 95.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же. Стб. 96—97.

²¹⁶ Там же. Стб. 95.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же. Стб. 96.

из игры пришлось дорого заплатить – осенью 1371 г. московский князь вернулся на Русь «съ многими длъжники, и бышетъ отъ него по городомъ тягость даннаа людемъ. А ко князю къ великому къ Михайлоу такъ и не почали люди изъ городовъ передаватися»²¹⁹.

Однако Михаил Тверской не собирался отказываться от своих претензий на великое княжение – в некоторых владимирских городах ему удалось посадить своих наместников. В апреле 1372 г. тверская рать захватила Дмитров, а литовцы во главе с Кейстутом и Андреем Полоцким razорили окрестности Переяславля и Новоторжскую волость. 31 мая Михаил устроил жестокий разгром Торжка в отместку за то, что новгородцы изгнали оттуда тверских наместников: «Того же лета Новгородци Великаго Новагорода бояре ехаша въ Торжекъ ставити города, съслагаша съ города съ Торжку наместниковъ княжихъ Михайловыхъ Тферскаго. Князь же Михайло, събравъ воя многы, прииде ратью къ городу къ Торжку и взя городъ и огнемъ пожже городъ весь, и бысть пагуба велика христианомъ, овы огнемъ погореша въ дворе надъ животы, а друзии выбежа въ церковь въ святыи Спасъ, и ту издахошася, и огнемъ изгореша много множество, инии же бежачи отъ огня въ рече во Тферци истопоша, и добрыя жены и девица видяще надъ собою лупление отъ Тферичъ, а они одираху до последней наготы, егоже погании не творять, како те отъ срамоты и беды въ воде утопоша чернци и черници, и все до наготы излупльше. Первые же Александръ Обакунович стрети на поле, и ту костью паде за святыи Спасъ и за обиду Новгородцкую, и съ нимъ убиша Ивана Шаховича, и друга его Ивана Тимофеевича и Григория Щебелькова, и инехъ неколико ту мужъ паде, а иныя побегоша, а иныхъ изымавъ на Тферъ полона, мужа и женъ, безъ числа поведоша множество, а и товара много поимаша, что ся остало отъ огня, иконной круты и серебра много поимаша. И кто, братие, о семъ не плачется, кто ся осталь живыхъ видеви, како они нужную и горкую смерть подъяша, и святыи церкви пожжени и городъ весь отъинудъ пусть, еже ни отъ поганыхъ не бывало такового зла Торжку. И наметаша избъенныхъ людей мертвыхъ и изжженныхъ и утопыхъ 5 скуделницъ; а инии згорели безъ останка, а инии истопли безъ вести, а инии поплыли внизъ по Тферци. И тако взявъ Торжекъ, и огнемъ пожже, и церкви и монастыри огнемъ погореша, а товара всякого наимава и безчислену корысть приобреде и припровади въ свои градъ на Тферъ»²²⁰. Взятые в Торжке пленные были проданы тверичами «одерень» (т.е. в полное рабство). В 1375 г. после победы над Тверью Дмитрий Иванович в своём dokonчании с Михаилом Александрович особо оговорил их освобождение: «А как еси взял Торжек, а кто ти с (я) будет продал пословицею новоторжан одернь, или будеш (ь) серебро на ком дал пословицею, тех ти отпустить по целован (ь) ю, а грамоты дерноватии подрати»²²¹.

12 июня 1372 г. тверской князь отправился вместе с Ольгердом в третий поход на Москву. На этот раз Дмитрий Иванович не подпустил литовцев к своей столице. Войска сошлись на Оке у города Любутска: «Того же лета Олгердъ князь Литовский, събравъ воя многы, въ силе тяжце подвижеся поити ратью къ Москве. Слышавъ же князь великий Дмитриеи Ивановичъ събра воя многы и поиде противу его, и сретошася у града Любутска; и прежде всехъ Москвичи съгнаша сторожевыи полкъ Олгердовъ и избежа. И стоаху рати прямо себе, а промежу ими врагъ крутъ и дебрь велика зело, и не лзе бяше полкома снятися на бои, и тако стоавше неколко дни, и взяша миръ промежу собою, и разидошася разнo»²²². Наиболее примечательно в тексте мирного договора то, что он несколько раз именуется Великое княжество Владимирское отчиной Дмитрия Ивановича: «А что княз (ь) Михайло... пограбил в нашей очине, в великом княженьи... А где буд (е) ть княз (ь) Михайло вослал в нашу очину, в великое княженье, намесник (и) или волостели... А иметъ княз (ь) Михайло что пакостити в нашей

²¹⁹ Там же. Стб. 98.

²²⁰ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 113.

²²¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.-Л., 1950. С. 27.

²²² Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 113.

очине, в великомъ княженьи... А описнь пословъ, тфERICЕМЪ нетъ дел в нашей очине, в великомъ княженьи...»²²³. Договор с Литвой 1372 г. стал первым международным соглашением Москвы, признавшим великокняжеский стол её наследственным владением, не зависящим от Орды.

Несмотря на капитуляцию своих литовских союзников Михаил Тверской не собирался сдаваться. Тогда Дмитрий Иванович направил в Орду своих послов, которые за десять тысяч рублей выкупили старшего сына тверского князя Ивана, содержавшегося у Мамаю в заложниках. В ноябре 1372 г. тверской княжич был привезён в Москву, где его стали держать на дворе митрополита Алексея, рассчитывая добиться тем самым уступок от его отца. Расчёт в конечном счете оправдался – 16 января 1374 г. Дмитрий Иванович и Михаил Александрович заключили соглашение, по которому тверской князь отказался от претензий на Великое княжество Владимирское и отозвал своих наместников из его городов: «А потомъ тое же зимы по мале днии Божиимъ жалованиемъ створишеться миръ князю великому Михаилу Александрович [ю] со княземъ съ великимъ съ Дмитриемъ с Ывановичемъ [ъ] и сына его князя Ивана съ любовью князь великий Дмитрий отпустилъ съ Москвы въ Тферь. А князь великий Михаилу Александрович [ъ] со княжения съ великаго наместники свои свель и бышетъ [ъ] тишина и отъ оузь разрешение хр [и] стианомъ и радостию възрадовалися, а врази ихъ облекошася въ студъ»²²⁴.

Одержав победу над Литвой и Тверью, Дмитрий Иванович получил бóльшую свободу для действий против Орды. Отношения между ним и Мамаем стали ухудшаться уже в 1373 г., когда татары совершили нападение на Рязанскую землю. Тогда Дмитрий стоял со своими войсками на левом берегу Оки, чтобы не допустить переправы ордынцев на московские земли: «Того же лета приидоша Татарове ратию отъ Мамаю на Рязань на Олга князя, грады пожгоша, а людии многое множество плениша и побиша и сътворше много зла хр [и] стианомъ и поидоша въсвосяси. Князь великий Дмитрий Московский, собравъ всю силу княжения великаго, о то время стоялъ оу Оки, а братъ его князь Володимеръ приехалъ изъ Новагорода, тамо живъ весну всю»²²⁵. По свидетельству московско-литовского мирного договора июля 1372 г., Олег Рязанский был тогда союзником Дмитрия Московского. Согласно сообщению Воскресенской летописи, во время похода Мамаю на Русь в 1380 г. рязанский князь возобновил выплату ему дани: «Олегъ же, отступникъ нашъ, приединивыся ко зловерному и поганому Мамаю и нечестивому Ягаилу, нача выходъ емоу давати и силоу свою слати к нему на князя Дмитриа»²²⁶. По всей видимости, Рязанское княжество прекратило выплату ордынского выхода уже в 1373 г., что и вызвало карательный поход татар.

Вероятно, в это же время и Москва прекратила даже формально признавать верховную власть Орды и выплачивать ей дань – летопись сообщает под 1374 г., что «князю великому Дмитрию Московскому бышетъ розмирие съ Тотары и съ Мамаемъ»²²⁷. «Розмирие» касалось не только московского князя, но и его союзников из числа русских князей. В том же 1374 г. Мамай направил в Нижний Новгород тысячный отряд во главе с Сары-акой (Сарайкой). Возможно, его задачей было передать нижегородскому князю ярлык на великое княжение, однако Дмитрий Константинович проявил полную солидарность со своим зятем (с 1367 г. Дмитрий Московский был женат на его дочери): «Того же лета Новгородци Нижняго Новагорода побиша пословъ Мамаевыхъ, а съ ними Татаръ съ тысящу, а стареишину ихъ именемъ [ъ] Сарайку рукама яша и приведоша ихъ въ Новъгородъ Нижний и съ его дружиною»²²⁸.

²²³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.-Л., 1950. С. 22.

²²⁴ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 105.

²²⁵ Там же. Стб. 104.

²²⁶ Воскресенская летопись. ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 314.

²²⁷ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 106.

²²⁸ Там же.

Антитатарский союз русских князей был формально закреплён на съезде, состоявшемся в ноябре 1374 г. в Переяславле по случаю крещения сына московского князя: «Князю великому Дмитрию Ивановичю родися сынъ князь Юрьи въ граде Переяславле, и крести его преподобнии игумень Сергии, святыи старецъ; и ту бяше князь великий Дмитрии Костянтиновичъ Суждальский, тестъ князя великаго, съ своею братьею, и съ княгинею и съ детми, и съ бояры и съ слугами; и бяше съездъ великъ въ Переяславли, отовсюде съехашася князи и бояре и бысть радость велика въ граде Переяславле, и радовахуся о рождении отрочяти»²²⁹. По всей видимости, условия этого союза были теми же, что и в договоре с Михаилом Тверским, заключённом в следующем году: «А с татары оже будет нам миръ, по думе. А будет нам дати выход, по думе же, а будет не дати, по думе же. А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тебе с одного всемъ противу их. Или мы поидем на них, и тебе с нами с одного поити на них»²³⁰. Таким образом, с одной стороны договор предусматривал возможность выплаты дани Орде, а с другой – войну с ней, причём не только оборонительную, но и наступательную.

В марте 1375 г. состоялся ещё один княжеский съезд, во время которого в Нижнем Новгороде были перебиты посол Мамай и взятые вместе с ним в плен татары: «Въ лето 6883 месяца Марта 31, въ Новгороде въ Нижнемъ князь Василей Дмитриевичъ Суждальский посла воины своя и повеле Сараику и его дружину розвести. Онъ же, окаанныи тои, уразумеъ, поганнии, и не въсхоте того, но избежа на владычень дворъ и съ своею дружиною и зажже дворъ и начя стреляти люди, и многи люди язви стрелами, а иныхъ смерти предасть, и въсхоте еще и владыку застрелити и пусти на нь стрелу; и пришедъ стрела коснуса перьемъ епископа токмо въ краи подола монатыи его. Се же въсхоте окаанныи, поганнии того ради, дабы не единъ умерлъ; но Богъ заступи епископа и избави отъ таковы стрелы летящия въ день, якоже рече пророкъ: не боишися отъ стрелы летящия въ день. Сами же Татарове ту вси избиени быша и ни единъ отъ нихъ не избысть. А въ то время быша князи на съезде»²³¹. В ответ на это отряды Мамай совершили набег на волости, принадлежавшие нижегородскому князю: «Того же лета приидоша Татарове изъ Мамаевы орды и взяша Кишь и огнемъ пожгоша, и боярина убиша Парфения Федоровича и Запение все пограбиша и пусто сътвориша, и люди посекоша, а иныхъ въ полонъ поведоша»²³².

Враждой между московским князем и Мамаем решил воспользоваться Михаил Тверской. В феврале 1375 г. к нему из Москвы вместе с неким Некоматом Сурожанином перебежал сын последнего московского тысяцкого Иван Вельяминов. Михаил Александрович направил их в Орду за великокняжеским ярлыком, а сам поехал в Литву договариваться о возобновлении военного союза против Москвы: «Того же лета съ Москвы о великомъ заговении приехалъ въ Тверь къ великому князю Михаилу Иванъ Василиевич [ъ] да Некомать на христианскую напасть на Федорове неделе послалъ ихъ въ Орду, а после ихъ о средокрестии поехалъ въ Литву и тамо пребывъ въ Литве мало время приехалъ въ Тферъ»²³³. 13 июля в Тверь прибыл ордынский посол Ачихожа, привезший Михаилу Александровичу ярлык на великое княжение. В тот же день тверской князь объявил Дмитрию Московскому о расторжении мира и послал свои войска для захвата Торжка и Углича.

Ответ Дмитрия Ивановича был молниеносным. Уже через две недели он собрал на Волоке огромную рать: «А съ нимъ тестъ его, князь великий Дмитрие Костянтиновичъ Суждальский, князь Володимеръ Андреевичъ, князь Борисъ Костянтиновичъ, князь Андреи Александровичъ Ростовский, князь Дмитрие Костянтиновичъ Ноготь Суждальский, князь Семень

²²⁹ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 115.

²³⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.-Л., 1950. С. 26.

²³¹ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 115.

²³² Там же.

²³³ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 109—110.

Дмитреевичъ, князь Иванъ Васильевичъ Смоленский, князь Василеи Васильевичъ Ярославский, князь Федоръ Романовичъ Белозерский, князь Василеи Михайловичъ Кашинский, князь Федоръ Михайловичъ Моложский, князь Андреи Федоровичъ Стародубский, князь Василеи Костянтиновичъ Ростовский, князь Александръ Костянтиновичъ, братъ его, князь Романъ Васильевичъ Ярославский, князь Романъ Михайловичъ Брянский, князь Романъ Семеновичъ Новосильский, князь Семень Костянтиновичъ Оболенский, князь Иванъ, братъ его, Торушский, и вси князи русстии, кыждо съ своими ратьми, служаще князю великому... А по Новѣгородъ князь великий посла, и Новогородци же князя великаго честь изводяще, пачеже свою обиду отмщающе, бывшую у Торжку, въскоре приидоша въ 4 или въ 5 дни, и подѣ Тѣрью стаща»²³⁴. Таким образом, в походе на Тверь к Дмитрию Московскому помимо его двоюродного брата Владимира Серпуховского присоединились признававшие его верховную власть тринадцать князей Суздальской земли (включая правителя Кашинского удела Тверского княжества), один смоленский князь (правивший в Вязьме), великий князь черниговско-брянский (согнанный к тому времени со своего стола Ольгердом) и три верховских князя. Быстрота действий коалиции была вызвана стремлением не допустить подхода союзников к тверичам, которые «надеялися помочи отъ Литвы и отъ Татаръ»²³⁵.

1 августа был взят Микулин, а 5 августа союзные рати подошли к Твери. 8 августа состоялся штурм, который тверичам удалось отбить. Тогда Дмитрий Иванович перешёл к регулярной осаде, которая через три недели закончилась полной капитуляцией Твери. Согласно договору, заключённому 1 сентября 1375 г., Михаил Тверской навсегда отказывался от посягательств на великое княжение, признавал себя «младшим братом» Дмитрия Московского и присоединялся к возглавляемой им антитатарской и антилитовской коалиции русских князей. В ответ на это осенью 1375 г. татары и литовцы нанесли удары по союзным Москве княжествам: «Того же лета Татарове приида за Пианую волости повоевали, а заставу Нижняго Новогорода побили, а иных множество людий потопло, а полонъ, бежа назадъ, метали. Потомъ въ осенине того же лета Олгердъ съ Литовскою ратию повоевалъ Смоленскую волость, городки поималъ и пожегль и люди посеколь и, много зла сотворивъ христианомъ, поиде въсвои. И потомъ передъ Николинымъ днемъ отъ Мамаея приида рать татарьскаа, взять Новосиль»²³⁶.

В 1376 г. Дмитрий Иванович со своим войском пересёк южные границы своего княжества: «Того же лета князь великий Дмитрии Московский ходилъ за Оку ратию, стерегася рати Тотарское»²³⁷. По всей видимости, у московского князя были веские основания ожидать нападения татар из Орды Мамаея и он решил, как это будет и в 1378 и 1380 гг., встретить их за пределами своих владений.

В начале 1377 г. объединённая московско-нижегородская рать совершила победоносный поход на Булгар: «Тое же зимы князь великий Дмитреи Ивановичъ посла князя Дмитрея Михайловича Волинскаго ратью на безбожныя Болгары, а князь Дмитреи Костянтиновичъ Суждальский посла сына своего князя Василья и другаго сына своего князя Ивана, а съ нимъ боярь и воеводъ и воя многи, и приидоша къ Болгаромъ въ великое говение, месяца Марта въ 16 день, въ понедельник на вербной недели. Погании же Бесерменове изыдоша изъ града, противу ихъ, стаща на бои и начаша стреляти, а инии з граду громъ пуцаху, страшаще нашу рать, а друзии самострелныя стрелы пуцаху, а инии выехаша на велбудехъ, кони наши полошающе. Наши же никако же устрашающеся грозы ихъ, но крепко противу стаща на бои и устремишася единодушно и скочиша на нихъ; они же окаанныи побегоша въ градъ свои, а наши после, быючи, и убиша Бесермень числомъ 70 и высла изъ города князь Болгарский Осанъ

²³⁴ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 115—116.

²³⁵ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 112.

²³⁶ Там же. Стб. 112—113.

²³⁷ Там же. Стб. 116.

и Маахмать Салтанъ, и добиста челомъ князю великому и другому 2000 рублевъ, а воеводамъ и ратемъ 3000 рублевъ. Наши же възвратишася, всю свою волю взявше, а даригу и таможенника посадиша, а ссуды и села и зимници пожгоша, а люди посекоша и отъидоша съ победою»²³⁸. Событие это имеет чрезвычайное значение. Впервые после Батыева нашествия русские рати совершили наступательный поход против земель, непосредственно входивших в состав Орды. Подчинявшийся Мамаю Булгар был принуждён признать верховную власть великого князя Руси и принять его сборщика дани и таможенника.

Летом 1377 г. в Нижнем Новгороде стало известно, что хан Заволжской Орды Араб-шах переправился на правый берег Волги и идёт походом на Русь. В русских летописях он именуется «царевичем», однако на самом деле он был правящим ханом, о чём свидетельствуют монеты, чеканившиеся от его имени в Сарае в 1377—1378 гг. Дмитрий Иванович выступил с ратью на помощь своему тестю, но появления татар так и не дождался. Оставив войска нижегородскому князю, он вернулся в Москву: «Того же лета перебежа изъ Синие орды за Волгу некоторые царевичъ, именемъ Арапша, и въсхоте ити ратью къ Новугороду къ Нижнему. Князь же Дмитреи Костянтиновичъ посла вестъ къ зятю своему къ князю великому Дмитрею Ивановичю. Князь же великий Дмитреи събравъ воя многы и прииде ратью къ Новугороду къ Нижнему въ силе тяжце, и не бысть вести про царевича Арапшу и възвратися на Москву, а посла на нихъ воеводы своя, а съ ними рать Володимерскую, Переяславскую, Юрьевскую, Муромскую, Ярославскую»²³⁹. Дмитрий Константинович присоединил к великокняжеской рати собственные полки и направил их к южной границе Нижегородского княжества под началом своего сына Ивана. Там 2 августа на них внезапно напали татары Мамай, тайно подведённые к русскому стану мордовскими князьями. Русское войско было полностью разгромлено, князь Иван Дмитриевич утонул во время бегства. Затем ордынцы изгоном захватили и разграбили Нижний Новгород. Вскоре после этого Араб-шах разорил Засурье, а мордовские князья – нижегородские волости на реке Пьяне.

В ответ на это зимой 1377—1378 гг. Дмитрий Нижегородский, получив из Москвы подкрепления, послал свои войска в карательный поход на мордовские земли, подчинявшиеся Мамаю: «Тое же зимы въдругие посла князь Дмитреи Костянтиновичъ брата своего князя Бориса и сына своего князя Семена ратью воевати поганую Мордву, а князь великий Дмитреи Ивановичъ послалъ же свою рать съ ними, воеводу Феодора Андреевича Свибла и съ нимъ рать; они же шедше взяша землю Мордовскую и повоеваша всю, и села и погосты ихъ, и зимници пограбиша, а самехъ посекоша, а жены и дети полониша, и мало техъ кто избылъ, всю ихъ землю пусту сътвориша, и множество живыхъ полониша и приведоша ихъ въ Новъгородъ, и казниша ихъ казнью смертною, и травиша ихъ псы на леду на Волзе»²⁴⁰.

В конце июля 1378 г. в отсутствие князя Дмитрия Константиновича татары снова взяли изгоном и сожгли Нижний Новгород, однако летописи не сообщают, пришли ли они из Мамаевой или Заволжской Орды. Летом того же года Мамай, очевидно вдохновлённый своими военными успехами, послал против Дмитрия Ивановича крупную рать во главе с Бегичем, однако она была разгромлена 11 августа на реке Воже объединёнными московско-рязанскими полками: «Того же лета ординский князь, поганый Мамай, събравъ воя многы, и посла Бегича ратью на князя великаго Дмитрея Ивановича и на всю землю Русскую. Се же слышавъ князь великий Дмитреи Ивановичъ, събравъ воя многы и поиде противу ихъ въ силе тяжце, и переехавъ за Оку, вниде въ землю Рязанскую. И сretoшася съ Татаре у реки у Вожи, и стояху, промежу собою реку имуще. Не по мнозехъ же днехъ Татарове переехаша на сую сторону и уда-риша въ кони свои, и искочиша вборзе, и нюкнуша гласы своими, и поидоша на грунахъ,

²³⁸ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 117—118.

²³⁹ Там же. С. 118.

²⁴⁰ Там же. С. 119.

и ткнуша на нашихъ. И удари на нихъ съ едину сторону Тимофеи околничии, а съ другую сторону князь Данилеи Пронскый, а князь великий удари въ лице. Татарове же въ томъ часе повергоша копья своя и побегоша за реку за Вою, а наши после за ними, бьючи ихъ и секуче и колючи, и убиша ихъ множество, а инии въ реце истопоша. А се имена избитыхъ князей: Хазибеи, Коверга, Карабулукъ, Костровъ, Бегичка. По сихъ же приспе вечеръ, и заиде солнце, и смерьчеса светъ, и наста ночь, и бысть тма, и нелзе бяше гнаться за ними за реку; а на завътрее бысть мъгла вельми велика, а Татарове тако и побегоша, еще сущи съ вечера и чрес всю ночь бежаху. Князь же великий на заутрие уже предъ обедомъ поиде за ними следомъ ихъ, и погнаша ихъ убежавшихъ далече, обретоша бо въ поле повержены двory ихъ и шатры ихъ, и вежи ихъ, и юртовища ихъ, и алачюгы, и телеги ихъ, а въ нихъ товаръ безчисленъ весь пометанъ, а самехъ не обретоша, бяху бо побежали къ орде. Князь же великий Дмитрей, възвратився оттуду на Москву съ победою великою, и рати роспусти съ многою корыстью»²⁴¹.

В отместку за своё поражение Мамай осенью 1378 г. совершил опустошительный набег на Рязанскую землю: «Видевъ же Мамаи изнеможение дружины своея прибегшее къ нему, а иныя избиты князи и велможи, и алпауты, и многыя вои своя изгибша. И разгнева же ся зело Мамаи и възъярися злобою, и тоя же осени събравъ останочную силу свою и съвъкупи воя многы, поиде ратью въборзе, безъ вести изгономъ на Рязанскую землю. А князь великий Олегъ не приготовился бе и не сталъ противу ихъ на бои, но выбежали изъ своея земля, а градъ свои поверже, и пребежа за Оку реку. Татарове же пришедше и градъ Переяславль и прочии грады взяша, и огнемъ пожгоша, и волости и села повоеваша, а людей много посекоша, а иныя въ полонъ поведоша, и възвратишася въ страну свою, много зла сътворивше земли Рязанской»²⁴².

В 1379 г. Мамай не предпринимал активных действий против Руси. Однако 30 августа этого года в Москве был казнён Иван Вельяминов. Согласно сообщению Никоновской летописи, он был схвачен в Серпухове на пути из Орды. По всей видимости, сын последнего московского тысяцкого был послан Мамаем в Тверь с целью побудить её князя возобновить военный союз с Ордой против Дмитрия Московского.

Летом того же года Мамай захватил Дмитрия-Митяя – ставленника московского князя, направлявшегося в Константинополь для поставления в русские митрополиты вместо Алексея, скончавшегося в феврале 1378 г. Ещё в 1375 г. константинопольский патриарх назначил митрополитом Литвы болгарина Киприана с условием, что после смерти Алексея он объединит под своей властью митрополию всей Руси. Однако московский князь не согласился с этим назначением, справедливо видя в Киприане литовского ставленника. Когда в июне 1378 г. Киприан приехал в Москву, он был схвачен людьми Дмитрия Ивановича и выдворен обратно на литовскую территорию. Вместо него Дмитрий выдвинул кандидатом в митрополиты своего духовника Митяя, которого и арестовали татары на пути в Константинополь. Однако вскоре Митяй был отпущен Мамаем, и ему даже был выдан ярлык по образцу ярлыков, которые ранее выдавались ханами Золотой Орды русским митрополитам. Выдан он был от имени хана «Тюляка», т.е. (Мухаммада-) Бюляка: «Бесмертнаго Бога силою и величествомъ изъ дедъ и прадедъ Тюляково слово Момаевою дядиною мыслию» (полная редакция); «Безсмертнаго Бога силою и величествомъ изъ дедъ и прадедъ отъ первыхъ царей и отцевъ нашихъ мы Тюлюбекъ царь слово рекль Момаевою мыслию дядиною» (смешанная редакция)²⁴³.

О хане Мухаммаде-Бюляке, не называя его имени, упоминают русские летописи в рассказе о битве на Воже: «Се бысть побоище прилучися месяца Августа 11 день, на память святого мученика Еупла диакона, въ среду при вечере, и поможе Богъ князю великому Дмитрею Ивановичю, одоле ратнымъ, и победи врагы своя, и прогна поганыхъ Татаръ, и посрамлени

²⁴¹ Там же. С. 126—127.

²⁴² Там же. С. 127.

²⁴³ Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. С. 91, 107.

быша окааннии Половци, възвратишася съ студомъ безъ успеха нечестивии Измалтяне, побегоша, гоними гневомъ Божиимъ, прибегоша въ орду къ своему царю, паче же къ пославшему Мамаю, понеже царь ихъ, иже въ то время имеаху себе, не владеаша ничимъ же, и не смеаше ничто же сътворити предъ Мамаемъ, но всяко старейшинство съдержаше Мамаи, и всеми владеаше въ орде»²⁴⁴.

Вероятно, выдавая ярлык митрополиту, Мамай надеялся привлечь на свою сторону Русскую церковь в предстоящем решающем столкновении с московским князем. Надежды на это оказались тщетными, однако на этот раз татарскому правителю удалось договориться о совместном военном походе против Москвы с Литвой. Великий князь Ольгерд умер в 1377 г., передав по завещанию литовский престол своему сыну от второй жены Ягайле. Это вызвало недовольство дяди Ягайлы Кейстута и его старших братьев. Зимой 1377—1378 гг. из Литвы на Русь бежал Андрей Ольгердович, княживший с начала 1340-х гг. в Полоцке: «На ту же зиму прибежа во Псковъ князь Литовьскыи Ондреи Олгердович, и целова крестъ ко псковичамъ; и поиха на Москву из Новаграда къ князю к великому къ Дмитрию, князь же прия его»²⁴⁵. Поездка Андрея к московскому князю определённо преследовала целью заключение договорённости о совместных действиях против Ягайлы. В ответ на это Ягайло поручил своему родному брату Скиргайле договориться о мирном соглашении с Тевтонским орденом. Такое соглашение было заключено в Давыдишках в мае 1380 г., что развязало Ягайле руки для действий против Руси. Видимо, именно в это время литовский великий князь и договорился с Мамаем о совместном военном походе на Москву.

Зимой 1379—1380 гг. Дмитрий Московский отправил своё войско, в составе которого находился и Андрей Ольгердович, в поход на подвластную Литве Северскую землю: «Тое же зимы князь великий Дмитриеи Ивановичь, собравъ воя многы и посла съ ними брата своего князя Володимера Андреевича да князя Андрея Олгердовича Полотьского да князя Дмитрея Михайловича Волыньскаго и иныя воеводы и велможи и бояре многы и отъпусти я месяца декабря въ 9, въ пятокъ, отъпусти ихъ ратию на Литовьскыя города и волости воевати. Они же спешедшеся взяша городъ Трубческыи Стародубъ и ины многы страны и волости и села тяжко плениша, и вси наши вои, русстии полци, цели быша, приидоша въ дома своя со многими гостями»²⁴⁶.

Войска московских князей никогда ранее не заходили так далеко на юго-запад от своих владений. По-видимому, успех этого похода был обеспечен в значительной степени поддержкой местного населения и князей, недовольных властью Литвы. Об этом свидетельствует также и факт перехода на сторону русской рати брата Андрея Ольгердовича Дмитрия, княжившего в Трубчевске: «Князь Трубческыи Дмитриеи Олгердович [ь] не сталъ на бои, ни подн्याль руки противу князя великаго и не биася, но выиде изъ града съ княгинею своею и з детми и съ бояры своими и приеха на Москву въ рядъ къ князю великому Дмитрею Иванович [ю], бивъ челомъ и рядися у него»²⁴⁷. Однако при этом Москве не удалось поставить Трубчевское княжество под свою власть. По-видимому, оно было присоединено Ягайлой к владениям его брата Корибута, которому как раз в это время была пожалована в удел Северская земля. В качестве возмещения за потерю Трубчевска Дмитрий Ольгердович получил от московского князя Переяславль: «Князь же великий прия его съ честию великою и со многою любовию и дасть ему градъ Переяславль и со всеми его пошлинами»²⁴⁸.

²⁴⁴ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 127.

²⁴⁵ Новгородская I летопись младшего извода. ПСРЛ. Т. 3. С. 375.

²⁴⁶ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 138.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Там же.

В то время, как московские полки совершали поход по литовским владениям, Ягайло предпринял попытку привлечь на свою сторону Великий Новгород: «Тои же зимы прииха в Новъгород князь Литовьскый Юрьи Наримантович»²⁴⁹. Отец Юрия Наримант и его брат Патрикий ранее уже сидели в качестве служилых князей на новгородских пригородах, причём каждый раз это происходило в периоды осложнения отношений между Москвой и Новгородом. Однако на этот раз Дмитрию Ивановичу удалось быстро уладить конфликт – уже в марте 1380 г. в Москву направилось большое новгородское посольство во главе с архиепископом Алексеем: «Биша чоломъ всь Новъградъ господину своему владыце Алексею, чтобы еси, господине, ялься ехати [ко] князю великому. И владыка прия челобитье своих детеи, всего Новгорода, поиха на Низъ, за неделю до цветной неделе; а с нимъ поиха Юрьи Иванович, Михаило Данилович, Юрьи Онцифорович, Иевъ Обакунович, Иванъ Федорович и иных боярь много и житых мужъ. Князь же прия [их] в любовь, а к Новугороду крестъ целоваль на всеи старине новгородчкои и на старых грамотах»²⁵⁰. Тем самым Дмитрию Ивановичу удалось предотвратить опасное сближение между Новгородом и Литвой накануне решающего столкновения с объединёнными силами Мамаё и Ягайлы.

В августе 1380 г. в Москву поступили вести о том, что Мамай идёт войной на Русь. Его войско, включавшее, помимо татар, наёмников – черкесов, осетин, армян, буртасов и итальянцев, должно было соединиться с литовскими полками Ягайлы на берегу Оки в Семёнов день (1 сентября), после чего двинуться на Москву. Олег Рязанский вёл двойственную политику – с одной стороны, он направил своего посла к Мамаю и Ягайле, а с другой – известил московского князя о татарско-литовских планах. Получив эти известия, Дмитрий Иванович собрал в своей столице крупные военные силы. Ранние источники («Задонщина» и повествования Рогожского летописца – Симеоновской летописи и Новгородской IV – Софийской I летописей) упоминают об участии в походе, помимо самого Дмитрия Московского и его двоюродного брата Владимира Серпуховского, белозёрских и тарусских князей, а также Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Летопись Дубровского и Архивская летопись, восходящие к новгородскому своду 1539 г., добавляют к этому списку князей Ивана Васильевича Вяземского, Андрея Фёдоровича Ростовского, Андрея Фёдоровича Стародубского, одного из ярославских князей Васильевичей, Фёдора Михайловича Моложского, Семёна Константиновича Оболенского, Романа Михайловича Брянского, Василия Михайловича Кашинского и сына Романа Семёновича Новосильского. Если список новгородского свода 1539 г. верен, тогда состав участников Донского побоища в целом повторял состав участников похода на Тверь в 1375 г., за исключением суздальско-нижегородских князей.

Дмитрий Иванович оставил часть своих войск в Москве, а с остальными направился в Коломну, где его нашли послы от Мамаё, кочевавшего в это время за Доном: «Мамаи ста въ поле близъ Дону, со всеми силами, стоя 3 недели, ждучи Ягаила, а къ великому князю присла, прося выхода, какъ было при цари Женибеке, а не по своему dokonчанию; а князь велики хотящи ему выходъ дати по хрестьяньской силе, онъ же не хотяше»²⁵¹. По договорённости, заключённой Дмитрием Ивановичем с Мамаем в 1371 г., московский князь обязался выплачивать Орде дань, но в меньшем размере, чем та дань, которую платило Великое княжество Владимирское при Джанибеке. Тогда Москве удалось таким способом нейтрализовать Мамаё и избежать войны одновременно с Ордой и Литвой. В 1374 г. выплата дани татарам полностью прекратилась. Обещая в 1380 г. Мамаю возобновить выплату дани согласно «dokonчанию» 1371 г., Дмитрий рассчитывал вновь разрушить ордынско-литовскую коалицию, однако на этот раз Мамай был полностью уверен в своих силах и требовал восстановления той степени зави-

²⁴⁹ Новгородская I летопись младшего извода. ПСРЛ. Т. 3. С. 375.

²⁵⁰ Там же. С. 376.

²⁵¹ Ермолинская летопись. ПСРЛ. Т. 23. С. 125.

симости Руси, которая существовала на пике могущества Золотой Орды. На это московский князь согласиться уже не мог.

20 августа Дмитрий Иванович вышел со своими полками из Коломны и начал движение на запад вдоль левого берега Оки. Встав у устья реки Лопасны, он стал собирать сведения о местонахождении татар. После подхода из Москвы дополнительных сил во главе с Владимиром Серпуховским и окольным Тимофеем Дмитрий переправился на правый берег Оки и начал продвигаться на юго-восток. 6 сентября русские полки достигли берега Дона, где ими были разбиты сторожевые отряды Мамай. Среди воевод московского князя возник спор о том, где давать бой татарам: «Ови глаголаху: „пойди за Донъ“, а инии не хотяху, глаголюще: „умножишася врази наши, Татарове, Литва, Рязанци“. А Мамай, слышавъ приходъ великого князя къ Дону и сеченыхъ своихъ виде, възъярися зело и рече къ своимъ: „подвигнемся къ Дону, доколе приспеесть намъ Ягаило“»²⁵².

Если бы русские полки остались на левом берегу Дона, в случае неудачного исхода боя они смогли бы отступить, однако Мамай получил бы возможность соединиться с Ягаилой, находившимся уже совсем близко. Чтобы не допустить их соединения, необходимо было переправиться на правый берег, и в этом случае оставшийся за спиной Дон не оставлял русским воинам иного выбора, кроме как победить или умереть. Именно это решение и принял Дмитрий в ночь с 7 на 8 сентября: «А князь велики повеле мосты мостити чересь Донъ и бродовъ пытати въ нощи, а в утре въ субботу, на праздникъ Рожества святыя Богородица, сентебря 8, повеле воемъ своимъ преити за реку и поити въ поле. Бе же и мъгла тогда велика, потомъ же мъгла уступи, тогда преидоша вси за Донъ; бе же множество бесчислено вои, яко и земли двизатися, и выидоша въ поле чисто на усть реки Непрядвы, исполчився»²⁵³.

8 сентября 1380 г. состоялось историческое сражение: «И яко бысть въ 6 часъ дни, начаша появливатися оканнии Татарове въ поле чисте и исполчишася противу хрестьянь; бе же обоихъ многое множество; и соидошася обе силы великия, покрыша поле яко на 13 врьсть. И бысть сеча велика и брань крепка, и трусъ великъ зело, яко не бывала отъ начала бо княземъ Русскимъ; и бишася отъ шестаго часа до девятого, и пролься кровь, яко дождевная туча, и паде множество трупы обоихъ. При часи же девятомъ призри Господь милостивымъ окомъ на родъ хрестьяньский... И тако въскоре побегоша погании, а хрестьяне погониша въследь ихъ, бьюще, и гониша, биюще, Мечи реки, а княжи полци до Содомлянъ и до становъ ихъ, и взяша все богатство ихъ и стада, избиша ихъ многое множество, а инии истопоша»²⁵⁴.

Дмитрий Иванович героически бился во главе своего войска: «Самому же великому князю доспехъ весь обить бе, на телеси же его не бе никакия раны, а бися въ лице съ Татары на прьвомъ суиме. О семь бо князи воеводы глаголаху ему: „господине, не стався напередъ, но назади или на крыле, или въ опришнемъ где месте“. Онъ же рече: „да како азъ възглаголю: братие, потягне [мъ] съ единого, а самъ лице свое почну крыти или хоронитися назади? но якоже хочу словомъ, тако и деломъ предъ всеми главу свою сложити за хрестьяне, да прочии, видевши то, да примутъ дръзость“. Да якоже рече, тако и сътвори: би бо ся, напередъ ста всехъ, и бе одесную его и ошую его множество битыхъ, а самого кругъ оступиша обаполь, яко вода многа, и многа ударения приять по главе и по всему телу, но Богъ соблюде и отъ всехъ»²⁵⁵.

Ягаило, находившийся от места битвы на расстоянии примерно одного дня пути, узнав о разгроме Мамай, предпочёл уйти: «А отселе, отъ страны Литовския, Ягаило князь Литовский прииде съ всею силою Литовскою Мамаю пособляти, Тотаромъ поганымъ на помощь, а крестьяномъ на пакость, но и отъ техъ Богъ избавилъ: не поспеша бо на срокъ за малымъ,

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Там же. С. 125—126.

²⁵⁵ Там же. С. 125.

за едино днище или меньши. Но точью слышавъ Ягаило Ол [г] ердовичъ и вся сила его, яко князю великому с Мамаемъ бои быть, и князь великий одоле, а Мамаи побежденъ побеже, и безъ всякого пождания Литва съ Яга [и] ломъ побегоша назадъ съ многою скоростию, ни кимъ же гоними: не видеша бо тогда князя великаго, ни рати его, ни оружья его, токмо имени его Литва бояхоуся и трепетааху»²⁵⁶. При этом три немецкие хроники (Иоганна Пошильге, Дитмара Любекского и Альберта Кранца) содержат известия о нападении литовцев на русских воинов, возвращавшихся домой. Так, Иоганн Пошильге сообщает: «В том же году была большая война во многих странах: особенно так сражались русские с татарами у Синей Воды, и с обеих сторон было убито около 40 тысяч человек. Однако русские удержали поле. И, когда они шли из боя, они столкнулись с литовцами, которые были позваны татарами туда на помощь, и убили русских очень много и взяли у них большую добычу, которую те взяли у татар»²⁵⁷.

Русские летописи сообщают, что вместе с Мамаем татарским войском в Куликовской битве командовал хан Мухаммад-Бюляк: «Пришедшемъ рокомъ, преже бо начаша съеждати сторожевыи полки и Рускии с Тотарьскими, самъ же великий князь наеха напередъ въ сторожевыхъ полцехъ на поганого царя Теляка, нареченаго плотнаго дьявола Мамаа, таче потомъ, не долго попустя, отъеха князь въ великий полкъ»²⁵⁸. Отсутствие последующих упоминаний о нём свидетельствует, что этот последний правитель Золотой Орды из потомков Бату был убит в сражении. Гибель восемнадцатилетнего хана Мухаммада-Бюляка 8 сентября 1380 г. в битве с русскими сыграла роковую роль в судьбе Мамае. По всей видимости, у него уже не было возможности поставить на престол нового хана.

Бежав после поражения на Дону, Мамай собрал остатки своих ратей, чтобы вновь идти на Русь – на этот раз неожиданным набегом («изгоном»). Однако вместо этого ему пришлось выступить против хана Тохтамыша, который уже в 1379 г. сумел захватить ордынскую столицу Сарай. Войска противников сошлись на Калке, но сражение не состоялось. Эмиры ордынского беклярибека, вынужденного на этот раз выступать от собственного, а не от ханского имени, перешли на сторону Тохтамыша. Мамай бежал в Крым, где вскоре был настигнут и убит посланцами Тохтамыша: «Тогда же Мамаи не въ мнозе утече съ Доньскаго побоища и прибеже въ свою землю въ мале дружине, видя себе бита и бежавша и посрамлена, и поругана, паки гневашеся и неистоваяся, яряся, и смущашеся, и събра останочную свою силу, еще въсхоте ити изгономъ паки на великаго князя Дмитрия Ивановичя, и на всю Русскую землю. Сие же ему умышлышу, и се приде ему вестъ, что идетъ некий царь съ востока, именемъ Тактамышъ, изъ Синие орды. Мамаи же, еже уготова на нь рать, съ тою ратью готовою поиде противу его, и сretoшася на Калкахъ. Мамаевы же князи, сшедше съ коневъ своихъ, и биша челомъ царю Тактамышю, и даша ему правду по своей вере, и пиша къ нему роту, и яшася за него, а Мамае оставиша, яко поругана. Мамаи же, то видевъ, и скоро побежавъ съ своими думцами и съ единомысленики. Царь же Токтамышъ посла за нимъ въ погоню воя своя и убиша Мамае, а самъ шедъ взя орду Мамаеву и царици его и казны его, и улусъ весь поима, и богатство Мамаево взя, раздели дружине своей»²⁵⁹.

О своей победе над Мамаем Тохтамыш тут же известил русских князей: «И оттуду послы своя отпусти на Рязаньскую землю къ князю великому Дмитрию Ивановичю и къ всемъ княземъ Русскимъ, поведая имъ свои приходъ и како въцарися, и како супротивника своего и ихъ врага Мамае победи, а самъ шедъ седе на царстве Волжскомъ. Князи же Русстии пословъ его отпустиша съ честью и съ дары, а сами на зиму ту и на ту весну за ними отпустиша коиже сво-

²⁵⁶ Новгородская IV летопись. ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 322—323.

²⁵⁷ *Scriptores Rerum Prussicarum*. Т. III. Leipzig, 1866. S. 114—115.

²⁵⁸ Новгородская IV летопись. ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 319.

²⁵⁹ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 130.

ихъ киличеевъ съ многими дары къ царю Токтамышю»²⁶⁰. Ответное посольство к Тохтамышу направил также и Дмитрий Иванович: «На ту же осень князь великий отпусти въ орду своихъ киличеевъ Толбугу да Мокшея къ новому царю съ дары и съ поминки»²⁶¹. Ни одна из русских летописей не говорит о том, что московский князь признал над собой верховную власть нового хана. Выплата дани («выхода») возобновлена не была. «Поминки», с которыми направились в Орду его послы, были обычными дипломатическими дарами, которыми было принято обмениваться с правителями равного ранга.

По сообщению Никоновской летописи, 1 ноября 1380 г. «Все князи Русстии, сославшеся, велию любовь учиниша межу собою»²⁶². По всей видимости, это означало подтверждение антитатарского союза русских князей во главе с Дмитрием Московским, созданного в ноябре 1374 г. в Переяславле. Подтверждение этому мы находим в договоре, заключённом летом 1381 г. между Дмитрием и Олегом Рязанским. После поражения Мамай Олег бежал из своего княжества, а Дмитрий Иванович посадил в Рязани своих наместников. Однако к лету следующего года они восстановили между собой союзнические отношения, скреплённые договором, по которому Олег признал себя «младшим братом» Дмитрия. Одна из статей соглашения была посвящена отношениям с Ордой: «А с татары аже будет кн (я) зю великому Дмитрию миръ и ег (о) брату, кн (я) зю Володимеру, или данье, ино и кн (я) зю великому Олгу миръ или дан (ь) е с одинок (о) со княземъ с великимъ з Дмитреемъ. А будет немиръ кн (я) зю великому Дмитрию и брату ег (о), кн (я) зю Володимеру, с татары, кн (я) зю великому Олгу быти со кн (я) земь с великимъ съ Дмитриемъ и съ ег (о) братомъ с одиного на татаръ и битися с ними»²⁶³.

В целом условия этой статьи соответствуют условиям договора 1375 г. с Михаилом Тверским – допускается как выплата дани Орде, так и война с ней, хотя к тому времени на ордынском престоле уже сидел самостоятельный хан-Чингисид. Кроме того, из текста договора следует, что в предыдущие годы Дмитрий Московский и Олег Рязанский отвоевали у Орды Мамай и присоединили к своим владениям какие-то земли, которые они отнюдь не собирались возвращать теперь Тохтамышу: «А что Татарская места отоймал кн (я) зю великий Дмитрию Иванович за себя от татаръ до сег (о) до нашег (о) докончан (ь) я, та места кн (я) зю великому Дмитрию. А что княз (ь) великий Олегъ отоймал Татарская от татаръ дотолѣ же, а то кн (я) зю великому Олгу та места»²⁶⁴.

Одновременно с оповещением русских князей о своей победе над Мамаем Тохтамыш направил послов и к литовскому великому князю. Об этом посольстве нам известно благодаря упоминанию о нём в ярлыке, выданном Тохтамышем Ягайле позднее, в 1393 г.: «Слово Тактамышево къ Королеви Польскому. Ведомо даемъ нашему бра [ту]: ажъ есмь сель на столе великого ц [а] рства. Коли есть первое сель на ц [а] рскомъ столе, тогда есмь послалъ быть квамъ Асана и Котлубугу вамъ дати ведание. И наши послы нашли ва [с] под городомъ под Троки стоячи. Вы послали есте кнамъ посла вашего Литвина на имя Невоиста». Ярлык 1393 г. содержит, в частности, упоминание о выплате Ягайлой дани Орде: «Што межи твоее земле суть кня [же] ния, волости давали выходъ Белои Орде, то намъ наше дайте»²⁶⁵.

Из этого документа следует, что Ягайло, в отличие от Дмитрия Московского и других русских князей, беспрекословно признал свою зависимость от татарского хана, подтвердив тем самым отношения, установленные за двадцать лет до этого его отцом Ольгердом с Мамаем: «Весьма интересным фактом является также посылка Тохтамышем послов к литовскому князю

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. 11. С. 69.

²⁶³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.-Л., 1950. С. 30.

²⁶⁴ Там же. С. 29.

²⁶⁵ Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392—1393 года. Издан князем М. А. Оболенским. Казань, 1850. С. 36.

Ягайлу. Послы привезли ему от Тохтамыша специальный ярлык, который одновременно является предписанием и информацией. Ярлык этот до нас не дошел. О нем мы узнали из другого ярлыка Тохтамыша к Ягайлу, когда он уже был не только великим литовским князем, но и польским королем. Ярлык составлен 8 Раджаба 795 г.х., т. е. 20 мая 1393 г., в г. Тане (Азове). Нам в данном случае особенно интересным представляется начало ярлыка: „Я, Тохтамыш, говорю Ягайлу. Для извещения о том, как мы воссели на великое место, мы посылали прежде послов под предводительством Кутлу Буги и Хасана, и ты тогда же посылаи к нам своих челобитников“. Вышеприведенный ярлык составлен спустя 13 лет после разгрома Тохтамышем мамая войска. Из его первых строк ясно, что Тохтамыш послал извещение о своем вступлении на золотоордынский престол вскоре после победы над Мамаем на реке Калке. Из ярлыка также ясно, что Ягайло признавал над собой верховную власть Тохтамыша, хотя и считался одним из наиболее сильных и привилегированных его вассалов»²⁶⁶. О признании Ягайлой верховной власти татарского хана свидетельствует также наличие ордынской «плетёнки» на одной из разновидностей выпускавшихся им монет и выпуск подчинёнными ему литовскими князьями на землях нынешней Украины монет с именем Тохтамыша²⁶⁷.

Летом 1381 г. Тохтамыш направил на Русь крупное посольство, которое, однако, доехало только до Нижнего Новгорода: «Того же лета царь Тактамышъ, пославъ своего посла къ великому князю Дмитрию Ивановичю и къ всемъ княземъ Русскимъ, царевича некоего Акъхозя, а съ нимъ дружины 700 татаринѡвъ, и дошедше Новагорода Нижнего, и възвратися въспять, а на Москву не дръзнулъ ити, но посла некихъ отъ своихъ товарищевъ, не въ мнозе дружине, но ити не смеаху болма»²⁶⁸. Посольство определённо ехало с целью получения дани Орде, а его возвращение может быть объяснено только тем, что платить эту дань русские князья не собирались.

Когда Тохтамышу стало окончательно ясно, что добровольного подчинения от московского князя ему не добиться, он начал готовить военный поход на Русь. При этом он учёл ошибки Мамая, позволившего русским князьям объединить силы и встретить его за пределами своей земли. Летом 1382 г. он направил на Волгу своих людей, чтобы те избили русских купцов. Цель этой акции была двоякой – использовать отнятые у них суда для переправы войска Тохтамыша через Волгу и не позволить им оповестить русских князей о приближении татар. В отличие от похода Мамая, поход Тохтамыша был внезапным набегом («изгоном»): «Того же лета царь Тахтамышъ посла на Волгу Татаръ своихъ и повеле избивати вся гости Русския, а суды ихъ переимати на перевозъ себе, дабы не было вести на Русь; и пришедъ къ Волзе со всею силою своею, и перевезошася на сую сторону, и поиде изгономъ на Русскую землю»²⁶⁹. О неожиданности прихода Тохтамыша свидетельствует и то, что ещё за несколько дней до появления татар под стенами Москвы в ней, ничего не подозревая, праздновали крещение сына Дмитрия Ивановича Андрея, родившегося 14 августа²⁷⁰.

Когда о татарском походе стало известно нижегородскому князю, он отправил к Тохтамышу двоих своих сыновей, которые смогли догнать его только в Рязанском княжестве. Олег Рязанский показал татарам броды через Оку, что должно было ещё более ускорить их продвижение: «И то слыша князь Дмитрией Костянтиновичъ и посла къ Тахтамышу сыновъ своихъ, Василья и Семена, они же приидоша въ орду; онъ уже пошолъ бе на Русь, и едва сустигоша

²⁶⁶ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 240—241.

²⁶⁷ Хромов К. О монетной чеканке на территории Киевского княжества в 50-е годы XIV века («киевские» подражания монетам Джанибека); http://www.hordecoins.folgate.net/Rpubl_ZamkovaGora2005-conf.htm.

²⁶⁸ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 131.

²⁶⁹ Ермолинская летопись. ПСРЛ. Т. 23. С. 127.

²⁷⁰ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 131.

его в Рязанскихъ приделахъ, борзо бо бяше иды. А князь Олегъ Рязаньски сrete его, донележе не вниде въ землю его, и обведе его около своеи земли и броды указа ему все по Оце»²⁷¹.

Сторонники идеи о том, что московский князь не дал бой Тохтамышу из-за того де, что тот был «законным ханом», обычно цитируют сообщение Симеоновской летописи: «Князь же великий Дмитриеи Ивановичъ, то слышавъ, что самъ царь идеть на него съ всею силою своею, не ста на бои, ни противу его поднѣялъ руки, противу царя Тахтамыша, но поеха въ свои градъ на Кострому»²⁷². Однако даже из этого сообщения совсем не следует, что отказ от сражения был вызван признанием законности власти Тохтамыша над Ордой, а тем самым и над Русью, а не тем, что на этот раз впервые после нашествия Батые на Русь войной пришёл сам хан вместе со всем ордынским войском. В действительности вышеприведенное сообщение принадлежит руке составителя летописного свода 1392 г., выразившего точку зрения враждебного Дмитрию Ивановичу митрополита Киприана. Как мы увидим далее, у Киприана были веские основания пытаться опорочить московского князя.

Беспристрастно и подробно обстоятельства нашествия Тохтамыша описаны в Ермолинской летописи. Дмитрий Иванович всё-таки получил известие о походе татар от своих агентов в Орде. Однако времени для сбора войска оказалось уже недостаточно, кроме того, среди русских воевод не было согласия: «Князю же великому едва вестъ прииде отъ некоторыхъ добротыхъ хрестьяно [мъ], живущихъ въ странахъ Татарскихъ, иже бяху на то устроени сущи и поборници земли Русстей. Онъ же нача полки совокупляти и поиде съ Москвы, хотя противу Татаръ; и бысть разнo въ князехъ Русскихъ: овии хотяху, а инии не хотяху, бяху бо мнози отъ нихъ на Дону избиты; а се царь на нихъ идяше со многою силою и бяше близъ уже, яко совокупитися некогда. Князь же великы въ недоумении бывъ, а Татаромъ уже близъ сущимъ, иде за Волгу, въ градъ свои Кострому»²⁷³. Как видим, на самом деле Дмитрий вполне «поднял руку» против «царя», выступив с имевшимися у него полками навстречу татарам. Только разногласия среди начальников его войска вынудили московского князя отказаться от генерального сражения. Причём противники такого сражения обосновывали свою позицию тем, что правитель Орды ведёт с собой большое татарское войско, в то время как множество русских воинов погибло на Дону и времени для сбора новой рати уже нет, а совсем не тем, что Тохтамыш – «законный хан».

Отъезд Дмитрия Ивановича на Кострому был вполне оправдан стратегически – он давал ему бóльшую свободу действий против Тохтамыша, чем сидение в осаждённой татарами Москве. Руководить обороной столицы был оставлен митрополит Киприан, с которым Дмитрий примирился в 1381 г., но справиться со своей задачей он не сумел или не захотел. В Москве возникли беспорядки, которые удалось подавить самим горожанам, взявшим власть в городе в свои руки. Накануне подхода татар Киприан решил бежать из города вместе со своими приближёнными, однако сделать ему это удалось лишь с большим трудом: «А во граде Москве мятежъ бе великъ: овии бежати хотяху, а инии въ граде сидети. И бывши мятежи и распре велице, и паки народъ, совокупльшеся, позвониша въ все колоколы и стаща суимомъ, а инии по вратомъ, а инии на вратехъ на всехъ, не токмо пущати хотяху изъ града крамолниковъ и мятежниковъ, но и грабяху ихъ; ни самого митрополита усрамилися, но на вся огрозишася, ни бояръ великихъ устрашишася, и въ вратехъ всехъ съ оружии обнаженными стояху, и съ вратъ камениемъ шибаху, и никого же изъ града пущяху. Потомъ же едва народи умолены быша, выпустиша изъ града митрополита, прочихъ съ нимъ ограбивше, а единако съ нимъ мятаху»²⁷⁴. Из Москвы Киприан направился в Тверь к князю Михаилу Александровичу.

²⁷¹ Ермолинская летопись. ПСРЛ. Т. 23. С. 127.

²⁷² Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 131.

²⁷³ Ермолинская летопись. ПСРЛ. Т. 23. С. 127.

²⁷⁴ Там же.

Тем временем в Москву прибыл литовский князь Остей, вставший во главе обороны города вместо сбежавшего митрополита: «И се прииде къ нимъ въ градъ некий князь Литовский Остеи, внукъ Олгердовъ, и тои окрепи градъ и затворися въ немъ со множествомъ народъ»²⁷⁵. Вероятно, он был сыном Дмитрия Ольгердовича, получившего в 1379 г. в держание Переяславль. На пути в Кострому Дмитрий Иванович сделал остановку в Переяславле, где, по всей видимости, и договорился об отправке Остея в Москву для укрепления её обороны.

Перейдя Оку, Тохтамыш взял и сжёг Серпухов, а 23 августа подошёл к Москве. Трёхдневный штурм города окончился провалом: «И наутрии же самъ царь прииде со всею силою подъ градъ, и приступиша ко граду со все стороны, стреляюще; бяху же стрелы ихъ яко дождь умножены. А гражане противу ихъ стреляху и камениемъ шибяху, но сии съ стенъ збиша гражанъ, еще бо граду тогда ниску сушу, и начаху лествици приставлявати къ граду и на стены хотяху взыти. И възвариша воду въ котлехъ, ляху нанъ, а инии стреляху, тюфяки пуцаху и пушки; единъ же некто Москвитинъ, суконникъ Адамъ, с Фроловскихъ воротъ пусти стрелу, напявъ, уби некоего отъ князеи ордынскихъ, славна суца, иже велику печаль сътвори Тахтамышу и всемъ княземъ его»²⁷⁶.

Убедившись в том, что штурмом Москву не взять, Тохтамыш прибег к обману, заявив осаждённым, что готов отступить от города, если получит от них дары. Слова хана клятвенно подтвердили нижегородские княжичи. Когда доверившиеся им москвичи открыли ворота города, татары ворвались в Москву и устроили ей разгром: «Стоявъ же царь у города 3 дни, многи брани сътворивъ, и на 4 оболга ихъ князя Остея сице: приехаша бо подъ градъ въ полъ обеда повелениемъ вси князи ордынстии и съ ними шюръя великого князя, Василеи да Семень Дмитреевичи, Суздальского князя, глаголюще: „васъ, людеи своихъ, хоцетъ жаловати царь, неповинни бо есте, не достоини смерти, а ополчился есть на великого князя, а отъ васъ ничего же иного требуетъ, но токмо изыдете въ стретение его со княземъ вашимъ, съ легкими дары, хоцетъ бо градъ сеи видети, а вамъ всемъ даетъ миръ и любовь“. А князи Суздальстии правду хрестьяномъ даша, яко не блюстися ничего. Они же, емше сему веры и отверзыше врата, выидоша преже со княземъ лучышии люди с дары многими, а по нихъ чинъ священничъскы. И тако погании преже убиша князя Остея тайно, а потомъ приидоша ко вратомъ града и начаша вся безъ милости сечи, священниковъ и прочихъ хрестьянъ, и святыя иконы потопташа, и тако въ все врата въ градъ внидоша, а инии по лествицамъ, и тако въскоре градъ взяша, а хрестьяне вся изсекоша, множество бо ихъ, и всемъ оканнымъ плеча измолкоша, секуще. И тако разграбиша вси церкви, а хрестьянъ прибегшихъ изсекоша въ нихъ; такоже вся казны княжъския взяша, и всехъ людеи, иже бяху со многихъ земль сбеглися, то все взяша. Взять же бе градъ августа 26, въ 7 часъ дни, в четвергъ, и огнемъ поपालень, а люди изсечены, а инии пленены, а инии згореша, а инии истопоша, а инии въ трупы и въ крови издушишася»²⁷⁷.

Захватив Москву, Тохтамыш направил свои отряды на Владимир, Переяславль, Юрьев, Звенигород и Можайск. Татары опустошили окрестности этих городов, но взять смогли только Переяславль, жители которого бежали до их прихода. Один из татарских отрядов был разбит у Волока Владимиром Серпуховским, после чего Тохтамыш начал отступление: «Князь же великий тогда бе со княгинею и с детми на Костроме, а князь Володимеръ Андреевичъ за Волокомъ стояше со многими людми; и ту наехаша на нихъ Татары, онъ же удари на нихъ, и тако многихъ избиша ту, а иныхъ поимаша, а инии прибегоша къ Тахтамышу; онъ же убояся и нача помалу уступати отъ Москвы. Кипреянъ же митрополитъ тогда во Тфери бе»²⁷⁸; «А князь Володимеръ Андреевичъ, собрав воя многы около себе, и стояше ополчившеся близъ Волока.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Там же. С. 128.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Там же.

И тамо неции Татарове наехаша на нь; онъ же прогна ихъ отъ себе. Они же прибегоша къ Тахтамышю царю пострашены и биты. Царь же, слышавъ, что князь великий на Костроме, а князь Володимеръ у Волока, поблюдашеся, чая на себе наезда; того ради не много днии стояше у Москвы, но вземъ Москву, скоро отъиде»²⁷⁹. На обратном пути татары взяли Коломну и опустошили Рязанское княжество.

Вернувшиеся в Москву Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич приказали похоронить погибших, которых насчитали двадцать четыре тысячи: «Посемъ же прииде князь великий и князь Володимеръ на Москву и видеша градъ пожъженъ, а церкви разорены, а трупиа мертвыхъ многа суща вельми, и многы слезы излияша, и повелеша телеса мертвыхъ погребати, и даваша отъ 80 мертвецовъ по рублю, и выиде того 300 рублевъ»²⁸⁰.

Нашествие Тохтамыша побудило Михаила Александровича Тверского нарушить соглашение 1375 г. и вновь заявить претензии на великое княжение. Опасность такого развития событий понимали и в Москве – по всей видимости, Владимир Серпуховской находился с войском под Волоком именно с целью не позволить тверичам соединиться с татарами. Однако послу тверского князя всё-таки удалось добраться до Тохтамыша: «И посла князь великий Михайло Гурленя; они же изымавъ биша, и поставиша Гурлена предъ царемъ, и царь повеле грабежъ изыскати, и отпусти его съ жалованиемъ къ великому князю Михаилу, съ ярлики»²⁸¹. 5 сентября Михаил Александрович отправился к хану сам: «Той же осени князь великий Михаилъ Тферский поиде въ Орду, сентебра въ 5 день, а съ нимъ сынъ его князь Александръ»²⁸². По всей видимости, он надеялся встретиться с Тохтамышем под Москвой – татары покинули её в первых числах сентября, но ввиду быстроты их отступления тверскому князю об этом ещё не было известно. Кроме того, опасаясь москвичей, Михаил Александрович двигался «околицею, не прямыми и не путма»²⁸³, в результате чего застать хана в пределах Руси ему уже не удалось.

Во время отправки посла к Тохтамышу и отъезда самого тверского князя в Твери находился митрополит Киприан. Крайне маловероятно, что Михаил Александрович действовал без ведома главы Русской церкви. А это означало, что Киприан в 1382 г. не только бросил Москву на произвол судьбы перед татарским нашествием, но и совершил прямую измену. Опасения, которые московский князь испытывал с самого начала в отношении ставленника Литвы на русской митрополии, полностью оправдались – воспользовавшись нашествием Тохтамыша, Киприан поддержал замысел тверского князя возродить антимосковский союз Твери, Орды и Литвы. Ответные меры со стороны Дмитрия Ивановича не заставили себя ждать: «Тое же осени съеха съ Москвы Кипреянъ митрополить на Киевъ, разъгневаль бо ся на него князь великий, что не сиде в осаде, приведе изъ заточения Пимина на митрополью с честию»²⁸⁴.

Московскому князю был нанесён тяжёлый удар. Взятие Москвы татарами причинило значительный ущерб его могуществу и влиянию. Олег Рязанский и Михаил Тверской разорвали свои dokonчания с Москвой и переметнулись на сторону татар. Особенно болезненной для московского князя должна была быть измена его тестя Дмитрия Константиновича Нижегородского и шуринов Василия и Семёна Дмитриевичей, благодаря клятвопреступлению которых Тохтамышу удалось взять Москву. Однако Дмитрий Иванович не пал духом. Уже осенью 1382 г. он нанёс ответный удар по Рязанскому княжеству: «На ту же осень князь великий Дмитрей Ивановичъ посла свою рать на князя Олга Рязаньскаго. Князь же Олегъ Рязанский не въ мнозе

²⁷⁹ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 133.

²⁸⁰ Ермолинская летопись. ПСРЛ. Т. 23. С. 129.

²⁸¹ Тверская летопись. ПСРЛ. Т. 15. Стб. 442.

²⁸² Там же.

²⁸³ Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 147.

²⁸⁴ Ермолинская летопись. ПСРЛ. Т. 23. С. 129.

дружине утече, а землю всю и до остатка взяша, и огнемъ пожгоша и пусту сътвориша, пуще ему стало и Татарьской рати»²⁸⁵. Поход московской рати на союзника Тохтамыша означал, что Дмитрий продолжает считать себя в состоянии войны с Ордой.

Первый шаг к примирению был сделан самим ханом. Осенью 1382 г. он направил в Москву своего посла: «Тои же осени къ князю Дмитрию на Москву отъ Тахтамыша посолье приеха Карачъ о миру, князь же повели крестьяномъ ставити дворы и съзидати грады»²⁸⁶. По всей видимости, целью этого посольства был вызов московского князя в Орду. Однако Дмитрий Иванович к хану не поехал (примечательно упоминание летописца в связи с приездом татарского посла о приказе князя строить крепости). Только весной следующего, 1383 г., он направил в Орду посольство во главе со своим сыном: «Тое же весны князь великий Дмитрей Ивановичъ отпусти въ орду къ царю Тахтамышю сына своего старейшаго князя Василиа изъ Володимеря, а съ нимъ боярь старейшихъ и тамо пребысть 3 летца; идоша въ судехъ по Волзе на низъ»²⁸⁷.

Попытки Михаила Александровича Тверского добиться от Тохтамыша великокняжеского ярлыка окончились неудачей: «Того же лета выиде из орды князь Михаило Тферьский безъ великаго княжения, а Василья Дмитриевича приа царь въ 8000 сребра; и Михайловъ сынъ Александръ остася въ орде»²⁸⁸. За признание Тохтамышем своего великокняжеского титула Дмитрию Ивановичу Московскому пришлось заплатить возобновлением выплаты дани в Орду. Однако сумма этой дани была значительно ниже, чем сумма татарской дани, платившейся Русью до начала в Орде «замятни».

По всей видимости, при хане Узбеке дань со всех северо-восточных русских княжеств составляла порядка тринадцати-четырнадцати тысяч рублей серебром: «Предположительно можно определить и размеры дани с отдельных русских земель. В 1321 году по договору великого князя Юрия Даниловича Московского с Дмитрием Михайловичем Тверским Юрий „поимал серебро у Михайловичеи выходное“ (Воскресенская летопись. С. 198), „и докончаша мир на дву тысячах рублев серебра“ (Московский свод. С. 166). Определенно, что Дмитрий Михайлович передавал великому князю Юрию 2000 рублей дани с Тверского княжества. Зимой 1327/28 года, после народного восстания против татар в Твери, прибыли на Русь татарские войска, разорившие Тверскую землю. „И в Новъгород прислаша послы Татарове, и даша им новгородци 2000 серебра, и свои послы послаша с ними к воеводам с множеством даров“ (НПЛ. С. 98). 2000 рублей – не контрибуция, так как Новгород не подвергался нападению татар, а дань с Новгородской земли. Когда великокняжеский престол оказался незанятым, хан Узбек поручил своим послам привезти новгородскую дань в Орду. Если, очень предположительно, считать, что и Московское, и Нижегородско-Суздальское, и Рязанское княжества платили по 2000 рублей, то дань с Северо-Восточной Руси должна была составить около 13—14 тысяч рублей»²⁸⁹.

Достоверно известно, что в конце правления Дмитрия Ивановича дань с Великого княжества Владимирского составляла пять тысяч рублей серебром, а это означает, что все северо-восточные русские княжества должны были платить порядка десяти тысяч: «Впервые точная сумма ежегодной дани с великого княжения – 5000 рублей – обозначена в договоре Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским от 25 марта 1389 года. Владимир Андреевич должен был вносить в эту сумму со своего удела и с доставшейся ему трети удела княгини Ульяны 320 рублей (ДиДГ, №11. С. 31). В духовной грамоте Дмитрия Донского, написан-

²⁸⁵ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 133.

²⁸⁶ Новгородская IV летопись. ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 339.

²⁸⁷ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 134.

²⁸⁸ Новгородская IV летопись. ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 339.

²⁸⁹ Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Т. 13. Серия историко-филологическая. Красноярск, 1958.

ной в апреле – мае 1389 года, определены размеры дани с уделов его сыновей. Общая сумма, которую они должны внести „в тысячу рублей“, составляет 960 рублей (ДиДГ, №12. С. 35—36). Вместе с долей Владимира Андреевича дань московских князей составляла 1280 рублей. К этому надо прибавить дань с города Москвы и с промысловых мест, находившихся в совместном владении князей... Общая сумма московской дани должна была составлять не меньше 1500 рублей. Для сравнения можно отметить, что 1500 рублей составляла дань великого княжества Нижегородско-Суздальского (ДиДГ, №16. С. 44, №17. С. 49). Необходимость точного определения размеров дани в княжеских грамотах обуславливалась не изменением состава их владений, а уменьшением дани с русских земель после Куликовской битвы... Общая сумма ежегодной дани с Северо-восточной Руси в Золотую Орду на протяжении почти столетия после Куликовской битвы должна была составлять не меньше 10000 рублей. Если с великих княжеств Московского и Нижегородско-Суздальского князя вносили в семитысячную дань по полторы тысячи рублей, то можно предположить, что тверские и рязанские князья отправляли в Золотую Орду помимо 7000 рублей не менее, чем по полторы тысячи рублей. Сверх 7000 рублей, по-видимому, вносилась и дань с Ярославского княжества... Выплата Северо-Восточной Руси после Куликовской битвы примерно 10000 рублей в Золотую Орду такого губительного влияния на развитие народного хозяйства, как это было в XIII веке, не оказывала»²⁹⁰.

По всей видимости, дань в пять тысяч рублей с Великого княжества Владимирского, которую обязался платить Тохтамышу в 1383 г. Дмитрий Иванович, была именно той суммой, о которой он договорился с Мамаем в 1371 г. и которую предлагал выплатить ему «по христианской силе» в 1380 г. Это означает, что по договоренности с Тохтамышем сумма русской дани была снижена примерно на четверть. Таким образом, хан не только признал великокняжеский титул за московским князем, который в 1382 г. оказал ему прямое вооружённое сопротивление, но и согласился с существенным сокращением дани с его владений. Договор 1383 г. стал формальным признанием Ордой суверенного статуса Великого княжества Владимирского и наследственного права на него московских князей.

Осенью 1383 г. Владимир посетил посол Тохтамыша: «Тое же осени о Дмитриеве дни бысть въ Володимери лють посоль, именемъ Адашь, Токтомышъ»²⁹¹. По всей видимости, он привёз великокняжеский ярлык на имя Дмитрия Ивановича. Тем не менее сын московского князя оставался в Орде фактически на положении заложника – Тохтамыш сомневался в лояльности Дмитрия, и, как покажут дальнейшие события, небезосновательно. В 1384 г. «бысть дань великая тяжкая по всему княжению великому, всякому безъ отдатка, съ всякие деревни по полтине. Тогда же и златомъ даваше въ орду, а Новъгородъ Великий далъ черныи боръ»²⁹². Тяжесть дани объясняется тем, что она собиралась сразу за несколько лет – со времени вступления Тохтамыша на ордынский престол в 1380 г.

Имеются основания предполагать, что в 1384 г. было заключено новое соглашение между Дмитрием Московским и Михаилом Тверским, текст которого в основном воспроизводится в соглашении 1399 г. между новым московским князем Василием Дмитриевичем и тем же Михаилом Тверским: «1399 г. датируется дошедший до нас текст докончания Михаила Александровича с Василием Дмитриевичем Московским... Однако можно ли считать, что урегулирование московско-тверских отношений новым договором состоялось только в 1399 г.? Есть основания для отрицательного ответа на этот вопрос... Нарушение Михаилом обязательства не претендовать на великое княжение и неясная после смерти Василия Михайловича судьба Кашина требовали обновления договора. Датировать это не дошедшее до нас московско-твер-

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 135.

²⁹² Там же.

ское dokonчание следует, скорее всего, 1384 г., временем вскоре после возвращения Михаила из Орды, где Тохтамыш отказался отдать ему великое княжение владимирское»²⁹³.

По новому московско-тверскому соглашению Дмитрию пришлось пойти на некоторые уступки – он признал Михаила равным себе правителем («братом»), а также отказался от претензий на Кашинский удел Тверского княжества. Михаил же при этом подтвердил своё обязательство более не добиваться великого княжения, даже если ему его будут давать татары. Наиболее интересен для нас пункт об отношениях с татарами договора 1399 г., восходящий, по всей видимости, к договору 1384 г.: «А быти нам, брате, на татары, и на литву, и на немци, и на ляхи заодинъ. А по грехом, поидет на нас ц (а) рь ратию, или рать татарская, а всяду на кон (ь) самъ и своею брат (ь) ею, и тобе, брате, послати ко мне на помочь свои два с (ы) на да два братанич (а), а с (ы) на ти одног (о) оу собя оставити»²⁹⁴. Как видим, татары упоминаются в числе прочих противников Руси. Война с ними, включая конкретно войну с правящим ханом, рассматривается как нечто само собой разумеющееся. Это свидетельствует о том, что Дмитрий Иванович и не думал капитулировать перед Тохтамышем. О том же свидетельствуют и события последних лет его правления.

В конце 1385 г. московский княжич Василий Дмитриевич бежал из Орды, где он, по всей видимости, удерживался в качестве заложника. Примечательно, что вместе с ним в Орде в это время удерживались тверской княжич Александр Михайлович, суздальский княжич Василий Дмитриевич и рязанский княжич Родослав Ольгович, что свидетельствует об осознании Тохтамышем слабости своей власти над Русью и стремлении укрепить её при помощи института заложничества. Круглым путём через Молдавию и Литву Василий Дмитриевич 19 января 1388 г. добрался до Москвы: «Въ лето 6893 (1385) ... Тое же осени въ Филипово говение, въ Юрьевъ день, въ неделю, побежа изъ орды князь Василеи, сынъ князя великаго Дмитриевъ... Въ лето 6894 (1386) ... Того же лета прибеже сынъ князя великаго Дмитриевъ Ивановича князь Василеи въ Подольскую землю въ великия Волохы къ Петру воеводе... Въ лето 6895 (1387) ... Тоеже осени князь великий Дмитриеи Ивановичъ отпустиша боярь своихъ старейшихъ противу сыну своему князю Василью въ Полотцкую землю... Тое же зимы между говенеи въ мясоедъ, месяца Генваря въ 19, на память святого отца Макария, прииде на Москву къ своему отцу къ князю къ великому, князь Василеи Дмитриевичъ, а съ нимъ князи Лятские и панове, и Ляхове»²⁹⁵. Сразу же после этого московский князь выступил против Тохтамыша, вмешавшись в дела Нижнего Новгорода.

Тесть Дмитрия Ивановича Дмитрий Константинович Нижегородский умер 5 июля 1385 г. Тохтамыш отдал Нижний Новгород его младшему брату Борису: «Царь же то слышавъ Тах-тамышъ въ орде преставление, вдасть княжение Нижнего Новгорода князю Борису Костантиновичю, брату его, тогда сущу ему въ орде и съ своимъ сыномъ с Ываномъ»²⁹⁶. Однако с этим не согласились сыновья покойного Дмитрия Константиновича – Василий и Семён. В начале 1388 г. они выступили походом на своего дядю, получив для этого военную поддержку от Дмитрия Московского: «Тое же зимы князь Василеи да князь Семень Дмитриевичи събравше воя многы съ своеи отчины, Суждальци и Городчяне, и у князя великаго Дмитрея Ивановича испросиша себе силу въ помочь, рать Можайскую и Звенигородцкую и Волотцкую, и съ всеми сими поидоша къ Новугороду къ Нижнему на своего дядю на князя Бориса Костянтиновича, и приидоша къ Новугороду въ великое говение, месяца Марта въ 10 день, въ вторникъ на похвалной недели, и стояша рати у города межю собою 5 день и потомъ умиришася; князь Борисъ съступиша имъ волостей Новогородцкихъ, а они ему отступишася его

²⁹³ Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 110—112.

²⁹⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.-Л., 1950. С. 41.

²⁹⁵ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 135, 136, 137.

²⁹⁶ Там же. С. 135.

уделовъ, и тако взяша миръ межи собою, и възвратишася каждо въ свояси»²⁹⁷. Великим князем нижегородским стал Василий Дмитриевич, а Борис Константинович был вынужден вернуться в свой удельный Городец. Участие московских войск в свержении с престола князя, получившего ярлык от Тохтамыша, было прямым выступлением против правящего хана Орды и ещё одним подтверждением отказа московского правителя признавать за татарами право распоряжаться русскими княжествами.

19 мая 1389 г. Дмитрий Иванович умер. По своему завещанию, в отличие от отца и деда, он передал сыну как своё наследственное владение не только Московское княжество, но и Великое княжество Владимирское: «А приказываю о (т) ч (и) ну свою Москву детям своим, князю Василью, князю Юрю, князю Аньдрею, князю Петру... А се бл (а) г (о) с (ло) в (л) яю с (ы) на своего, князя Василья, своею о (т) ч (и) ною, вел (и) кимъ княженьем»²⁹⁸. Кроме того, завещание предусматривало возможность вскоре полностью прекратить выплату дани Орде: «А переменить Б (ог) ъ Орду, дети мои не имуть давати выхода в Орду, и который с (ы) нъ мои возмет дан (ь) на своем оуделе, то тому и есть»²⁹⁹. Такого же рода условие имелось в dokonчании Дмитрия Ивановича с его двоюродным братом Владимиром Андреевичем, заключённом незадолго до смерти московского князя, 25 марта 1389 г.: «А оже ны Б (ог) ъ избавит, ослободит от Орды, ино мне два жеребья, а тебе треть»³⁰⁰.

Когда Дмитрий Иванович вступил на престол в девятилетнем возрасте, Московское княжество в территориальном отношении оказалось отброшенным фактически на полстолетия назад – во времена его прадеда Даниила Александровича. Спустя два десятилетия Дмитрий Иванович был уже суверенным великим князем владимирским, верховную власть которого признавали не только все князья Суздальской земли, но также и великие князья рязанский, смоленский и черниговский. В 1368—1372 гг. он одержал победу в войне с Великим княжеством Литовским, а в 1374 г. окончательно перестал признавать верховную власть Золотой Орды. В ходе смуты в Литве, последовавшей за смертью Ольгерда в 1377 г., на его сторону перешли старшие сыновья покойного литовского великого князя Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский. В 1377 г. он подчинил своей власти принадлежавший Орде Булгар, а в 1378 и 1380 гг. нанёс сокрушительные поражения её фактическому правителю Мамаю. Примирение Дмитрия Ивановича с митрополитом Киприаном в 1381 г. ознаменовало собой восстановление единства общерусской митрополии.

По сути дела московскому князю в ожесточённой двадцатилетней борьбе с внешними и внутренними противниками удалось воссоздать суверенную русскую государственность. Изложением официальной идеологии его правления можно считать «Слово о житии и о представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского», написанное одним из приближённых московского князя после его смерти. В нём Дмитрий неоднократно именуется царём, т.е. суверенным государем Руси, независимым от власти Орды: «Врази же его взавидеша ему, живущии окрестъ его, и навадиша на нь нечъстивому Мамаю, так глаголюще: „Дмитрий, великий князь, себе именует Руской земли царя, и паче честнейша тебе славою, супротивно стоит твоему царствию“... Еще же дръзну несрамно рещи о житии сего нашего царя Дмитриа, да се слышаще, царие и князи, научитесь тако творити... Царьскый убо санъ дръжаше, а агтелскы живяше, постомъ и молитвою по вся нощи стояше, сна же токмо мало приимаше; и паки по мале часе на молитву вставаше, и подобу благу все творяше... Землю Рускую управляше, на престоле седяше, яко пещеру в сердци дръжаше, царскую багряницу и венець ношаше, а в чернечьскыя ризы по вся дни облещися желаше... И посем разболеся и прискорьбен бысть

²⁹⁷ Там же. С. 137—138.

²⁹⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.-Л., 1950. С. 33, 34.

²⁹⁹ Там же. С. 36.

³⁰⁰ Там же. С. 31.

велми. Потом же легчае бысть ему, и възрадовася великаа княгини радостию великою и сынове его, и велможи царства его... Царю мой милый, како прииму тя и како ты обойму или како ты послужи?... За царский венець худымъ симъ платомъ главу покрываеши... Жена ли ся нареку? Остала есмь царя... Егда же успе вечным сномъ великий царь Дмитрий Руския земля, аерь възмутися, и земля трясаешся, и человеци смятошася... Сий же убо Богомъ дарованную примъ власть и с Богомъ все творя велие царство створи и настоліе земли Руской яви... Кому уподоблю великаго сего князя, рускаго царя?»³⁰¹.

Нашествие Тохтамыша в 1382 г. во многом уничтожило плоды трудов Дмитрия Ивановича. Причина неудачи в войне с Тохтамышем заключалась отнюдь не в «законности» его прав на ордынский престол, а в истощении военных ресурсов Руси, разногласиях между русскими воеводами и предательстве союзников Дмитрия – великих князей Нижнего Новгорода, Рязани и Твери, а также митрополита Киприана. Как мы имели возможность неоднократно убедиться, законность или незаконность власти правителя Орды для московского князя не имели никакого значения – он боролся с Ордой как таковой. В 1363 г. он вопреки ярлыку хана Мурада не позволил Дмитрию Константиновичу Нижегородскому занять владимирский стол и в том же самом году вернул под власть Москвы Сретенскую половину Ростова и Галич, отнятые у неё ханом Наврузом в 1360 г. В 1365 г. он удержал за собой Владимир вопреки ярлыку хана Азиза и тогда же сверг с нижегородского стола князя Бориса Константиновича, посаженного на него ханскими послами. В 1370, 1371 и 1375 гг. он отказался подчиниться хану Мухаммаду-Бюляку, выдавшему великокняжеский ярлык Михаилу Тверскому (в первых двух случаях московский князь ещё продолжал формально признавать верховенство хана). Поездка Дмитрия Ивановича в Орду в 1371 г. была тактическим манёвром, призванным нейтрализовать татар накануне решающего столкновения с Литвой. В 1377 г. он лично выступил во главе своего войска против хана Араб-шаха, правившего тогда в Сарае. В 1380 г. его несколько не смутило присутствие на Куликовом поле хана Мухаммада-Бюляка, формально бывшего главнокомандующим татарского войска. На Дону русские воины сражались не с «узурпатором Мамаем», а с Ордой как таковой.

Зачастую наиболее яркое своё выражение политические идеи находят в произведениях поэтических. Пожалуй, нигде идеологическая подоплёка Донского побоища не представлена так чётко, как в написанной по горячим следам «Задонщине»: «Пойдем, брате, тамо в полунощную страну – жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися русь православная... И оттоля на восточную страну – жребий Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя – поганные татаровя, бусормановя. Те бо на реке на Каяле одолеша родъ Афетов. И оттоля Руская земля седить невесела; а от Калатьския рати до Мамаева побоища туюю и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаючи – князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатество, жены и дети и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за веру християнскую... Снимемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвеселим Рускую землю и возверзем печаль на Восточную страну – в Симов жребий»³⁰². Итак, с точки зрения русского воинства битва на Куликовом поле была противостоянием между родом Яфета в лице руси и родом Сима в лице татар и возмездием за поражение на Калке.

После победы Тохтамыша над Мамаем Дмитрий Иванович и не думал признавать власть нового хана и платить ему дань. Вместо этого он стремился укрепить возглавляемый им союз русских князей, который, как об этом свидетельствует договор с Олегом Рязанским 1381 г., сохранял антитатарскую направленность. Хотя вторжение Тохтамыша и застало его врасплох, оно отнюдь не вынудило его капитулировать. Взять Москву хан смог только обманом, один

³⁰¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 1999. С. 206—227.

³⁰² Там же. С. 104.

из его отрядов был разбит Владимиром Серпуховским, а его поспешный отход от русской столицы был похож скорее на бегство, чем на возвращение победоносного полководца. Предложение мира было сделано самим Тохтамышем. По заключенному в 1383 г. договору хан признал великокняжеский титул за Дмитрием Ивановичем, хотя тот оказал ему прямое вооружённое сопротивление, и согласился на существенное снижение дани. Но даже заключение мира с Тохтамышем не заставило московского князя отказаться от сопротивления Орде. По всей видимости, в 1384 г. он заключил окончание с Михаилом Тверским, в котором прямо оговаривалась возможность войны с ханом. А в 1388 г. посланные им войска изгнали из Нижнего Новгорода князя Бориса Константиновича, который был посажен на нижегородский стол Тохтамышем.

В 1374—1382 гг. Дмитрий Иванович правил как полностью независимый государь всея Руси. Нашествие Тохтамыша вынудило его вновь признать верховную власть Орды, но признание это было уже лишь формальностью. Трезво оценивая обстановку, Тохтамыш даже не попытался передать ярлык на великое княжение какому-либо другому князю. Подобных попыток не предпринимал и никто из его преемников. Соглашение 1383 г. означало вынужденный отказ Орды от своего главного инструмента вмешательства во внутренние дела Руси – распоряжения великокняжеским столом. Оно стало официальным признанием положения, возникшего в 1363 г., когда московский князь силой удержал за собой Великое княжество Владимирское вопреки ярлыку хана Мурада. Именно поэтому 1363 год должен рассматриваться как год освобождения Руси от татарского ига. Приписывание подобного смысла Стоянию на Угре в 1480 г., идущее от Карамзина, не имеет под собой никаких оснований, что мы подробно покажем позже.

Элементы формальной зависимости русских великих князей от Орды, существовавшие, постепенно сходя на нет, после 1363 г., татарским игом именоваться уже не могут, как и вынужденная выплата Орде дани. Если бы мы приравнивали выплату дани к игу, то нам пришлось бы относить его свержение к 1685 г., когда Крымскому ханству были в последний раз выплачены поминки, к 1700 г., когда их упразднение было формально закреплено Константинопольским договором, а то и к 1739 г., когда по Белградскому договору Крымское ханство окончательно отказалось от попыток добиться возобновления их выплаты. В этой связи можно вспомнить, что ряд стран, включая Британию и США, ещё в первой половине XIX в. платили дань североафриканским владениям Османской империи с целью защитить себя от набегов берберских пиратов, однако никому не придёт в голову говорить по этой причине о турецком иге над Британией и США.

«Куликовская битва была великой победой русского народа над золотоордынскими татарами. Она нанесла непоправимый удар Золотой Орде, кратковременный подъем которой при Тохтамыше сменился быстрым упадком. После Куликовской битвы татары осмеливались нападать на русские земли только внезапными набегами, „изгоном“. Ханские ярлыки на великое княжение, так называемое „царево жалование“, сделались почти фикцией, а дань, уплачиваемая в Орду, получила характер откупа от грабительских нападений. Такую дань крымские ханы получали даже в XVII в. одинаково с России и с Речи Посполитой. Оба государства платили ее, чтобы избежать грабительских нападений крымцев. Татарский „выход“ был тяжел, но уже не имел характера систематической дани, получаемой Золотой Ордой с русских земель»³⁰³

³⁰³ Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года // Вопросы истории. 1955. №8. С. 24.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.